

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БАРНАУЛЬСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

**СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ**

**СИБИРСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ФОРУМ**

**БАРНАУЛ
2021**

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России

**СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

Барнаул 2021

ББК 67.911.11я43

С 34

С 34 Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул : Барнаулский юридический институт МВД России, 2021. – 118 с.

ISBN 978-5-94552-466-8

Редакционная коллегия:

Анохин Ю.В., д.ю.н., профессор (председатель),

Богущий А.В., к.и.н., доцент (зам. председателя),

Авдюшкин Е.Г. (ответственный за выпуск),

Семенюк Р.А., к.ю.н., доцент,

Ермакова О.В., к.ю.н., доцент,

Ботвин И.В., к.ю.н., доцент,

Шаганова О.М., к.ю.н. (ответственный секретарь).

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников Всероссийской научно-практической конференции «Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии». В материалах конференции освещаются проблемные вопросы криминологической и уголовно-правовой науки, определяются тенденции и перспективы развития.

ISBN 978-5-94552-466-8

© Барнаулский юридический институт
МВД России, 2021

К ВОПРОСУ О ДИАГНОСТИКЕ РЕГИОНА, ЕГО ОБЪЕКТОВ И ЯВЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Р.М. Абызов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Барнаульский юридический институт МВД России

Преступность как социальное явление тесно связана с другими социальными явлениями самой различной природы. Задача анализа преступности заключается в том, чтобы не только установить ее качественно-количественные характеристики, но и выявить те социальные явления и процессы, под воздействием которых эти характеристики формируются и изменяются.

Другими словами, анализ преступности может рассматриваться как определенная форма социальной диагностики, целью которого должно стать: во-первых, определение его состояния, оценки конкретной ситуации, в рамках которой он функционирует или протекает; во-вторых, описание объекта в системе показателей, основанных на нормах и ориентирах диагностируемой сферы жизнедеятельности [4, с. 38].

В технологии диагностики можно выделить ряд этапов: первый – общее предварительное ознакомление с объектом, постановка задач, выделение состава диагностируемых ситуаций, параметров ситуаций, выбор показателей методик; второй – измерение и анализ показателей; третий – построение выводов, заключение по диагнозу.

Наиболее сложным элементом диагностики преступности является определение ее причинного комплекса, иначе, совокупности криминогенных факторов. Практическое осуществление комплексного анализа криминальной ситуации в регионе невозможно без знания основных теоретических и методических положений, раскрывающих его структуру и содержание. В специальной литературе рассматривают несколько методических подходов к изучению преступности.

Системный подход предполагает изучение криминологического объекта (в

нашем случае – криминальной сферы общества), позволяющего выявить качественные устойчивые стороны интегрального образования, а не просто зафиксировать механическую совокупность составляющих его компонентов.

Системно-функциональный аспект показывает, какую роль в жизни общества играет криминальная сфера, являющаяся, по сути, подсистемой по отношению к обществу (всеобщей системе). В таком случае можно наблюдать зависимость поведения (функционирования) систем (общества, его криминальной сферы) от поведения их составляющих.

Системная сущность криминальной сферы означает и то, что она сама является системой, способной влиять на общество, обеспечивать свое воспроизводство. Криминальная сфера сегодня считается далеко не изученным социальным феноменом и ей, как социальной системе, еще предстоит различные оценки, а быть может, даже и открытия ранее неизвестных закономерностей функционирования. В этой связи изучение криминальной сферы с позиций системного подхода может представлять определенную ценность для организации эффективного воздействия на нее [2].

Первый подход состоит в рассмотрении преступности как сложного многофакторного социально-правового явления, которое характеризуется значительным числом различных свойств и параметров, присущих любому системному образованию, обладающему качественным и количественным содержанием, совокупностью системных признаков [5, с. 143].

Рассматриваемый подход есть не что иное, как системный анализ, состоящий из набора конкретных приемов, способов ис-

следования по возможности всех сторон, характеристик и свойств правонарушительского как объективно существующей реальности. Развитие криминологии позволяет исследователям анализировать такое свойство преступности, как ее внутренние взаимозависимости, а также связь (детерминированность) с определенными явлениями и процессами социально-экономического, политико-правового, демографического, географического и даже климатического характера.

Установлено прямое влияние на параметры преступности таких социальных явлений, как миграция и урбанизация населения, пьянство, безработица, инфляция, характер трудовой деятельности, возрастная структура, состояние законодательства и правоприменительной практики, уровень жизни и правосознания, экстремистские, националистические и религиозные проявления. Эти связи в форме объективной закономерности можно проследить не только на уровне регионов, но и в масштабе отдельного города, района.

В качестве **второго методического подхода** выступает рассмотрение преступности в единстве трех составляющих: деяние, лицо, его совершившее, и жертва. Наряду с криминологическим анализом и оценкой зарегистрированных преступлений, совершенно необходимым является изучение второго компонента преступности – **лиц, совершивших противоправные деяния**.

Следует сразу отметить, что исследование личности преступников имеет самостоятельное значение. Преступность нельзя изучать только по преступлениям или только по лицам. Статистические массивы, представленные статистическими формами, различны по объему, временному признаку и основным характеристикам. Их главная особенность состоит в том, что попавшие в статистику лица в значительной мере не принадлежат отраженным в форме № 1 преступлениям. Во-первых, потому, что форма № 1 включает все преступления, в т.ч. и не раскрытые, по которым лица не известны. Во-вторых, преступление на учет попадает вскоре после возбуждения уголовного дела, а преступник – только после

его окончания. Поэтому лица примерно по каждому пятому-шестому преступлению попадают в отчет следующего года.

Применительно к предмету нашего исследования содержание комплексного анализа должно охватывать изучение и оценку следующих элементов: а) факторов внешней среды, оказывающих влияние на состояние правопорядка и работу ОВД; б) состояния правопорядка на обслуживаемой территории; в) результатов оперативно-служебной деятельности и эффективности использования сил и средств ОВД.

Изучение факторов внешней среды предполагает сбор и анализ информации о факторах внешней среды, необходимой в основном для выявления объективных причин или иных изменений в состоянии преступности, которые заключаются: а) в выявлении и отборе тех из них, которые имеют значение для формирования и развития преступности в настоящее время и действуют в данном регионе; б) в установлении корреляционной зависимости между показателями социально значимого фактора и преступности.

В примерный перечень факторов внешней среды, оказывающих определенное влияние на состояние правопорядка и результаты деятельности ОВД, можно отнести территориально-географические; природно-экологические; социально-экономические; организационно-управленческие, политико-правовые; социально-психологические и т.п.

Анализ состояния правопорядка и преступности включает в себя деятельность по выявлению, изучению, оценке количественно-качественных характеристик преступности, позволяющих установить её состояние и основные показатели-параметры.

К примеру, количественные показатели преступности определяются путём изучения: а) её пространственно-временных изменений; б) общего количества преступлений; в) темпов их роста и прироста.

Качественные показатели в свою очередь характеризуют: а) общую распространенность преступности; б) изменения её характера во времени; в) структуру преступности; г) её устойчивость и изменчивость.

Криминологический анализ обычно начинается с определения абсолютных размеров (объема) преступности, выражаемых общим количеством зарегистрированных деяний и называемых в литературе «состоянием преступности».

Используя этот показатель, следует помнить о двух важнейших обстоятельствах: во-первых, он может достаточно объективно характеризовать преступность только при условии отсутствия существенных изменений в структуре преступности и населения; во-вторых, он далеко не адекватно отражает действительное положение дел в силу существования латентной, т.е. неизвестной правоохранительным органам преступности [3].

Интенсивность уголовных проявлений характеризуется относительным показателем **уровня преступности**. Именно этот показатель, называемый еще коэффициентом преступности, позволяет более сопоставимо сравнивать и оценивать общее состояние преступности в различных регионах, ибо он исключает влияние численности населения на количество совершаемых преступлений. Благодаря этому свойству уровень преступности выступает в качестве важнейшего показателя сложности криминальной обстановки.

Важным показателем криминальной напряженности региона является **коэффициент виктимности**, показывающий количество потерпевших в расчете на 10 тыс. или 100 тыс. населения в целом. Расчет перечисленных выше количественных показателей служит достижению максимальной информационной насыщенности различных показателей за счет их детализации, выраженной в соотношении данных о преступности и о населении.

Внутренне строение преступности, характеризующееся качественно-количественными показателями, определяет **структуру преступности**, представляющую собой отношение долей различных видов преступлений и групп преступности к их общей совокупности. Структурный подход чрезвычайно раздвигает границы возможных вариантов исследования преступности, открывает большие творческие перспективы для аналитиков.

Существует множество показателей **динамики (устойчивости) преступности**: абсолютный прирост, темп роста, темп прироста, средний темп роста и др. Для изучения изменения преступности во времени применяется показатель динамики (устойчивости) преступности, который позволяет осуществить: а) как ретроспективный анализ состояний и тенденций преступности в прошлом; б) так и перспективный, т.е. прогнозирование развития тенденций и характеристик преступности в будущем.

Динамика преступности определяется ее уровнем и интенсивностью, что предполагает использование: а) как абсолютных показателей (например, число преступлений); б) так и относительных (например, коэффициент преступности, рассчитанный на определенное число жителей).

Динамику преступности следует анализировать одновременно с динамикой ее последствий. К ним могут относиться: а) сумма материального ущерба, б) число погибших, в) число лиц, которым был причинен тяжкий вред.

Важной характеристикой преступности является ее территориальная распространенность, «география», обусловленная неравномерностью распределения по различным регионам. В региональном масштабе исследуются города, районы, зоны, городская и сельская местность. Для анализа территориальных особенностей преступности используются статистические и иные данные, сопоставление их с контрольным рядом (группой) показателей аналогичной номенклатуры. Чаще всего в качестве контрольного ряда используются показатели, сформированные на более высоком уровне (например, сопоставление показателей региона (района) с аналогичными данными по городу в целом) или на одном и том же уровне (при сопоставительном анализе).

В рамках изучения территориальной распространенности правонарушений немалый интерес представляет такой редко используемый в аналитической практике МВД, ГУВД, УВД, УВДТ, ГРОВД показатель, как **«коэффициент влияния»**, характеризующий степень взаимовлияния преступников на географию преступности в

зависимости от мест их проживания и совершения преступления.

Анализ и оценка оперативно-служебной деятельности территориальных ОВД основывается на существующих в системе МВД России критериях и показателях, устанавливаемых ведомственными нормативными актами. При этом целесообразно использовать информацию: а) о состоянии среды функционирования (внешние условия работы); б) об объеме оперативно-служебной деятельности (количество проведенных операций, число раскрытых преступлений, законченных производством уголовных дел и т.п.); в) о состоянии и результатах использования сил и средств (личный состав, технические средства и проч.); г) социологического характера, отражающую мнение населения о деятельности территориального органа.

В ходе анализа и оценки следует выявлять цепочку взаимосвязей, включающих в себя криминогенно значимые факторы внешней среды; состояние преступности; результаты оперативно-служебной деятельности; ресурсное обеспечение. Поскольку состояние преступности в значительной мере определяется воздействием факторов, не зависящих от правоохранительных органов, не следует напрямую отождествлять характеристики преступности с оценкой деятельности ОВД, их служб и подразделений.

Высокоэффективным является метод сравнительных исследований деятельности: а) двух территориальных органов или двух отделений одного органа, аналогичных по характеру выполняемой работы; б) двух или нескольких сотрудников УУП, УУР, СО и т.д., располагающих одинаковыми людскими и материально-техническими ресурсами, действующих в однородных условиях; но значительно отличающихся друг от друга результативностью своей работы.

Сравнительные исследования следует проводить и по наиболее важным направлениям оперативно-служебной деятельности: а) предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений; б) розыску преступников и лиц, пропавших без вести; в) результатам борьбы с преступностью,

отдельными её видами; г) организаторской работе руководителя подразделения (стиль и методы работы, эффективность управления силами и средствами и т.п.).

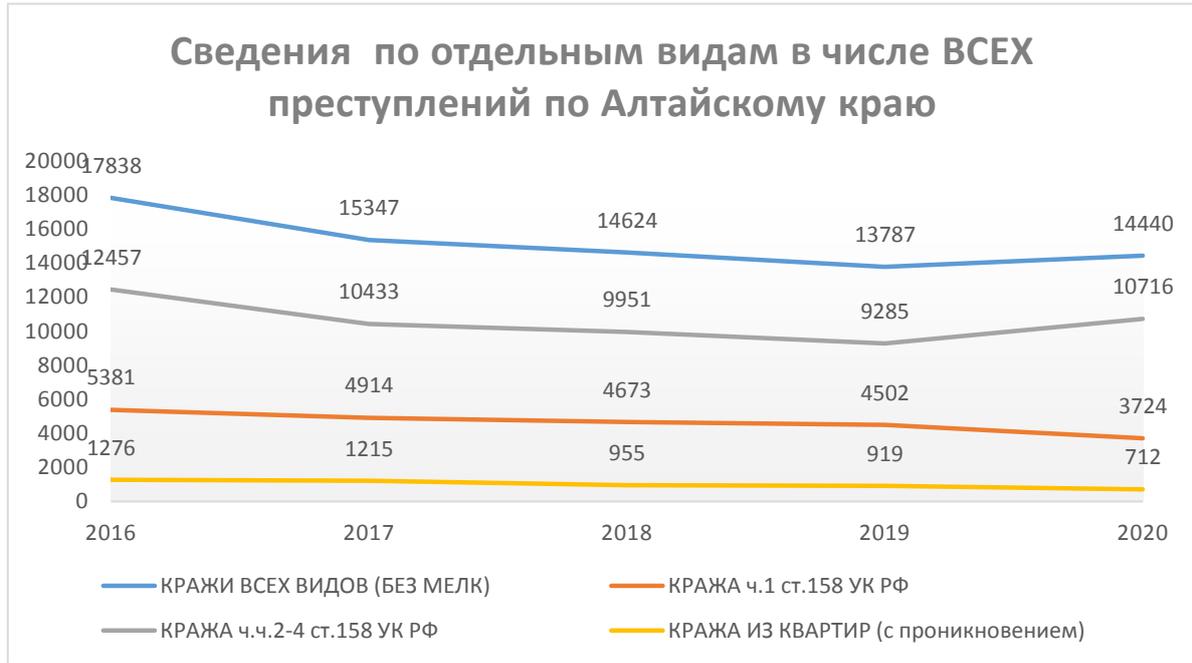
Анализ и оценка оперативно-служебной деятельности территориальных ОВД позволяет: а) исследовать установленные ведомственными нормативными правовыми актами отдельные показатели оперативно-служебной деятельности и на этой основе определять ее фактическое состояние; б) оценивать эффективность оперативно-служебной деятельности и определять степень влияния работы ОВД на состояние региональной преступности и правопорядка; в) выявлять неиспользованные резервы и возможности повышения эффективности оперативно-служебной деятельности для принятия последующих управленческих решений; г) изучать количественно-качественные характеристики кадрового состава: комплект, сменяемость, уровень профессиональной подготовки, нагрузку на сотрудников подразделений.

Важную роль в изучении состояния оперативной обстановки в регионе, анализе оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и наглядном отображении её результатов отводится **графическим методам обобщения информации**, суть которых заключается в построении различного рода схем, диаграмм, таблиц и графиков. С их помощью можно более наглядно, чем в текстовом изложении, отобразить состояние и развитие оперативной обстановки, что важно для исследования динамики и взаимосвязи криминогенных факторов и явлений.

При подготовке аналитических документов вопрос о размещении в нем графических материалов решается исходя из соображений целесообразности.

На практике наиболее часто применяются **линейные графики**, выполненные в виде кривых ломаных линий. Они удобны для показа изменений каких-либо явлений во времени. С помощью таких графиков можно показать динамику, например, преступности или отдельных ее видов. В целях сравнительного анализа возможно построение нескольких линейных графиков в одной системе координат.

График 1

Для сравнительной характеристики преступности, результатов деятельности органов внутренних дел, графического

отображения структуры криминологически значимых явлений применяются также **столбиковые и секторные диаграммы.**

Диаграмма 1

Таким образом, главной целью диагностики и комплексного анализа криминальной ситуации является получение криминологически значимой и обоснованной информации о состоянии, тенденциях и закономерностях преступности, для последующего её использования при

подготовке прогнозов возможного развития криминологических ситуаций на территории оперативного обслуживания, способствующих выработке эффективных управленческих решений предупредительного характера.

Литература

1. Абызов Р.М. Региональная криминология: учебник. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021.
2. Акимова А.Н. Теоретические и методологические основы системного криминологического анализа криминальной сферы общественной жизни // Юридический мир. 2016. № 5. С. 44-48.
3. Иншаков С.Н. Латентная преступность как показатель эффективности уголовной политики // Российский следователь. 2008. № 14. С. 107-130.
4. Макаров В.В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
5. Севрюков А.П. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с хищениями в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

А.Р. Акиев,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России

Криминологическую характеристику можно определить как совокупность данных об определенном виде (или группе) преступлений либо конкретном противоправном деянии, используемых для разработки и реализации мер профилактического характера. Следует отметить, что криминологическая характеристика – это исходный этап для оптимизации процесса разработки и реализации мер предупреждения преступлений. Если рассматривать предупреждение преступлений как целостную систему, то одной ее составной частью является криминологическая характеристика, а другой – разработка и реализация профилактических мероприятий [5, с. 9-12].

В соответствии с официальными статистическими данными Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за период с 2015 г. по 2020 г. наблюдается ежегодное стабильное снижение в России абсолютных показателей привлечения виновных лиц к уголовной ответственности на основании обвинительного приговора суда за совершение преступлений. Например, в 2015 г. общее количество осужденных лиц по всем составам преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ

[8], составило 734 581 человек. К 2020 г. анализируемый показатель уменьшился на 27,8% и составил 530 074 осужденных [4].

Отрицательная динамика свойственна и преступлению, предусмотренному ст. 127.1 УК РФ. Как свидетельствуют данные судебной статистики, в 2015 г. за торговлю людьми было осуждено всего 39 человек, что составляет около 0,005% от общего числа осужденных лиц в 2015 г. за совершение преступлений. В 2016 г. данный показатель снизился на 38,5% и составил 24 осужденных лица. В 2017 г. количество осужденных по ст. 127.1 УК РФ составило 26 человек, что на 8,3% больше в сравнении с предыдущим годом. Однако в 2018 г. наблюдается резкое уменьшение количества осужденных за торговлю людьми – на 30,8% до 18 человек. В 2019 г. рассматриваемый показатель вновь уменьшился на 11% и составил 16 осужденных лиц. В 2020 г. судами Российской Федерации за торговлю людьми было осуждено 16 человек [4].

Между тем данные международной статистики демонстрируют более внушительные показатели совершения в различных странах мира рассматриваемого вида преступных посягательств. Так, согласно стати-

стическим данным ООН, в период с 2017 по 2018 г. в более чем 110 странах мира было выявлено 74 514 жертв торговли людьми. Кроме того, в докладе Генерального секретаря ООН от 7 августа 2020 г. отмечается, что «пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) и ее глубокие и широкомасштабные социально-экономические последствия повышают уязвимость женщин и девочек перед эксплуатацией, жестоким обращением и торговлей людьми. Усиливающееся неравенство и рост уязвимости и масштабов нищеты могут повысить риск торговли женщинами и девочками. Кроме того, сейчас, когда весь мир переходит на онлайн-формат из-за пандемии COVID-19, торговцы людьми используют онлайн-технологии и другие средства для вербовки и эксплуатации жертв. В наиболее уязвимом положении оказываются женщины и девочки, столкнувшиеся с множественными и пересекающимися формами дискриминации. Усугубление неравенства и рост масштабов всех видов насилия в отношении женщин и девочек, включая торговлю людьми, в условиях пандемии COVID-19 может значительно замедлить прогресс в достижении целей в области устойчивого развития и поставить под угрозу незначительный прогресс, достигнутый к настоящему времени [2].

Вышеуказанные показатели преступности позволяют присоединиться к мнению большинства специалистов о том, что официальные статистические данные не отражают реального состояния преступности в стране, они являются статистикой реакций правоохранительных органов на преступность, а не статистикой собственно преступности [10, с. 14]. Следовательно, наблюдаемая динамика состояния преступности не может признаваться единственным основанием определения состояния защищенности граждан, формирования уголовной политики и деятельности по противодействию преступности.

Таким образом, только на основе официальных статистических данных нельзя дать объективную оценку состояния и динамики торговли людьми. Получение такой оценки в той или иной мере возможно только за счет критического анализа имеющихся данных официальной статистики, с учетом результатов

исследований и экспертных оценок других специалистов, уже принятых наукой в данной сфере.

Авторским коллективом Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации под руководством профессора С.М. Иншакова в 2017 г. была проделана фундаментальная работа по изучению латентной преступности по всем составам УК РФ. Результаты проведенного исследования могут быть успешно адаптированы и использованы в т.ч. и для криминологического анализа преступлений, предусмотренных ст. 127.1 УК РФ. Так, авторы указанного выше исследования на основе применения совокупности различных методов, включая метод экспертных оценок, анализ материалов средств массовой информации (в т.ч. глобальной сети Интернет), изучение документов, в частности, материалов об отказе в возбуждении уголовных дел и т.п., приходят к выводу, что доля латентных преступлений, связанных с торговлей людьми, составляет от 90% до 99% ежегодно [7, с. 167-169].

Данные некоторых других исследований также свидетельствуют о высоком уровне скрытых фактов торговли людьми. К примеру, Д.А. Шестаков отмечает, что торговля людьми, безусловно, обладает высоким уровнем латентности. В России минимальный коэффициент латентности составлял 10,92 для торговли людьми (ст. 127.1 УК РФ). С учетом этих коэффициентов фактическое осуществление торговли людьми для указанного года определено как 1 158 [9, с. 8]. А.А. Романов в своем исследовании приходит к выводу, что, учитывая высокий уровень латентности преступности в целом, а также уровень латентности рассматриваемых видов преступных посягательств в частности, фактически в России совершается около 1000-1500 преступлений, предусмотренных ст. 127.1 УК РФ [6, с. 124-125].

Таким образом, опираясь на доводы ученых в области криминологии относительно уровня латентности торговли людьми, можно сделать вывод о том, что официальные статистические данные в полной мере не отражают объективную картину состояния и динамики

совершения данных видов преступлений на территории Российской Федерации, существующую на сегодняшний день. Следует согласиться с доминирующим мнением ученых-криминологов о том, что реальное количество фактов совершения преступлений, предусмотренных ст. 127.1 УК РФ, значительно превосходит показатели, отраженные в официальных данных судебной статистики.

В юридических исследованиях отмечается, что количество жертв рабства и торговли людьми составляет 25 млн людей во всем мире. Около 64% из них эксплуатируются на различных видах производства, около 19% вовлечены в сферу оказания интимных услуг, остальные задействованы в иных формах рабства и эксплуатации человека [1, с. 112-116].

Согласно данным Организации Объединенных Наций, 71% выявленных жертв рабства и торговли людьми – это лица женского пола (женщины и девочки различного возраста), в то время как остальные 29% – мальчики и мужчины. Самой востребованной целью торговли людьми, а также самым популярным видом рабства выступают сексуальная эксплуатация или принудительный труд. При этом примерно 77% выявленных жертв женского пола становятся объектами торговли в целях сексуальной эксплуатации, 14% – в целях принудительного труда, а остальные – для других форм эксплуатации. Кроме того, женщины по-прежнему становятся жертвами торговли в целях мошенничества, принудительного и подневольного брака, детских браков, подневольного труда в домашнем хозяйстве и принудительной беременности. Жертвами торговли людьми становятся в основном самые незащищенные категории населения: 30% всех выявленных пострадавших – дети, почти 70% – женщины и несовершеннолетние девочки. Большинство торговцев людьми по-прежнему мужчины.

Так, согласно Докладу Управления ООН по наркотикам и преступности, который был представлен в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке 29 января 2019 г., «в глобальном масштабе сексуальная эксплуатация по-прежнему остается основной целью торговли людьми, с ней связано 59% всех выявленных случаев. 34% жертв были прода-

ны в целях трудовой эксплуатации. Кроме того, например, в некоторых государствах Юго-Восточной Азии торгуют невестами. В странах Центральной и Южной Америки участились случаи торговли детьми для незаконного усыновления. В Южной и Центральной Европе людей продают для принуждения к совершению преступлений и попрошайничества. В Северной Африке, Центральной, Юго-Восточной Европе и Восточной Европе были зарегистрированы случаи торговли «живым товаром» с целью изъятия органов» [3].

Однако число выявленных случаев торговли людьми в целях изъятия их органов и тканей невелико в сравнении с наиболее частыми случаями сексуальной или трудовой эксплуатации жертв рабства и торговли людьми. Как свидетельствуют данные, переданные в Управление ООН из 25 стран, за последние 13 лет, жертвами изъятия органов в результате торговли людьми стали около 700 человек, в то время как иным видам эксплуатации, в т.ч. сексуальной и трудовой, подверглись более 225 тыс. человек. Согласно оценкам специалистов извлечение органов в основном связано с нехваткой органов для пересадки, а от 5% до 10% операций по пересадке почек и печени проводятся с использованием незаконно полученных органов [3].

Таким образом, на основе вышеизложенной информации о жертвах торговли людьми можно заключить, что жертвами анализируемых видов преступных деяний во всем мире и в РФ в частности становятся, как правило, наиболее уязвимые категории населения – женщины и несовершеннолетние. При этом основной целью совершения торговли людьми в отношении лиц женского пола является сексуальная эксплуатация. В отношении лиц мужского пола рассматриваемые виды преступлений совершаются преимущественно в целях принудительной трудовой эксплуатации на различных видах производства.

Представляется, что полученные результаты криминологической характеристики торговли людьми могут быть использованы в дальнейшем при разработке и реализации мероприятий, направленных на противодействие и профилактику анализируемых видов преступных деяний.

Литература

1. Афанасьева О.Р., Афанасьев П.Б. Жертвы насильственных преступлений // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2012. № 4.
2. Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/ru/>; Доклад Генерального секретаря ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/206/50/PDF/N2020650.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.06.2021).
3. Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/01/1348092> (дата обращения: 27.06.2021).
4. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 22.06.2021).
5. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017.
6. Романов А.А. К вопросу о криминологической характеристике торговли людьми и использования рабского труда // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 1 (39).
7. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Шестаков Д.А. Торговля людьми в свете постлиберальной криминологии // Актуальные проблемы совершенствования мер борьбы с эксплуатацией человека: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 30 апр. 2010 г. Хабаровск: Дальневосточ. юрид. ин-т МВД России, 2010.
10. Шиханов В.Н. Достоверность уголовной статистики в системе контроля преступности (по материалам Иркутской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕГИОНЕ

В.В. Бабурин,

доктор юридических наук, профессор

Омская академия МВД России

Решение стоящей перед органами внутренних дел общей задачи борьбы с преступностью в Российской Федерации в конечном итоге зависит от качества организации конкретной работы органов внутренних дел на местах, в субъектах РФ, в ее территориальных органах. Поэтому неслучайно вопросам реализации уголовной политики в субъектах РФ, организации борьбы с преступностью на территориальном уровне,

в отдельных регионах постоянно уделяется много внимания.

Активно прорабатываются данные вопросы и криминологической наукой, большую роль в этом играют научно-исследовательские коллективы специализированных научных и образовательных учреждений системы МВД России, имеющие большой опыт в организации и проведении исследований по данной тематике. В

литературе широко освещается опыт, накопленный Московским университетом МВД России [4], Санкт-Петербургским университетом МВД России [8], Тюменским институтом повышения квалификации сотрудников МВД России [1], Барнаульским юридическим институтом МВД России [5], Омской академией МВД России [7] и другими вузами.

Благодаря опыту, накопленному в результате многолетних исследований вузов, разработаны и внедрены методические рекомендации, направленные на совершенствование работы по организации борьбы с преступностью в регионах [4, 8]. В них отмечается, что эффективность деятельности территориального органа внутренних дел на районном уровне по противодействию различного рода угрозам напрямую зависит от того, насколько качественно осуществлено планирование соответствующей работы, а также проведены необходимые мероприятия по изучению всех параметров оперативной обстановки. В связи с этим выделяются несколько базовых элементов оперативной обстановки на районном (межрайонном) уровне, которые следует изучить минимум за три года, предшествующего планируемому: во-первых, это территориально-географическая и социально-экономическая характеристика обслуживаемой территории; во-вторых, это характеристика преступности и иных видов правонарушений, совершаемых на территории обслуживания; в-третьих, оценка возможностей органа внутренних дел противостоять существующим и потенциальным угрозам, в т.ч. во взаимодействии с другими правоохранительными органами и институтами гражданского общества.

Вместе с тем изучение практики планирования работы территориальных органов внутренних дел районного уровня показывает, что планирование, как правило, осуществляется без реального учета особенностей такого фактора, оказывающего влияние на оперативную обстановку, как состояние преступности, поскольку сами особенности либо не выявляются, либо отдельно не фиксируются [2, с. 40].

Отсутствие учета проявляется, в частности, в том, что отсутствует точка отсчета, с которой можно было бы определенные показатели состояния преступности считать необходимыми для оперативного реагирования со стороны ОВД путем проведения конкретных мероприятий. Кроме того, сами ситуации с состоянием конкретных видов преступности не имеют своей классификации, дающей определенные уровни тревоги, требующие принятия своих, самостоятельных мер, не нужных в предыдущих, более спокойных ситуациях.

Как показывают проведенные исследования, при анализе содержания составляющих криминологической обстановки на территориальном уровне следует обращать внимание, прежде всего, на учет при планировании деятельности ОВД состояния преступности и иных видов правонарушений, совершаемых на территории обслуживания.

Оценка преступности и иных видов правонарушений, совершаемых на территории обслуживания, должна включать в себя анализ и прогнозирование таких показателей, как сведения о преступлениях и иных правонарушениях. При этом следует оценивать не только общее количество преступлений, но и их распределение по видам, а также по ситуациям и способам совершения правонарушений.

В целом необходимо подчеркнуть, что анализ преступности является основой анализа криминологической обстановки в регионе. В свою очередь, для полного отражения особенностей состояния преступности на территории района необходимы качественные сбор, обработка и анализ данной информации, выявление положительных или отрицательных тенденций в состоянии преступности и общественного порядка. Только на этой основе возможно точное установление причин их появления, прогнозирование преступности и иных правонарушений и подготовка обоснованных выводов и рекомендаций по борьбе с ними.

Литература

1. Анисина С.С., Юзиханова Э.Г. Организация планирования в органах внутренних дел Российской Федерации: учебное пособие. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. 106 с.

2. Бабурин В.В. Проблемы планирования деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений на территориальном уровне с учетом оперативной обстановки // Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития: материалы ежегодной Всероссийской науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Санкт-Петербург, 28 октября 2016 г. / сост.: Корсикова Н.А. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. Ч. 2. С. 39-43.

3. Жайлов А.А., Горелов С.А. Приоритетные направления предупреждения преступлений сотрудниками патрульно-постовой службы полиции в субъектах Российской Федерации // Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития: материалы ежегодной Всероссийской науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Санкт-Петербург, 28 октября 2016 г. / сост.: Корсикова Н.А. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. Ч. 2. С. 116-120.

4. Иванцов С.В. Планирование деятельности органов внутренних дел в системе правового регулирования предупреждения преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7.

5. Комплексный анализ криминальной ситуации в регионе: теория, методология, практика: монография / под общ. ред. Р.М. Абызова. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. 299 с.

6. Лесников Г.Ю. Основные направления реализации уголовной политики в субъектах Российской Федерации // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне: сборник научных трудов. М. – Ставрополь: Югбланкполиграфия, 2007. С. 170-178.

7. Подрядов А.Н. Комплексные криминологические исследования в административном районе крупного промышленного центра (методология, общая процедура) // Конкретные криминологические исследования в условиях района крупного промышленного центра: материалы науч.-практ. конф. Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1974. С. 9-70.

8. Состояние преступности в Санкт-Петербурге. Криминологический мониторинг и прогноз: научно-практическое пособие: в 2-х ч. / под общ. ред. Л.П. Богданова и А.А. Кочина. СПб.: Изд-во ООО «Р-КОПИ», 2018. Ч. 1. 240 с.

9. Состояние преступности в Санкт-Петербурге. Криминологический мониторинг и прогноз: научно-практическое пособие: в 2-х ч. / под общ. ред. Л.П. Богданова и А.А. Кочина. СПб.: Изд-во ООО «Р-КОПИ», 2018. Ч. 2. 192 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ О ПОСОБНИЧЕСТВЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.Н. Бархатова,

кандидат юридических наук, доцент

Восточно-Сибирский институт МВД России

В 2013 г. законодатель особо выделил в УК РФ пособничество террористической деятельности, сделав его самостоятельным составом преступления, а также разбил его на виды, установив особую ответственность за отдельные из них:

- вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205², ч. 1 и 2 ст. 206, ст. 208, ч. 1-3 ст. 211, ст. 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ (ч. 1 ст. 205¹ УК РФ);

- вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, предусмотренных ст. 205, 205³, 205⁴, 205⁵, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, а равно финансирование терроризма (ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ);

- пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ (ч. 3 ст. 205¹ УК РФ);

- организация финансирования терроризма (ч. 4 ст. 205¹ УК РФ);

- несообщение о преступлении террористической направленности (ст. 205⁶ УК РФ);

- финансирование акта международного терроризма, склонение, вербовка или иное вовлечение лица в его совершение либо вооружение или подготовка лица в целях совершения такого акта (ч. 2 ст. 361 УК РФ).

По смыслу ч. 5 ст. 33 УК РФ все вышеперечисленные действия относятся к пособничеству в совершении преступления. Однако юридический анализ указанных норм позволил выявить ряд несоответствий. Так, например, весьма странно выглядит решение законодателя установить в ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ в качестве альтернативы пожизненному лишению свободы лишение свободы на срок до 15 лет, при том, что

максимально возможный срок такого вида наказания установлен ч. 2 ст. 56 УК РФ и составляет 20 лет. Сравнение с другими нормами позволяет это подтвердить. Так, в ч. 2 ст. 105 УК РФ указано на возможность применения к осужденному либо лишения свободы на срок до 20 лет (по максимальному пределу), либо пожизненное лишение свободы. Такая же формулировка санкции присутствует в ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 3 ст. 205, ч. 2, 4 ст. 205¹, ст. 205³, ч. 1 ст. 205⁴, ч. 1 ст. 205⁵, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 210, ч. 4 ст. 211, ч. 5 ст. 228¹, ч. 4 ст. 229¹, ст. 277, ч. 3 ст. 281, ст. 295, ст. 317, ст. 357, ст. 361 УК РФ. Как видно, нами проанализированы все статьи Особенной части УК РФ, содержащие в своих санкциях указание на возможность назначения пожизненного лишения свободы. Во всех указанных статьях такой вид наказания является альтернативой лишению свободы на определенный срок, составляющий до 20 лет. Более того, среди вышеперечисленных норм, содержащих положения об уголовной ответственности за преступления террористической направленности, фигурирует и ч. 2 ст. 205¹ УК РФ, выступающая квалифицированным составом преступления по отношению к ч. 1 и 1¹ указанной статьи. Она тоже предусматривает пожизненное лишение свободы в качестве наиболее строгого вида наказания. В чем разница в таком случае для виновного? Возникает ситуация, когда простой состав карается так же, как и квалифицированный.

Разумеется, следует обратить внимание на статьи, перечисленные в ч. 1¹ и ч. 3 ст. 205¹ УК РФ. По-видимому, законодатель пытался исходить именно из их влияния на степень общественной опасности пособничества в них. Однако их распределение по указанным частям тоже не в полной мере ясно. Так, ст. 205 присутствует в обеих ча-

стях. Статья 206 УК РФ также указана в обеих частях, только разбита на части. Так, по ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ наказывается склонение и т.д. к захвату заложника, повлекшего умышленное причинение смерти (напомним, до 15 лет лишения свободы), а по ч. 3 ст. 205¹ УК РФ – пособничество в захвате заложника организованной группой или повлекшее причинение смерти по неосторожности или иные тяжкие последствия (до 20 лет лишения свободы). Весьма странная конструкция, учитывая хотя бы форму вины. Возможно, законодатель, преследуя цель борьбы не только с терроризмом, а заодно и с организованной преступностью, пренебрег иными последствиями, перечисленными в ч. 3 ст. 206 УК РФ, акцентировав внимание на признаке организованной группы. При этом не совсем понятно отсутствие ст. 208 УК РФ в ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ, поскольку именно к участию в таких преступлениях чаще всего готовятся наемники, организация таких формирований финансируется наряду с организацией иных преступных групп.

Относительно отличия ст. 205⁶ и ч. 3 ст. 205¹ УК РФ (кроме, разумеется, нашедших отражение в них статей Особенной части УК РФ), можно предположить, что несообщение о преступлении все же выходит за рамки пособничества в том аспекте, что при пособничестве предполагается за заранее данное обещание скрыть соответствующие сведения, в том время как при несообщении о преступлении такие сведения могут быть как заранее известны виновному, так и стать для него известными внезапно. Вместе с тем уголовным законом предусмотрена ст. 316, устанавливающая

ответственность за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений. В таком случае ст. 205⁶ УК РФ вступает в конкуренцию не только с нормой о пособничестве (как по ч. 5 ст. 33, так и по ч. 3 ст. 205¹ УК РФ), но и со ст. 316 УК РФ. Следует оговориться, что не все статьи, перечисленные в диспозиции ст. 205⁶ УК РФ, содержат положения об ответственности только за особо тяжкие преступления, отдельные из них относятся к категории тяжких (ч. 2 ст. 205², ч. 2 ст. 205⁴, ч. 1 ст. 206, ч. 1 ст. 211, ч. 3 ст. 220, ч. ч. 2, 3 ст. 221, ст. 360 УК РФ), средней тяжести (ч. 1 ст. 205² УК РФ, ч. 2 ст. 220, ч. 1 ст. 221 УК РФ) и даже небольшой тяжести (ч. 1 ст. 220 УК РФ). Вместе с тем в таком случае считаем возможным указание на исключение по данным статьям в ст. 316 УК РФ, без излишней нагрузки уголовного закона дополнительной нормой.

В связи с вышеизложенным считаем, что ч. 1¹ и 3 ст. 205¹ УК РФ излишни в уголовном законе.

Верно отмечает В.Н. Шутова, что основной проблемой современности является феномен законодательной инфляции, т.е. рост количества нормативных актов либо норм в отдельном нормативном акте и их неустойчивость, резкая зависимость от внешних условий [1, с. 43].

Таким образом, нормы о пособничестве террористической деятельности на сегодняшний день видятся сложно составленными, вызывающими противоречия при квалификации и в определенном смысле нарушающими логику построения юридических норм, в связи с чем нуждаются либо в доработке, либо в исключении.

Литература

1. Шутова В.Н. Тенденции современного российского законодательства и вопросы повышения его качества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И.В. Ботвин,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Изменение экономических отношений в России и ее регионах, начавшееся на рубеже 1980-1990 гг., продолжилось и в начале XXI в., что обусловило необходимость нового подхода к проблемам борьбы с преступностью.

Причины преступности на федеральном уровне определяются противоречивым и дисгармоничным характером экономических отношений, дисбалансом в хозяйственной сфере, недостатками и просчетами социально-экономической политики, порочностью распределительных отношений, расколовших общество на сверхбогатых и сверхбедных [2, с. 77].

Аналитики утверждают, что в российской экономике сегодня существуют точки катастрофического риска. Наиболее вероятным сценарием развития событий будет: увеличение налогового бремени и ограничений в экономике; жесткое регулирование экономики и закрытие рынков капитала; самым слабым звеном станет российская банковская сфера.

В целом на состояние и динамику преступности в 2016-2020 гг. в России влияли следующие экономические факторы:

Проблемы бюджета: начиная с 2016 г. по настоящее время государственные программы неоднократно подвергались секвестированию, в результате чего государственные расходы для российской экономики резко сократились при фактическом отсутствии бюджета. Вследствие непрофессионализма экономического блока правительства регионы-адресаты недополучали от 40% до 60% средств от утвержденных бюджетных расходов.

Параллельно с этим выявилась несправедливость при распределении государственной поддержки между регионами России: дефицит консолидированных бюджетных

тов регионов в 2020 г. был равен 676,6 млрд руб., что стало рекордом с 2006 г. При этом есть очень большая разница в масштабах бюджетной помощи: одним регионам едва компенсировали упавшие доходы, другим полностью покрывали издержки от кризиса.

Дефицитными в 2020 г. оказались 57 из 85 субъектов. Сильнее всего пострадали регионы, которые работали на экспорт. Например, в Кузбассе дефицит бюджета составил 30% от собственных доходов региона. Нефтяные регионы, такие как Тюменская область, также попали в число наиболее пострадавших.

Проблемы банковского сектора: финансовый сектор агрессивно доминирует над реальной экономикой; огромное количество напечатанных денег не попадает в реальный сектор экономики, оседает в банках, которые богатеют и манипулируют государством. Согласно рейтингу российских регионов, уровень закредитованности населения на конец 2020 г. составил: а) в среднем по России – 49 место с объемом задолженности перед банками в среднем на одного человека в 251,9 тыс. руб.; б) по Алтайскому краю – 74 место с задолженностью перед банками в среднем на одного человека в 207,3 тыс. руб. [3].

По оценке Росстата, ВВП России в 2020 г. упал на 3,1%. Это рекорд с 2009 г., когда из-за кризиса экономика рухнула на 7,8%. ВВП также сокращался в 2015 г., но лишь на 2%. Тем не менее падение на 3,1% – значительно лучший результат по сравнению с тем, что прогнозировали Минэкономразвития РФ (министерство ожидало обвала на 3,9%) [5].

Странность состоит в том, что оценка роста ВВП в 2019 г. была повышена в результате пересмотра, а это должно было ухудшить показатель 2020 г., который, напротив, оказался лучше ожиданий, заме-

чает директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН А.А. Широв [6].

Бедность: Прожиточный минимум подразумевает стоимостную оценку необходимых для нормального существования индивида в социуме продуктов питания и непродовольственных товаров. Это та сумма денег, которой достаточно для того, чтобы не голодать и выглядеть достойно в глазах других. На 2021 г. его величина в России составляет 11653 руб. Для сравнения в США в 2020 году прожиточный минимум составлял около 83 тыс. руб. в месяц.

Потребительская корзина представляет собой перечень продуктов и услуг, которые требуются гражданину страны для возможности здорового существования. На ее основании определяется прожиточный минимум. Сама корзина рассчитывается на год и включает в себя такие пункты, как хлеб, молоко, овощи и фрукты, мясо и рыбу; вторую часть составляют непродовольственные товары и услуги. Как считают составители корзины, обозначенный ими перечень и количественная оценка необходимого потребления продуктов достаточны для того, чтобы человек был здоровым, работоспособным. Однако почему-то не учитывается тот факт, что у многих имеются кредиты и нет средств на лечение.

Стабильность бедности россиян усугублялась ещё и тем, что сегодня принятый порог бедности в РФ в 2,5-3 раза меньше того порогового уровня доходов, ниже которого возникают напряжения и дисфункции человеческого поведения [1]. Специфика же преступности бедных заключается в узком спектре деяний: до 42% – это преступления против собственности; до 28% – преступления против жизни и здоровья; до 20% – преступления против общественной безопасности.

Безработица: В мае 2020 г. уровень безработицы достиг своего максимального значения за последние восемь лет и составил 6,1%. В последний раз этот порог она превышала в марте 2012 г. По данным Росстата, общая численность безработных в стране превысила 4,5 млн человек, из которых более половины (51%) – это молодые люди в возрасте от 25 до 40 лет.

Многие компании во время пандемии коронавирусной инфекции сократили сотрудников или вовсе перестали существовать. К концу мая 2020 г. о сокращении штатов по всей стране заявили 45% предприятий. В среднем по регионам безработица выросла за время пандемии на 30%. Сегодня, согласно Рейтингу российских регионов, по уровню безработицы Алтайский край находится на 37 месте с уровнем в 6,1% [4].

Таким образом, на фоне экономической нестабильности и неравенства в обществе зарождаются агрессивные настроения, направленные на власть и друг друга. Вкупе с политическим несогласием большого числа граждан в 2020-2021 гг. существенным образом увеличилось количество митингов, шествий и пикетирований, большинство из которых несанкционированные. Протестные настроения и агрессия населения обусловят рост общеуголовной преступности, масштабы которой трудно будет спрогнозировать сегодня.

Устранить или по крайней мере снизить влияние рассмотренных причин и условий обществу, а тем более индивиду не под силу. Только выверенная и кардинальная экономическая политика государства и скорейшее принятие необходимых мер позволит сдержать рост преступности в ближайшие годы.

Литература

1. Зимина Т. Во всем виновато избыточное неравенство // Наука и жизнь. 2008. № 1. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/12728/>
2. Карпович О.Г. Экономическая преступность в России. Теория и практика противодействия: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 199 с.
3. РИА НОВОСТИ. Инфографика. URL: <https://ria.ru/20201019/zakreditovannost-1580402205.html>.
4. Сычёва И. Как пандемия повлияла на рынок труда в России. URL: <https://www.pravmir.ru/kak-pandemiya-povliyala-na-rynok-truda-v-rossii-infografika>.

5. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic>.

6. Широв А.А., Гусев М.С. О первой оценке ВВП за 2019 год. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2020/02/o-pervoj-otsenke-vvp-za-2019-g.pdf>.

СОТРУДНИКИ РОСГВАРДИИ КАК ПОТЕРПЕВШИЕ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 317 И 318 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

А.Г. Брагина,

кандидат юридических наук

Барнаульский юридический институт МВД России

Из всех преступлений против порядка управления особое место можно отвести деяниям, посягающим на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов. Только за 2019 г. при исполнении служебных обязанностей погибли 59 и получили ранения 3,5 тыс. сотрудников полиции [2]. По данным Верховного Суда РФ, ежегодно к ответственности по ст. 318 УК РФ привлекаются в среднем порядка 6 тыс. человек. В это число входят лица, оказавшие сопротивление при задержании, осужденные за нападения на сотрудников правоохранительных органов и других представителей власти [10].

Будучи специальными составами преступлений, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, предусмотренное ст. 317 УК РФ, и применение насилия в отношении представителя власти, предусмотренное ст. 318 УК РФ, довольно активно применяются при юридической оценке содеянного в отношении сотрудников Росгвардии.

В соответствии с Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 была образована Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия) [8]. Создание нового федерального органа исполнительной власти привело к расширению перечня лиц, отно-

сящихся к категории потерпевших по ст. 317-318 УК РФ. Бесспорно то, что до создания Росгвардии лица, проходившие службу в подразделениях лицензионно-разрешительной работы и вневедомственной охраны, авиации, ОМОН и СОБР МВД России, также подлежали защите по указанным уголовно-правовым статьям. Однако сегодня их правовой статус и деятельность урегулированы специальными правовыми нормами (например, безусловное отнесение их к числу сотрудников правоохранительного органа – п. 6.3 ст. 2 Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»), что должно быть учтено при квалификации содеянного в части оценки потерпевшего как признака объекта преступления.

В Алтайском крае случаи посягательств на жизнь сотрудников Росгвардии, несмотря на общую нейтральную криминологическую картину, имеют место, а потому заслуживают пристального внимания в т.ч. и в рамках проводимой профилактической работы как среди личного состава Росгвардии, так и населения.

В частности, в марте 2018 г. инспектор отделения лицензионно-разрешительной работы прибыл в дом жителя райцентра Баво, чтобы изъять незаконно хранящееся

оружие, конфискованное по решению суда. Однако гражданин отказался подчиняться решению суда и напал на сотрудника Росгвардии с ножом. В ходе борьбы он завладел табельным оружием и выстрелил в ногу сотруднику правоохранительного органа. Последний все же сумел отобрать оружие и сделал предупреждающий выстрел в воздух. В свою очередь правонарушитель проигнорировал требование инспектора прекратить сопротивление. В результате в отношении него было применено табельное оружие, от полученного огнестрельного ранения гражданин скончался [1, 6, 7]. По результатам служебной проверки, проведенной в Управлении Росгвардии по Алтайскому краю, и проверки, проведенной сотрудниками следственного управления Следственного комитета РФ по Алтайскому краю, действия сотрудника Росгвардии были признаны правомерными [4, 9].

Анализируя случаи, квалифицирующиеся по ст. 318 УК РФ, совершаемые в отношении сотрудников Росгвардии Алтайского края, следует заметить, что чаще всего потерпевшими оказывались сотрудники вневедомственной охраны как наиболее тесно соприкасающиеся с населением при несении службы и обеспечении общественного порядка, а, следовательно, обладающие повышенной виктимностью. Так, в ноябре

2018 г. житель г. Барнаула устроил дебош в ночном клубе и применил насилие в отношении задерживавших его сотрудников отдела вневедомственной охраны по г. Барнаулу. Находясь в служебном автомобиле Росгвардии, он ударил одного из сотрудников группы задержания лбом в лицо, разбил стоп-сигнал, бился головой о стекло автомобиля и пытался вылезти через него. В результате гражданин был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 318 УК РФ. Примечательно, что впоследствии он пытался найти очевидцев произошедшего посредством соцсетей, чтобы доказать свою невиновность [3]. Однако свидетельства работников ночного клуба и записи камер видеонаблюдения полностью подтвердили его вину [5].

Следует подчеркнуть, что привлечение к ответственности по ст. 318 УК РФ возможно только при осуществлении функций представителя власти в законодательно очерченных рамках, что должно четко восприниматься субъектом преступления и исключить субъективную ошибку в потерпевшем.

В целом обе статьи применяются в отношении виновных лиц только в случаях, когда потерпевшие обладают необходимыми признаками (наличие правового статуса, а также выполнение определенных властных функций, осознаваемых субъектом).

Литература

1. В Алтайском крае сотрудник Росгвардии смертельно ранил нарушителя // Сайт газеты «АиФ – Алтай». URL: https://altai.aif.ru/incidents/v_altayskom_krae_sotrudnik_rosgvardii_smertelno_ranil_pensionera (дата обращения: 02.09.2021).
2. В России за год погибли 59 полицейских // Сайт РИА-новости. URL: <https://ria.ru/20200226/1565226184.html> (дата обращения: 27.09.2021).
3. Барнаулец ищет очевидцев конфликта, во время которого росгвардейцы избили его с супругой // Социальная сеть «ВКонтакте». Сообщество «Барнаул22». URL: https://m.vk.com/wall-38551279_4591265 (дата обращения: 26.09.2021).
4. В Баевском районе устанавливаются обстоятельства применения сотрудником Росгвардии табельного оружия, повлекшего смерть гражданина // Официальный сайт следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю. URL: <https://altai-krai.sledcom.ru/news/item/1206738> (дата обращения: 15.09.2021).
5. «Избитый» росгвардейцами барнаульский тусовщик перед задержанием устроил дебош в ночном клубе // Сайт «Барнаул. Без формата». URL: <https://barnaul.bezformata.com/listnews/rosgvardejtcami-barnaulskij-tusovshik/71786855/> (дата обращения: 10.09.2021).
6. На Алтае росгвардеец застрелил напавшего на него пенсионера // Российская газета. 2018. 2 марта.

7. На Алтае сотрудник Росгвардии застрелил напавшего на него с оружием пенсионера // Информационный портал «Life». URL: <https://life.ru/p/1094153> (дата обращения: 21.09.2021).

8. Подписан указ о Федеральной службе войск национальной гвардии // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51648> (дата обращения: 28.09.2021).

9. Росгвардия признала правомерными действия сотрудника на Алтае, застрелившего нападавшего // Сайт ИА «ТАСС». URL: <https://tass.ru/sibir-news/5003258> (дата обращения: 07.09.2021).

10. Число приговоров за насилие к представителям власти в 2016-2017 годах снизилось // Сайт Информационного телеграфного агентства России (ИТАР-ТАСС). URL: <https://tass.ru/proisshestviya/6168934> (дата обращения: 27.09.2021).

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА СЛУЖЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»

Ю.Ю. Бражин

Нижегородская академия МВД России

Национальные проекты являются одними из основных инструментов государственной политики для преодоления трудностей в наиболее сложных сферах общественной жизни граждан страны. На такое положение неоднократно обращает внимание Президент Российской Федерации. Так, 13 июня 2020 г. в ходе заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам В.В. Путин в очередной раз отметил, что основной задачей Правительства, парламентариев, руководителей регионов, деловых и общественных объединений является повышение качества жизни граждан [1].

Полагаем, что социальная сфера имеет наибольшее количество проблем, что подтверждается следующими данными: превышение уровня смертности уровня рождаемости, некачественное оказание медицинских услуг, низкий уровень морально-нравственного отношения врачей к бюджетным пациентам и многие другие. Вышеупомянутые факты свидетельствуют о наличии системно сложной ситуации в сфере здравоохранения. Во многом отсутствие

юридико-технического инструментария уголовно-правовой охраны национального проекта «Здравоохранение» может не только негативно повлиять на его прогнозируемые результаты, но и породить еще более глубокие проблемы.

Исследуемая программа будет реализовываться из средств бюджетов различного уровня (федеральный, региональный, муниципальный), что с точки зрения уголовно-правового осмысления требует особого внимания к предмету преступления в рассматриваемой сфере.

Так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», а также мнению ученых, предмет хищения должен соответствовать трем критериям: вещному (предполагает, что имущество должно иметь определенную форму, т.е. его материальную субстанцию можно воспринимать органами чувств в объективном мире); экономическому (обладать объективной экономической стоимостью); а также

юридическому (предмет преступления не является изъятым из свободного гражданского оборота, а также является для виновного в правовом смысле чужим) [7]. Однако, соизмеряя упомянутый выше феномен с предметом служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», необходимо отметить, что ценные бумаги и так называемые «суррогатные деньги» не являются особенностью, относящейся к нашему исследованию. Такая позиция подтверждается приговорами судебно-следственной практики. Как видно из анализа приговоров, предметом преступлений выступают бюджетные средства в виде наличных и безналичных денежных средств [8].

Кроме того, обращаясь к положениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», следует заметить, что предметом, наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, могут быть незаконные оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав [6]. Однако анализ судебно-следственной практики позволяет заключить, что предметом коррупционных преступлений в сфере здравоохранения вновь выступают денежные средства (наличные/безналичные), полученные взяточполучателями ввиду наличия доступа к расходованию бюджетных средств [9].

Такая позиция обоснована и дополнительно подтверждается данными бюджета всего национального проекта «Здравоохранение», который будет реализовываться за счет бюджетных средств различного уровня (1631,7 млрд рублей), что составляет 94,5% от общего финансирования.

Как в правовом поле, так и в теории отсутствует единое определение «бюджетных средств», что побуждает нас на проведение дополнительного исследования с учетом специфики нашей темы. Так, по мнению некоторых авторов, бюджетные средства (бюджетные ассигнования) – средства бюджетов разных уровней (федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных

бюджетов), направляемые на развитие экономики, финансирование социально-культурных мероприятий, оборону страны, содержание органов государственной власти и управления [2, с. 672]. Таким образом, выделяются два характерных признака: во-первых, четко сформулированная цель – использование денежных средств носит определенный характер; во-вторых, наблюдается строгая принадлежность финансов федеральному, региональному, муниципальному бюджетам.

Т.Е. Лешина отмечает, что особенностью бюджетного финансирования является то, что оно, за исключением бюджетного кредита, не подразумевает возврата денежных средств [3, с. 30-36]. А развивая такую идею, бюджетные средства, выделенные на реализацию национального проекта «Здравоохранение», во-первых, не подразумевают наличие бюджетных кредитных отношений; во-вторых, бюджетные средства должны быть полностью освоены.

Другие авторы считают, что предметом преступлений, связанных с использованием бюджетных средств, является бюджетная система государства как основанная на экономических отношениях и юридических нормах совокупность всех бюджетов, действующих на территории России [3, с. 14]. Таким образом, очевидна взаимосвязь аспектов экономической деятельности и юридических положений.

Мы обратились к респондентам в количестве 168 человек, которые являются работниками сферы здравоохранения, с вопросом, является ли термин «бюджетные средства» юридико-экономической категорией. В результате получили ответы следующего характера: а) да, является – 54%; б) нет, не является – 17%; в) относится к юридическим понятиям – 8%; г) относится к экономической теории – 7%; затруднились ответить – 14%. Таким образом, результаты социологического исследования демонстрируют, что исследуемое понятие носит комплексный характер, определение которого лежит в оценке как юридических, так и экономических признаков.

Более того, в экономической теории делается акцент на других важных призна-

ках. Так, Е.В. Ступаченко указывает на происхождение полученных денежных средств, а именно то, что они относятся к финансам, зачисляемым в качестве доходов на единый счет соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации. В данном понятии автор в очередной раз указывает на особую важность рассматриваемых денежных средств посредством указания их принадлежности.

В продолжение идеи, упомянутой выше, Д.Л. Комягин под бюджетными средствами понимает содержащиеся в бюджете с указанием объемов и целевого назначения доходы, расходы, полномочия за принятие обязательств [5, с. 14]. В данном случае важными характеристиками, помимо упоминания цели использования денежных средств, является четкая фиксация в документах как доходов, так и расходов, а также указание лиц, ответственных за исполнение пунктов бюджета. Однако другой точки зрения придерживается А. Офицерова, которая значительно сужает определение исследуемого феномена, и отмечает, что признаком бюджетных средств являются только расходы бюджета. По нашему мнению, предмет служебно-экономических преступлений носит комплексный характер, т.е. бюджетные средства являются юридико-экономической дефиницией, но в то же время с точки зрения уголовно-правовой охраны экономическим признаком предмета служебно-экономических преступлений являются расходы государства. Так, анализ уголовных дел, связанных с реализацией нацио-

нального проекта «Здравоохранение» показал, что именно преступная деятельность должностных лиц и лиц, занимающих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, связана с порядком расходования бюджетных средств.

Таким образом, предмет служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» трансформируется в бюджетные средства, которые характеризуются следующими отличительными чертами:

- является комплексной юридико-экономической дефиницией;
- форма – денежные средства (наличные/безналичные);
- цель – решение глобальных проблем, стоящих перед государством, затрагивающих интересы всего населения страны;
- принадлежность – бюджеты различного уровня (федерального, регионального, муниципального);
- невозможность возврата;
- строгая отчетность и фиксация лиц, ответственных за их пользование.

Исходя из упомянутых выше признаков, представляется возможным выделить понятие «бюджетные средства» и рассматривать их как комплексную юридико-экономическую категорию, выраженную в форме денежных средств (наличных/безналичных), имеющих строго регламентированную законом цель их происхождения и расходования, а также не предусматривающих возможности их обратного возврата.

Литература

1. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63635> (дата обращения: 27.04.2021).
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, 2013. 672 с.
3. Марочкин Н.А., Лёшина Т.Е. Отдельные элементы криминалистической характеристики нецелевого расходования бюджетных средств // Проблемы экономики и юридической практики. 2006. № 1-2. С. 30-36.
4. Финансы, денежное обращение и кредит: учебник для вузов / Л.А. Чалдаева [и др.]; под ред. Л.А. Чалдаевой. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. 434 с.
5. Комягин Д.Л. Основания для применения мер принуждения за нарушения бюджетного законодательства и правонарушения в бюджетной сфере // Финансовое право. 2007. № 2. С. 14.

6. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Приговор № 1-27/2019 17 января 2019 по делу № 1-27/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.04.2021).

9. Приговор № 1-22/2020 27 января 2020 по делу 1-22/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.04.2021).

О ДЛЯЩЕМСЯ ХАРАКТЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДДЕЛЬНОГО ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКУМЕНТА

В.Р. Булгакова

Барнаульский юридический институт МВД России

Человек, его права и свободы признаются высшей ценностью в Российской Федерации. Однако не всегда гражданин обладает теми правами, которыми он хотел бы воспользоваться. Одним из незаконных способов их получения выступает использование поддельного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей (ч. 3, ч. 5 ст. 327 УК РФ).

Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ [5], позволил сделать вывод о том, что по конструкции объективной стороны он носит формальный характер, т.е. считается оконченным с момента совершения указанных в норме действий (юридический момент окончания преступления). В научной литературе и правоприменительной практике уже длительное время ведутся споры о дящемся характере использования заведомо поддельного документа (фактический момент окончания преступления). Так, по мнению А.В. Бриллиантова, под использованием поддельного документа следует понимать его вручение, передачу и т.д. При этом

оконченным оно считается с момента предъявления официального документа, независимо от достижения цели, для которой он предъявлялся [2, с. 590]. Тем самым ученый не проводит разграничения между юридическим и фактическим окончанием рассматриваемого преступления, которое указывало бы на его дящийся характер.

С.А. Силаев обращает внимание на то, что использование поддельного официального документа считается оконченным с момента самого использования, а дальнейшее пользование предоставляемыми им правами или обязанностями не охватывается ч. 3 и ч. 5 ст. 327 УК РФ [4, с. 81].

Однако в п. 11 разъяснения Верховного Суда РФ от 17.12.2020 указано на то, что в случае дальнейшего использования поддельного официального документа для получения прав или освобождения от обязанностей в течение определенного периода (например, при трудоустройстве и в период последующей работы в организации) сроки давности исчисляются с момента фактического прекращения использования, в т.ч. в результате пресечения деяния [3].

Разделяя данную позицию, считаем, что поддельный официальный документ, влекущий юридические последствия, может использоваться на протяжении длительного времени, наделяя субъекта преступления определенными возможностями, которые не возникли бы вследствие его отсутствия.

Например, согласно приговору Грозненского районного суда от 2020 г., гражданка А. приобрела заведомо поддельный диплом о высшем образовании в 2004 г. и в последующем использовала его при назначении на должность учителя начальных классов. Фактические обстоятельства совершенных действий свидетельствуют о том, что использование официального документа, влекущего юридические последствия, осуществлялось на протяжении всего периода нахождения на должности, поскольку его отсутствие в соответствии с квалификационными требованиями не позволило бы ей заниматься данной деятельностью, что указывает на делящийся характер рассматриваемого преступления [1].

Кроме того, учитывая то, что использование поддельного документа относится к категории преступлений небольшой тяжести,

зачастую в течение двух лет факт совершения рассматриваемого противоправного деяния не выявляется, и, как следствие, по истечении сроков давности лицо остается безнаказанным. Ввиду того, что преступление, предусмотренное ст. 327 УК РФ, посягает на общественные отношения, обеспечивающие установленный государством порядок документооборота (разновидность порядка управления), считаем, что исследуемое преступление, причиняя вред государственным органам, не может оставаться без внимания.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что моментом окончания использования поддельного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей (ч. 3, ч. 5 ст. 327 УК РФ), следует считать фактическое прекращение применения данного документа ввиду действий самого виновного либо в результате пресечения деяний, например, сотрудниками органов внутренних дел (если наличие данного документа изменяло объем прав и обязанностей субъекта преступления). Сроки давности необходимо исчислять именно с данного момента.

Литература

1. Архив Грозненского районного суда Чеченской Республики. Д. № 1-116/20 от 14.10.2020.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 792 с.
3. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324-327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 // Российская газета. 2020. № 296.
4. Силаев С.А. К вопросу о делящемся характере «документных» преступлений // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. 2020. С. 76-82.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВА У ДВУХ И БОЛЕЕ ПОТЕРПЕВШИХ

В.Н. Винокуров,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт МВД России

В судебной практике часто встречаются ситуации хищения имущества у двух и более потерпевших. Согласно п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление.

Обоснованно мнение, что единый источник как критерий разграничения продолжаемого преступления от совокупности преступлений характеризует не место изъятия, а лицо, из обладания которого изымают имущество [1, с. 184]. Следовательно, продолжаемое хищение – это совокупность действий, охватываемых умыслом по изъятию у одного потерпевшего. Однако, по мнению С.А. Силаева, единство потерпевшего не может служить самостоятельным признаком продолжаемого преступления, т.к. количество потерпевших часто не охватывается сознанием виновного и продолжаемыми могут быть преступления без потерпевшего (например, сбыт наркотических средств) [2, с. 281-282].

Думается, что количество потерпевших при посягательстве на личные неимущественные отношения является самостоятельным признаком разграничения продолжаемого преступления от совокупности преступлений. Хотя если сознанием виновного не охватывался факт причинения вреда двум и более лицам, действия виновного следует квалифицировать как одно преступление.

Судебная практика по обозначенному вопросу неоднородна. Так, действия виновного, совершившего две кражи чужого иму-

щества в одну ночь из разных хранилищ, принадлежавших двум разным потерпевшим, квалифицированы не как продолжаемое хищение по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ [3]. В другом случае, поскольку виновный изъятию имущество из разных источников (ИП Г.О.И. и ИП К.В.Е.), ущерб причинен каждому потерпевшему в значительном, а не крупном размере и содеянное квалифицировали по совокупности преступлений [4].

Хищение имущества у разных потерпевших не образует продолжаемое преступление, а действия виновного следует квалифицировать по совокупности преступлений [5]. Как одно продолжаемое преступление следует квалифицировать хищение денег из различных банкоматов с использованием карточки, принадлежащей одному лицу [6].

Однако суды не всегда учитывают количество источников имущества (потерпевших) при квалификации хищения имущества у нескольких потерпевших. Так, К., представляясь коммерческим директором ООО «Спецпожстрой», заключал с обратившимися к нему гражданами договоры о строительстве для них гаражей, получая от граждан деньги, не намереваясь исполнять свои обязательства. Его действия были квалифицированы как одно продолжаемое преступление (ч. 3 ст. 159 УК РФ) [7].

Вопрос о том, как следует квалифицировать действия виновного, похитившего имущество у нескольких потерпевших, зависит от того, что следует понимать под объектом преступлений против собственности. Если таковым признать конкретные отношения собственности определенного правообладателя, а не отношения собственности в общем смысле, то завладение имуществом различных потерпевших следует

квалифицировать по совокупности преступлений. Если признать объектом публичный порядок осуществления экономической деятельности, то тогда хищение имущества у разных потерпевших (из разных источников) следует квалифицировать как одно преступление [8, с. 48-49].

Думается, уголовный закон должен защищать неприкосновенность собственности конкретных граждан, а действия виновного, похитившего имущество у нескольких потерпевших, даже при едином умысле и тождественности способов преступления, при осознании им данного факта, следует квалифицировать по совокупности преступлений. Квалификация указанных действий как одного продолжаемого преступления против собственности косвенно подтверждает факт того, что закон устанавливает наказание за незаконное обогащение виновного.

В то же время, если виновный причиняет имущественный ущерб двум и более потерпевшим одним действием, их следует квалифицировать как одно продолжаемое преступление, а размер ущерба, влияющий на квалификацию, определяется суммой ущерба, причиненного обоим потерпевшим. Это основано на том, что совокупности преступлений, например мошенничества, нет, если количество потерпевших не охватывается сознанием виновного, поскольку он причиняет вред в результате единой запущенной механизмы, что связывает отдельно взятые эпизоды мошенничества в одно преступление [10, с. 9].

Игнорирование данного обстоятельства послужило основанием для отрицания такого критерия разграничения продолжаемого хищения от совокупности преступлений, как единство источника (количество потерпевших) [11, с. 312].

Так, руководитель энергоснабжающей организации предоставил в департамент цен и тарифов ложные сведения, в результате чего был завышен тариф и многим по-

терпевшим (потребителям электроэнергии) был причинен имущественный ущерб. Несмотря на то, что источники получения денежных средств были разными (большое количество потерпевших), тем не менее действия виновного были квалифицированы как одно мошенничество в особо крупном размере [12]. В данном случае единой запущенной механизмы хищения позволяет виновному завладеть имуществом многих потерпевших. Как только были переданы неверные сведения в департамент, на основании которых были установлены тарифы, механизм завладения имуществом был запущен и поэтому действия виновного обоснованно квалифицированы как одно продолжаемое хищение.

В настоящее время информационные технологии позволяют совершать хищения у большого количества потерпевших. Поэтому ст. 159 УК РФ обоснованно предложено дополнить квалифицирующим признаком – мошенничество путем обращения к неопределенному кругу лиц [13, с. 32] либо с использованием электронных ресурсов [14, с. 82-83].

Аналогичная норма предусмотрена и п. 3 ст. 313-2 УК Франции, где установлено наказание за обращение к неопределенному кругу лиц для размещения ценных бумаг или сбора денежных средств, в целях оказания гуманитарной или социальной помощи [15, с. 296], и параграфе 263 УК ФРГ, где особо тяжким мошенничеством признают причинение имущественного ущерба в крупном размере, или когда виновный, действуя с намерением постоянного совершения мошенничества, ставит большое количество людей в опасность причинения имущественного ущерба [16, с. 148].

При этом виновный может причинить имущественный ущерб двум и более потерпевшим, посягая на имущественные отношения, но в диспозиции данное обстоятельство может быть никак не отражено и должно быть учтено при назначении наказания.

Литература

1. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс: в 4 кн. Кн. II. Общая теория хищений. Виды хищений. М., 2019.
2. Силаев А.А. Объективные признаки продолжаемого преступления // Вестник КемГУ. 2013. № 3.

3. Определение Свердловского областного суда от 3 января 2008 г. № 22-11970/2008.
4. Определение Верховного Суда Республики Мордовия от 22 августа 2012 г. № 22-2671/12.
5. Определение Верховного Суда РФ от 9 марта 2017 г. № 83-АПУ17-2.
6. Постановление Президиума Челябинского областного суда от 10 декабря 2014 г. № 44у-174/2014.
7. Приговор Железнодорожного районного суда г. Ульяновска от 22 ноября № 1-236/2019.
8. Степанов П. К вопросу о единстве объекта посягательства в различных эпизодах единого продолжаемого мошенничества // Уголовное право. 2021. № 3.
9. Яни П. Размер хищения // Законность. 2016. № 11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Пряхина Н.В. Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // Криминалистика. 2011. № 1.
11. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право. М., 2021.
12. Приговор Ленинского районного суда г. Владимира от 13 сентября 2017 г. № 1-1/2017.
13. Чекунов Е.Г. Квалификация мошенничеств, связанных с блокированием программного обеспечения компьютеров пользователей сети Интернет // Российский следователь. 2012. № 5.
14. Петрова Г. О совершенствовании уголовного законодательства в сфере борьбы с мошенничеством // Уголовное право. 2015. № 5.
15. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки. СПб., 2002.
16. Уголовный кодекс ФРГ / перевод и пред. А.В. Серебренниковой. М., 2000.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Е.П. Глебова

Барнаульский юридический институт МВД России

Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» [2] гл. 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнена ст. 124.1, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи.

Обозначенное дополнение отечественного уголовного закона по своей правовой природе является дифференциацией уголовной ответственности, в основе которой

лежит категория общественной опасности, обладающая качественными (характер) и количественными (степень) характеристиками. Приведенный вывод основан на анализе понятий криминализации и дифференциации уголовной ответственности, разработанных наукой уголовного права.

В литературе отмечается, что «традиционным в науке уголовного права является определение общественной опасности как вредоносности деяния, проявляющейся в причинении существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям или создании возможности причинения такого вреда» [4, с. 70].

Если исходить из буквального толкования действующего законодательства, то общественная опасность свойственна только преступлениям. В частности, нормативно закрепленное понятие административного правонарушения указания на такую опасность не содержит (ч. 1 ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) [1].

Предполагается, в частности, что именно в связи с наличием (отсутствием) общественной опасности того или иного деяния законодателем принимается решение о его криминализации (декриминализации), а в зависимости от того, какова эта общественная опасность, законодатель дифференцирует уголовно-правовую ответственность. При этом вопрос о критериях (показателях) общественной опасности один из дискуссионных в науке уголовного права. Наибольшее признание получила позиция, согласно которой определяющими для общественной опасности являются как объективные, так и субъективные признаки преступного деяния [3, с. 48].

В частности, исследователи в области уголовного права к влияющим на общественную опасность преступления относят: особенности объекта преступления, особенности объективной стороны преступления, особенности личности субъекта преступления, особенности субъективной стороны преступления [5].

Представляется, что применительно к составу преступления воспрепятствования оказанию медицинской помощи показателем, повышающим общественную опасность, являются особенности объективной стороны рассматриваемого противоправного поведения.

Деяния, направленные на воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи, в сравнении с объективной стороной составов преступлений, предусмотренных положениями ст. 109, 118 УК РФ, существенно увеличивают вероятность наступления преступного результата в виде причинения тяжкого вреда здоровью пациента (ч. 1

ст. 124.1 УК РФ) или его смерти (ч. 2 ст. 124.1 УК РФ) по неосторожности. Указанное обусловлено тем, что пациентами медицинских работников зачастую становятся лица с такими изменениями организма, которые могут привести к необратимым неблагоприятным последствиям в виде смерти или вреда здоровью. При этом своевременное и надлежащее оказание медицинской помощи способно эти неблагоприятные последствия предотвратить. В таких обстоятельствах противоправные действия (бездействия), направленные на воспрепятствование, по своему существу являются наиболее эффективными, усиливающими непосредственную вероятность наступления преступных последствий.

Отметим, что применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 124.1 УК РФ, не имеется особенностей объекта преступления. Непосредственными объектами рассматриваемого преступления и преступлений, признаки составов которых закреплены ст. 109, 118 УК РФ, являются жизнь и здоровье человека. Дополнительный объект в составе воспрепятствования медицинской помощи отсутствует, поскольку таким объектом может являться лишь тот, который в иных преступлениях является основным. Сами по себе отношения в сфере законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи самостоятельным объектом преступлений не выступают. В случае же, например, когда в результате воспрепятствования оказанию медицинской помощи по неосторожности наступила смерть пациента, а медицинскому работнику умышленно был причинен легкий вред здоровью в связи с осуществлением им непосредственной профессиональной деятельности, содеянное будет квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 124.1 и п. «г» ч. 2 ст. 115 УК РФ.

Кроме того, не представляется возможным говорить о наличии каких-либо особенностей личности субъекта преступления, а также особенностях субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 124.1 УК РФ.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.06.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26.07.2019 № 206-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Епифанова Е.В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 146 с.

4. Ермакова О.В. Общественная опасность преступления и механизма его осуществления как основание выбора модели состава преступления // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2 (34). С. 69-72.

5. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 481 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНТРОЛЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ИНСПЕКЦИЯМИ ЗА ОСУЖДЁННЫМИ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

А.А. Дорожинский

Барнаульский юридический институт МВД России

Проблемы понятия и содержания контроля как сложного правового феномена всегда имели актуальность и привлекали к себе внимание ученых-правоведов и практических сотрудников различных государственных служб. Многие ученые, занимавшиеся исследованием мер, не связанных с лишением свободы, в принципе считали возможным рассматривать контроль в качестве средства непосредственного обеспечения режима их исполнения. Однако существуют и иные точки зрения. Так, А.К. Музенник считает, что контроль не может рассматриваться только со стороны обеспечения режима, он так или иначе является самостоятельным средством воздействия [2, с. 64]. Большое количество подходов относительно сущности контроля обуславливается разносторонностью самого контроля как социально-правового явления.

Однако в указанной статье нас будут интересовать проблемные стороны не общей правовой природы контроля, а актуальные проблемы правовой природы посткриминального контроля [6, с. 106-116], который осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями (далее – УИИ) в отношении осужденных без изоляции от общества.

В существующих на сегодняшний день правовых реалиях, на наш взгляд, наиболее актуальным будет вопрос, связанный со слабым контролем, осуществляющимся со стороны УИИ в отношении осужденных лиц, как одна из основных причин совершения подучетной категории лиц преступлений повторно.

Для уяснения места контроля в механизме исполнения наказаний без изоляции от общества необходимо обратиться к его

законодательному содержанию и выяснить, какие нормативно-правовые акты регулируют данную сферу.

Итак, согласно ст. 187 Уголовно-исполнительного Кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) контроль за поведением условно осужденных в течение испытательного срока осуществляется УИИ по месту жительства условно осужденных.

К основным обязанностям УИИ, которые и составляют, на наш взгляд, основу посткриминального контроля за осужденными, в соответствии со ст. 54 УИК РФ [5] можно отнести следующие:

- учет осужденных к наказанию в виде ограничения свободы;
- разъяснение порядка и условий отбывания наказания;
- осуществление надзора за осужденными и принятия мер по предупреждению с их стороны нарушений установленного порядка отбывания наказания;
- оказание осужденным помощи в трудоустройстве и проведение с ними воспитательных работ;
- применение установленных законом мер поощрения и взыскания и др.

Далее можно выделить такие нормативные акты, как:

- Положение об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» [3];
- Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденная Приказом Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества».

Данные документы так или иначе регулируют правовую природу посткриминального контроля, осуществляющегося УИИ в отношении лиц, состоящих на их учете без изоляции от общества [1].

Однако, несмотря на всю правовую регламентацию посткриминального контроля, количество совершенных преступлений по-

вторно среди лиц, состоящих на учете в УИИ, остается довольно высоким.

Так, по официальным статистическим данным УФСИН России, по Алтайскому краю в 2020 г. из 24799 лиц, поставленных на учет в УИИ края, 1441 лицо совершило преступление повторно, что свидетельствует о низкой эффективности деятельности УИИ в вопросе осуществления посткриминального контроля над осужденными [4].

Тенденция увеличения повторной преступности среди осужденных, состоящих на учете в УИИ, на наш взгляд, имеет очевидные причины. Вкратце рассмотрим каждую из них и предложим ориентированные на практику пути устранения данных причин.

Первая причина – это слабые профилактические беседы, которые проводятся между сотрудниками УИИ и осужденными разной категории, поставленными на учет. Беседы зачастую имеют общий характер, без углубления в проблемные стороны, возможно, имеющиеся у осужденного лица, его взаимодействие с членами семьи и другие вопросы, выяснение которых могло бы позволить провести качественную диагностику состояния осужденного в момент его нахождения на учете.

Вторая причина – это слабое взаимодействие УИИ с подразделениями органов внутренних дел. Как правило, должное взаимодействие обеспечивает качественный контроль за осужденными по их месту жительства и поведения вне быта.

Третья причина – это слабое взаимодействие УИИ с иными государственными и муниципальными органами, которые предоставляют услуги по трудоустройству граждан. Осужденное лицо, находясь на учете, в силу отсутствия особого интереса со стороны УИИ брать на себя организационные вопросы по трудоустройству осужденного по факту лишают его хоть какого-то источника дохода.

На наш взгляд, содержательной стороной перечисленных нами причин является очевидно формальный характер проводимых сотрудниками УИИ мероприятий, направленных на контроль за поведением осужденных. По нашему мнению, связано это в первую очередь с тем, что сотрудники УИИ заняты большим объе-

мом сопутствующей работы, никак не относящейся к контролю за поведением осужденных. Сюда можно отнести и обильный документооборот, и формирование многочисленных отчетов по проделанной работе, и подведение различных статистических данных. Кроме того, кадровый голод внутри службы также негативно сказывается на осуществлении контроля за поведением осужденных. Сотрудники УИИ физически в силу малой штатной численности не могут качественно проводить контроль за большим количеством состоящих у них на учете осужденных.

В этой связи в действующее законодательство уголовно-исполнительной системы необходимо внести определённые поправки, дополнения и уточнения в части осуществляемой УИИ деятельности по контролю за осужденными лицами без изоляции от общества. Так, на законодательном уровне необходимо увеличить численную

штатность сотрудников УИИ. Полагаем, что распределение рабочей нагрузки будет оптимальным в действующих реалиях, чтобы на одного сотрудника УИИ приходилось десять осужденных.

Далее в рассмотренной Инструкции следует предусмотреть обязанность УИИ проводить запланированные тематические профилактические беседы со всеми категориями осужденных, с обязательным приглашением родственников и иных лиц, которые могут оказать на них положительное влияние.

Также необходимо закрепить случаи, когда межведомственное взаимодействие служб в вопросах контроля за осужденными лицами будет обязательным и плановым. Стоит отметить, что указанные меры так или иначе могут способствовать повышению качества посткриминального контроля со стороны УИИ, значит, уменьшения уровня повторной преступности среди лиц, состоящих на их учете.

Литература

1. Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденная Приказом Минюста РФ от 20 мая 2009 года № 142 «Об утверждении инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Музеник А.К. Эффективность условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 128 с.
3. Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 16.06.1997 № 729 (ред. от 23.04.2012). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Статистические данные УФСИН России по Алтайскому краю. URL: <https://22.fsin.gov.ru/stat/index.php> (дата обращения 17.06.2021).
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 26.05.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Филимонов О.В. Посткриминальный контроль: Теоретические основы правового регулирования. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 180 с.

ОБЪЕКТ КРИМИНАЛЬНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ ВОЗВРАТА ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Е.И. Дубов

Нижегородская академия МВД России

Узаконивание в 2016 г. ключевого этапа долговых отношений, связанного с возвратом просроченной задолженности физических лиц, наделение судебных приставов полномочиями государственного контроля, создание специального реестра юридических лиц, определяющего конкретный круг субъектов профессионального взыскания, не решило всех задач, касающихся обеспечения защиты граждан, оказавшихся в касте «проблемных должников». На рынке досудебного взыскания продолжает оставаться большое количество «нелегальных участников», не желающих принимать установленный законом порядок осуществления рассматриваемой деятельности, использующих в своей работе незаконные методы, опасные для жизни или здоровья должника и близких ему лиц, а также связанные с угрозами уничтожения или повреждения их имущества. Использование таких способов повышает общественную опасность совершаемых деяний, порождает социальную напряженность в обществе и вынуждает государство в лице высших органов власти вновь ставить вопрос о дальнейшем регулировании этих отношений [4], особенно в аспекте уголовно-правового противодействия преступным посягательствам в отношении должников [9]. В этой связи возникает проблема в определении объекта преступных посягательств, которым причиняется или может быть причинен вред в результате криминальных деяний со стороны «черных коллекторов».

Обозначив актуальность выбранной темы исследования, мы акцентировали внимание на изучении доктринальных позиций ученых в области уголовного права, которые занимались проблемными вопросами, так или иначе связанными с объектом преступлений. Среди последних можем отметить работы следующих исследователей,

которые стали фундаментальной основой при написании настоящей статьи: В.Н. Винокуров [3, с. 54], А.П. Кузнецов [7, с. 43], В.В. Сверчков [12, с. 103], В.Н. Кудрявцев [6, с. 151], Ю.И. Ляпунов [8, с. 25-33], Н.С. Таганцев [14, с. 182], А.В. Петрянин [11, с. 191-193], С.В. Изосимов [5, с. 166] и др.

В качестве методологического инструментария автор использует такие методы научного познания, как анализ, диалектика, аналогия.

Традиционно в теории уголовного права объект классифицируется по двум основным критериям, а именно: по обобщенности (по вертикали) и конкретизации преступного посягательства (по горизонтали). По степени обобщенности (вертикали) объект подразделяется на общий, родовый, видовой и непосредственный. Под *общим* обычно понимается вся совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законодательством. Безусловно, нормальное функционирование деятельности по возврату просроченной задолженности также охраняется государством от преступных посягательств. Учитывая то, что сама сфера взыскания долговых обязательств является неким социальным благом, а ее успешное законное функционирование обеспечивает эффективное развитие экономики, социальной справедливости, эти отношения могут быть признаны значимыми, а значит, они попадают под общую уголовно-правовую охрану объектов, описанных в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Под *родовым* объектом понимаются отношения, относящиеся к однородным, т.е. выражающие коллективные интересы конкретной группы. Обычно для определения родового объекта преступления учитывают название раздела Особенной части УК РФ. В нашем случае, принимая во внимание то,

что деятельность по возврату просроченной задолженности имеет ярко выраженный экономический характер, и как было доказано ранее, является сегментом отечественной экономики, то родовым объектом таких преступлений будут общественные отношения в сфере экономики.

Видовой объект понимается как более уточненная группа общественных отношений относительно родового. Для определения видового объекта конкретного преступления, предусмотренного отдельной статьей УК РФ, обращают внимание на название глав отечественного уголовного закона. Иногда для определения видового объекта рассматривают группы отдельных преступных деяний внутри главы уголовного законодательства. В нашем случае речь может идти о нормальном функционировании экономической деятельности, уголовно-правовая охрана которой обеспечена гл. 22 УК РФ. Если вести речь о более детальном уточнении видового объекта, то можно выделить такую группу норм внутри этой главы, которые нацелены на охрану кредитно-финансового (банковского) сектора (ст. 172, ст. 176, ст. 177 УК РФ) от преступных посягательств. Принимая во внимание то, что зачастую сама деятельность по возврату просроченных обязательств может реализовываться как самими банковскими организациями (в качестве дополнительной деятельности), так и внесенными в специальный государственный реестр юридическими лицами (в качестве основного вида деятельности), а её основы лежат в наличии просроченной задолженности (долга), чаще всего связанного с кредитными обязательствами лица (должника), то сама сфера взыскания таких задолженностей является неотъемлемой частью функционирования всего кредитно-финансового сектора. В этой связи видовым объектом преступлений рассматриваемой деятельности целесообразно считать общественные отношения, связанные с обеспечением его нормального существования и эффективной работы.

Определение *непосредственного объекта* в уголовно-правовой науке является одним из дискуссионных вопросов. Под непосредственным объектом обычно понимается конкретное общественное отноше-

ние, на которое непосредственно направлено преступное посягательство. Неоднозначность его определения в т.ч. связана с тем, что некоторые ученые до недавнего времени отождествляли непосредственный объект с предметом посягательства. При этом необходимо помнить, что предмет преступления – это вещь материального мира, имеющая стоимостную оценку. Преступное деяние, сопряженное с воздействием на него, способно причинить вред именно непосредственному объекту посягательства.

Так, сами по себе отношения между кредитором и должником возникают в связи с наличием долговых отношений и образовавшихся просроченных обязательств должника, несвоевременным выполнением своих договорных обязанностей. В этой связи преступления, совершаемые взыскателями долгов, направлены в первую очередь на то, чтобы вернуть долг (имущество), который имеет просроченный характер. Исходя из названия исследуемой деятельности, долговые обязательства просроченного типа имеют наименование «просроченная задолженность», а действия взыскателей, направленные на ее возврат, включают в себя незаконные способы его осуществления, что в совокупности приводит к совершению преступлений в этих общественных отношениях. Так, по нашему мнению, для выделения более точного предмета преступных посягательств в сфере возврата просроченной задолженности нужно соотнести категории «долг» и «просроченная задолженность».

Бюджетный кодекс Российской Федерации в ст. 112 содержит легальную формулировку термина «просроченная задолженность» в контексте бюджетных отношений как «задолженность субъекта Российской Федерации, муниципального образования, образовавшаяся ввиду неисполнения или ненадлежащего исполнения в установленный срок долговых обязательств субъекта Российской Федерации, муниципального образования» [2]. Кроме этого, интересным для изучения правового статуса данной категории может быть Письмо Минфина России от 24 мая 2019 г. 02-09-07/37960, в котором разъясняется вопрос о дате возникновения просроченной дебиторской задол-

женности. Так, в данном письме сообщается, что неисполненная дебиторская (кредиторская) задолженность при наступлении даты ее исполнения считается просроченной задолженностью. Поясняется, что в случае если нарушены сроки, установленные для погашения задолженности (в т.ч. на основании исполнительной документации), она считается непогашенной, т.е. имеет статус просроченной [10]. Изучив некоторые доктринальные позиции представителей экономических специальностей [1, с. 580], можно выделить следующие основные признаки просроченной задолженности: 1) наличие долговых обязательств; 2) срок их исполнения (возврата долга) нарушен; 3) в ее состав включена как сумма, предоставленная в заем, так и установленные в рамках договора проценты, возможные штрафы, пени и прочие выплаты за несвоевременное выполнение долговых обязательств [13, с. 7].

Продолжая сопоставление обозначенных ранее дефиниций, отметим позицию В.А. Гуреева, который предлагает обратиться к понятию «долга» как к базовой гражданско-правовой категории и рассматривать ее как денежные средства или иные вещи, которые должны быть возвращены согласно заключенному договору или внедоговорному обязательству. Мы поддерживаем его мнение относительно того, что именно неисполненный долг способствует появлению задолженности, которая сама по себе является всегда просроченной. В таком случае долг – это непросроченная задол-

женность. В этой связи под предметом преступных деяний в рассматриваемых отношениях следует понимать именно просроченную задолженность, а не долг.

Подводя итог, отметим, что для более точного определения непосредственного объекта он рассматривается на основании классификации «по горизонтали», а именно, как основной, дополнительный и факультативный. Основным непосредственным объектом преступлений рассматриваемой категории можно считать общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения порядка возврата задолженности между заемщиком либо лицом, представляющим его интересы, и должником (физическим лицом). Изучение судебно-следственной практики показало, что исследуемые преступные деяния могут совершаться такими способами, как: насилие, угроза его применения; оказание психологического давления; введение в заблуждение; уничтожение и повреждение имущества, угрозы их применения, в результате которых, помимо посягательства на сам установленный законом порядок возврата просроченных долговых обязательств, злоумышленники причиняют или могут причинить вред здоровью, имуществу, конституционным правам (неприкосновенности жилища и частной жизни) должника и другим лицам, что может и будет являться дополнительным или факультативным непосредственным объектом преступлений рассматриваемой категории.

Литература

1. Большой экономический словарь / авт. и сост. А.Б. Борисов. М.: Кн. мир, 2004 (ОАО Тип. Новости). 892 с.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации (в ред. от 11.06.2021): федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. 3 авг. № 31. Ст. 3823.
3. Винокуров В.Н. Объект преступления: способы установления и закрепления в законе: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010. 279 с.
4. Владимир Путин поручил взять под контроль деятельность коллекторов // Российская газета. Столичный выпуск. 2020. 25 авг. № 189 (8243).
5. Изосимов С.В. Уголовно-правовой анализ служебных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2005. 227 с.
6. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 1972. 191 с.

7. Кузнецов А.П. Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: учебно-практ. пособие. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2007. 127 с.
8. Ляпунов Ю.И., Мшвениерадзе П.Я. Основы систематизации норм Особенной части уголовного права // Изв. вузов. Правоведение. 1985. № 3. С. 25-33.
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за незаконную деятельность коллекторов): проект федерального закона № 1133972-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1133972-7> (дата обращения: 15.07.2021).
10. О дате возникновения просроченной дебиторской задолженности: письмо Минфина России от 24 мая 2019 г. № 02-09-07/37960. URL: <https://base.garant.ru/72337212/> (дата обращения: 29.06.2021).
11. Петрянин А.В. Уголовно-правовые аспекты оперативно-разыскной характеристики преступлений экстремистской направленности: особенности определения объекта статьи 280 УК РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 191-194.
12. Сверчков В.В. Уголовное право: учебник для среднего профессионального образования. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. 702 с.
13. Смулов А.М., Нурзат О.А. Проблемная задолженность: понятие, основные признаки и меры повышения эффективности возврата проблемных кредитов // Финансы и кредит. 2009. № 35 (371). С. 7.
14. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права: Часть общая. Кн. 1. Вып. 1-3. Санкт-Петербург: тип. М. Стасюлевича, 1874-1880. Т. 3. 324 с.

ВОПРОСЫ КОРЫСТНОЙ МОТИВАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Т.И. Егорова,

кандидат юридических наук

Академия права и управления ФСИН России;

Г.В. Курбатова,

кандидат юридических наук, доцент

Академия права и управления ФСИН России

Специфическим признаком, присущим корыстным посягательствам, является единая субъективная заинтересованность в получении выгоды в результате преступления. Данное стремление выражается не только в интеллектуально-волевом отношении к деянию, но и объективных признаках, которые деформируют порядок осуществления должностными лицами их организационно-распорядительных или административно-

хозяйственных полномочий, а также функций представителя власти.

Совершение преступления в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы является чрезвычайным событием. Однако, несмотря на исключительность данных фактов, именно подобные поступки зачастую формируют общественное мнение, подрывая авторитет государственной власти.

Установление в действиях сотрудника ФСИН России корыстной мотивации свидетельствует о заранее спланированном характере посягательства, наличии системных нарушений в деятельности государственного механизма. Безусловно, в данных условиях исследования содержания и характеристики корыстных преступлений, совершаемых сотрудниками исправительных учреждений, представляются весьма актуальными.

В отдельных уголовно-правовых нормах, предусматривающих ответственность за должностные преступления, имеется прямое указание закона на наличие личной заинтересованности. Данный конструктивный признак наличествует в составах злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), служебного подлога (ст. 292 УК РФ). При этом уяснение коррупционного мотива происходит через объективные признаки преступления: «цель здесь является средством пояснения сущности мотива, то есть наблюдается смешение терминов» [2, с. 26]. Объяснить подобное несоответствие возможно с учетом того обстоятельства, что мотивами преступления могут быть различные побуждения, существующие одновременно. Полимотивность достаточно распространена в коррупционных преступлениях [4, с. 98]. Типичный пример – «явление nepотизма, который является видом фаворитизма, при котором предоставляются привилегии родственникам или друзьям» [1, с. 54]. При этом, наряду с мотивами личной выгодой материального характера, могут выступать ложно поняты семейные или товарищеские интересы. Злоупотребление должностными полномочиями возможно в связи с карьерными соображениями в пределах служебного взаимодействия или из-за общегрупповых криминальных интересов в организованной преступной группировке [3, с. 70].

Однако в большинстве случаев криминально значимым является именно коррупционный мотив, который находит свое объективное выражение в признаках объекта и объективной стороны. Кроме того, мотив совершения преступления формируется под воздействием объективных и субъективных обстоятельств реальной

действительности, которая в уголовно-исполнительной системе имеет детальную регламентацию [5, с. 69].

Очевидно, что корыстная мотивация может присутствовать в различных видах преступлений, не только связанных со служебной деятельностью сотрудника, но и направленных против личности, общественной безопасности, общественного порядка и т.д. С учетом данного положения при классификации посягательств рассматриваемой категории за основу возможно взять виды объектов преступлений, по вертикали (родовой, видовой, непосредственный) и по горизонтали (основной, дополнительный факультативный). Важно отграничение различных по конструкции составов преступлений (материальных, формальных, усеченных), особенностей уголовно-правовой регламентации (сложные, альтернативные составы) и осуществления преступной деятельности (длящиеся, продолжаемые преступления). Исходными моментами при этом могут стать место совершения преступления – исправительное учреждение, а также обстановка, способ и время совершения преступления, характеризующие процесс исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

При квалификации и расследовании рассматриваемых преступлений следует иметь в виду, что мотив как субъективный признак может проявляться в особенностях объекта как фундаментального элемента состава преступления, его отграничением от предмета и иных признаков. Соотнесения требуют сферы общественных отношений, являющиеся наиболее важными: отношения собственности, экономической деятельности, интересов государственной власти и т.п. Особого внимания заслуживает предмет преступного посягательства рассматриваемых преступлений, который применительно к уголовно-исполнительной системе имеет свои отличительные черты, т.к. имущество (иные предметы преступления) может принадлежать: государству, осужденным или иным лицам.

Так, приговором от 5 июля 2019 г. по делу № 1-174/2019 Псковского городского суда Псковской области виновным по ч. 1 ст. 291.2, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 291.2, ч. 1 ст. 285,

п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ признан В.Д.С. Судом установлено, что осужденный, являясь младшим инспектором группы надзора отдела безопасности ИК-4 УФСИН России по Псковской области, «вопреки интересам службы, из корыстной заинтересованности, выразившейся в желании получить для себя материальную выгоду» вступил в запрещенную связь с осужденным ИК-4 для проноса на режимную территорию наркотического средства гашиш общей массой 7,03 грамма и получении за это незаконного денежного вознаграждения в размере 10 000 рублей.

Учитывая, что ст. 228.1 УК РФ не содержит такого квалифицирующего признака, как «сбыт за подкуп или вознаграждение должностного лица», то корыстный мотив в действиях В.Д.С. при правовой оценке преступления отражен путем дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 291.2, ч. 1 ст. 285.

Перспективным представляется систематизация законодательных тенденций в рассматриваемой сфере регулирования, данных судебного правоприменения и практики квалификации преступлений, актуальных теоретических разработок в области корыстных преступлений, посягательств сотрудников правоохранительных органов и особенностей их совершения в исправительных учреждениях.

Таким образом, исследование вопросов содержания и характеристики корыстного мотива должностных лиц уголовно-исполнительной системы нуждается в широком использовании научно-исследовательской информации по уголовному праву, криминологии и смежным отраслям знаний. Важным в данной контексте является использование фундаментальных положений теории и практики квалификации преступлений.

Литература

1. Астальцева О.А., Николаева Е.А. Совершенствование мер юридической ответственности за коррупционные правонарушения // *Colloquium-journal*. 2020. № 2-12 (54). С. 50-53.
2. Бугаевская Н.В. Мотивы и цели коррупционных преступлений // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 7-1 (45). С. 25-27.
3. Козлов Т.Л. Правовые основы противодействия коррупции: учебное пособие. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. 160 с.
4. Прохоров Э.А. Личность преступника и мотивация совершения коррупционного преступления в сфере государственных закупок // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*. 2017. № 9. С. 97-103.
5. Чёрная С.В. Анализ факторов, способствующих возникновению и формированию мотива коррупционных преступлений в военной организации государства // *Электронный научный журнал*. 2019. № 5 (25). С. 67-71.

ДЕЯНИЕ В СОСТАВЕ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ЗАКОНА

С.В. Ермаков,

кандидат юридических наук, доцент

*Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Позиция Верховного Суда РФ по поводу возможности превышения полномочий только в форме действия выражена достаточно четко. Однако в научной литературе существует мнение, что данное преступление все-таки может быть совершено и путем бездействия. Например, В.Н. Шиханов считает, что существует бездействие, которое внешне выглядит как действие. Речь идет об уклонении от выполнения действия. По мнению автора, превышение должностных полномочий может быть совершено путем бездействия при рассмотрении деяния с фактической позиции, а не в юридическом значении [4, с. 82].

Принимая во внимание отсутствие в уголовном законе нормы, предусматривающей ответственность за умышленное бездействие при отсутствии заинтересованности, подобные суждения представляют интерес.

Однако полагаем неверным расширительно толковать нормы закона, поскольку если бы законодатель предусматривал подобную возможность, то ст. 286 УК РФ была бы изложена в другом виде (например, с использованием термина «деяние», объединяющим активное и пассивное поведение).

Совершаемые при превышении полномочий действия должны быть связаны с распорядительной деятельностью должностных лиц. Так, оперуполномоченные А. и Л. требовали от подозреваемого П., чтобы тот признался в совершении разбоя. Оперуполномоченный А. подошел к П. и с размаху ударил кулаком в грудь, от удара подозреваемый упал со стула назад и стукнулся затылком о пол. А. поднял его за ворот и ударил еще раз в солнечное сплетение. После чего Л. стал наносить П. удары руками и ногами по голове. Когда П. после двух суток освободили, он обратился в больницу. Врачи установили перелом грудины и

сотрясение головного мозга [5]. В приведенном примере связь между применяемым должностными лицами насилием и присутствующими должностными полномочиями проявляется в том, что удары наносились при производстве расследования (оперативных мероприятий) и в связи с выполняемой служебной деятельностью.

Таким образом, представленные в научной литературе позиции относительно расширительного толкования деяния в рамках ст. 286 УК РФ необоснованные. Проявление деяния исключительно в форме действия является важнейшим отграничительным признаком данного преступления от злоупотребления должностными полномочиями.

Превышение предполагает совершение таких действий, которые явно выходят за пределы полномочий. Толкование признака «явность» представляется достаточно сложным, поскольку должностное лицо зачастую не осведомлено об объеме предоставленных полномочий, а учитывая принцип субъективного вменения, привлечение к уголовной ответственности в данных случаях необоснованно [3, с. 35].

С.Г. Айдаев предлагает выделять объективное содержание признака явности [4, с. 16] и рассматривает его как способ совершения превышения. Сложно согласиться с такой трактовкой явности по следующим причинам: во-первых, оценка деятельности должностного лица иными субъектами может быть затруднена. Полномочия некоторых должностных лиц знакомы окружающим лишь в общих чертах, а значит, третьи лица в большинстве случаев не способны констатировать наличие превышения.

Во-вторых, в теории уголовного права общепризнано, что любая объективная деятельность всегда сопровождается субъективными процессами, характеризующими созна-

ние и волю субъекта. Соответственно, ограничение признака «явность» исключительно объективным критерием противоречит основным положениям уголовного права.

В обоснование представленного вывода следует указать на п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19, в котором закрепляется, что ответственность за превышение должностных полномочий наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, которые явно выходят за пределы его полномочий, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий.

Таким образом, признак «явность» превышения должностных полномочий предполагает не только объективные действия, выходящие за пределы, но и осознание этого факта виновным, т.е. складывается из объективного и субъективного критерия.

Поскольку при превышении полномочий лицо может совершать действия, по своей сути являющиеся преступными (например, фальсифицировать какой-либо документ), возникает вопрос о квалификации таких действий и возможности применения правил совокупности.

В научной литературе широкое распространение получила позиция, согласно которой превышение должностных полномочий не является общей нормой по отношению к таким преступлениям, как присвоение или растрата, служебный подлог и т.д. [2, с. 48-51]. В качестве аргумента приводится нали-

чие в квалифицированном составе признака применения насилия или угроз (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ), не свойственного иным преступлениям против государственной власти.

Если рассматривать превышение полномочий как общую норму, а иные должностные преступления в качестве специальных, то по правилам квалификации преступлений при конкуренции применению подлежат только специальные составы преступлений. Иначе говоря, совокупное сочетание в квалификации ст. 286 и 292 УК РФ, 286 и 160 УК РФ невозможно.

При ином выводе, в соответствии с которым превышение не рассматривается в качестве общей нормы, совокупность преступлений может иметь место. В этой части в качестве примера можно провести аналогию с составом злоупотребления должностными полномочиями, наличие которого не исключает возможное применение совокупности преступлений с составом служебного подлога (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19).

По нашему мнению, каждое должностное преступление является самостоятельным, предусматривающим ответственность за определенное поведение должностного лица. Признание превышения должностными полномочиями общей нормой по отношению к целому ряду иных преступлений чрезмерно сужает действие данного предписания закона, искажая то содержание, которое вкладывает в диспозицию ст. 286 УК РФ законодатель.

Литература

1. Айдаев С.Г. Превышение должностных полномочий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
2. Векленко В.В., Борков В.Н. Расширительное толкование превышения должностных полномочий // Российский следователь. 2019. № 6. С. 48-51.
3. Проблемы квалификации отдельных видов преступлений: учебное пособие / О.В. Ермакова, И.В. Ботвин, Л.Я. Тарасова, О.А. Шатилова, Д.А. Маракулин, В.В. Мальченкова, О.М. Шаганова. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. 93 с.
4. Шиханов В.Н. Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. М.: Волтерс Клувер, 2011.
5. URL: <https://sudact.ru/practice/prevyshenie-dolzhnostnyh-polnomochij/> (дата обращения: 03.06.2021).
6. Ягофарова И.Д. Императивный характер положений ст. 55 Конституции РФ при установлении ограничений прав и свобод человека и гражданина в РФ // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1 (50). С. 64-72.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СОВРЕМЕННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ В УК РФ

О.В. Ермакова,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Изменение общественных отношений в информационной сфере, широкое использование информационно-телекоммуникационных технологий, в частности сети Интернет, создали необходимость в изменении уголовно-правовой регламентации преступных деяний в указанных сферах.

Сложность закрепления таких составов в нормах уголовного закона объясняется тем, что информационные технологии могут выступать способом, средством совершения преступления, а также образовывать составную часть самого преступного деяния. Исходя из этого, можно сделать вывод, что преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий разрознены по разным разделам и главам УК РФ, поскольку посягают на различные общественные отношения. Их группировка в едином блоке уголовного закона в принципе невозможна в связи с различной ролью данных технологий в механизме преступного деяния и в рамках составов преступлений.

Принимая во внимание то обстоятельство, что состав преступления выступает центральным институтом уголовного права, влияющим на толкование уголовного закона, предлагаем классификацию преступлений в избранной сфере осуществлять именно по тому основанию, к какому признаку состава преступления относятся информационные технологии.

Очевидным видится то обстоятельство, что сфера таких технологий может существовать только в рамках объективных признаков, поскольку отображает внешнюю характеристику деяния.

По нашему мнению, преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий подразделяются на две группы:

1. Составы, в которых данный признак относится к характеристике способа или средства совершения преступления.

Данная классификационная группа является наиболее многочисленной и включает в себя различные преступные деяния. Например, в преступлениях против личности отдельные разновидности таких составов располагаются в преступлениях как против жизни и здоровья, так и против чести и достоинства.

Так, в 2017 г. законодатель включил в уголовный закон целый ряд составов преступной причастности к самоубийству (ст. 110-110.2 УК РФ), в каждом из которых предусмотрен признак «в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет». Положительно оценивая предложенные трансформации закона, следует отметить, что в рамках составов причастности совершение воздействия на склоняемого посредством сети Интернет является типичным и повышает общественную опасность содеянного, позволяя в короткие сроки осуществить преступление в отношении неограниченного круга лиц.

В этой части выглядит удивительным отсутствие такого способа в составе угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). Полагаем, что сложившаяся практика последних лет значительно ограничивает потенциал указанной нормы, поскольку ее применение ориентировано только на личное высказывание угрозы при непосредственной близости от потерпевшего, сопровождаемое использованием какого-либо предмета. Написание сообщения в социальных сетях обладает не меньшей опасностью и воспринимается потерпевшим как реальная угроза его жизни.

Аналогично по не ясным причинам отсутствует указание на возможное соверше-

ние деяния в сети Интернет в составе клеветы (ст. 128.1 УК РФ). В этой части скорее всего имеет место недочет законодателя, т.к. в ч. 2 указанной статьи выделен признак публичности.

Необоснованно ограничено конструирование составов при помощи рассматриваемого способа в преступлениях против конституционных прав и свобод. Даже те деяния, для которых характерно распространение данных посредством сети Интернет (например, нарушение неприкосновенности частной жизни), не содержат указанного признака.

Не содержат такого способа совершения деяния, как использование информационно-телекоммуникационных технологий, составы экономических преступлений. Хотя в результате анализа практики очевидным представляется распространенность совершения мошенничества именно в сети Интернет. В связи с этим считаем необходимым предусмотреть указанный квалифицирующий признак в составах мошенничества.

Исключение составляет состав мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), в котором хищение осуществляется посредством манипуляций с компьютерной информацией, вмешательство в средства ее хранения и обработки. Существование данной нормы в рамках преступлений против собственности подвергается существенной критике, поскольку обозначенный способ не согласуется с общей нормой о мошенничестве (ст. 159 УК

РФ), обязательная составляющая которой – это обман или злоупотребление доверием [2, с. 29].

2. Составы, в которых предмет – это компьютерная информация, а само преступное деяние образует какое-либо неправомерное воздействие на нее.

В этой классификационной группе речь идет о преступлениях, включенных в гл. 28 УК РФ. В отличие от уже обозначенных преступлений в данной группе посягательство осуществляется не при помощи компьютерной информации, а в отношении (на) нее. Действия же, совершаемые в компьютерной сети, образуют преступные деяния.

Полагаем, указанная классификация не может быть единственно верной, поскольку возможно построение и иных классификационных рядов. Например, в зависимости от влияния сферы информационно-телекоммуникационных технологий на общественную опасность возможно выделение основных составов и квалифицированных.

Таким образом, учитывая, что в настоящее время сфера информационных технологий характерна для большинства совершаемых деяний, моделируя составы преступлений, законодатель обязан ориентироваться на конкретно совершаемые в общественной жизни общественно опасные деяния [1, с. 68-71] и оценивать необходимость включения этого признака в соответствующие конструкции.

Литература

1. Ермакова О.В. Моделирование состава преступления: понятие и особенности осуществления // Алтайский юридический вестник. 2020. № 2 (30). С. 68-71.

2. Преступления против личности и собственности: проблемы толкования и квалификации: учебное пособие / О.В. Ермакова, И.В. Ботвин, Л.Я. Тарасова, О.А. Шатилова, Д.А. Маракулин, В.В. Мальченкова, О.М. Шаганова. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. 64 с.

НЕСООТВЕТСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ ПРИНЦИПАМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

И.А. Журавлева,

кандидат юридических наук, доцент

Омский государственный педагогический университет

В настоящее время продолжается дискуссия по вопросу преюдиции, имеющая особую остроту в рамках уголовного законодательства. Отметим, что складывающееся сегодня фактически прецедентное судопроизводство в гражданском и арбитражном процессах в России усугубляет ситуацию, порождая массу противоречий между нормами, включая появление определенных «пороков» логики именно в уголовном процессе, актуализируя проблему уголовно-правовой регламентации преступлений с административной преюдицией. В этой связи вспомним ключевые, на наш взгляд, аспекты анализируемой проблематики.

Итак, само понятие имеет латинское происхождение и в переводе с латыни слово «*praejudicialis*» значит «относящийся к предыдущему судебному решению» или «налагаемый на основании предыдущего решения», некоторые «укорачивают» его перевод до слова «предрешение» [2].

При этом в российском законодательстве понятие/термин «преюдиция» закреплен секвестировано, а именно: конкретно само слово «преюдиция» мы обнаруживаем в ст. 90 УПК РФ, где читаем «Преюдиция: Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, ... либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки» [9].

Отдельное упоминание терминов «преюдиция» и «преюдициальность» содержится в Постановлении ФАС Уральского округа от 21.05.2008 № Ф09-3637/08-С2, где, в частности, зафиксировано: «Преюдиция – это установление судом конкретных фактов, которые закрепляются в мотивиро-

вочной части судебного акта и не подлежат повторному судебному установлению при последующем разбирательстве иного спора между теми же лицами. Преюдициальность предусматривает не только отсутствие необходимости повторно доказывать установленные в судебном акте факты, но и запрет на их опровержение» [7].

Далее правовая природа и назначение преюдиции проанализированы в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П, где п. 4.3 гласит, что «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, – в их конституционно-правовом смысле, выявленном Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, – не противоречат Конституции Российской Федерации» [8].

При рассмотрении экономических споров практика закрепления преюдиции содержится в нормах ч. 2, 3, 4 ст. 69 АПК РФ [1]. Считаю важным здесь отметить ч. 4 указанной статьи: «Вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, иные постановления суда по этому делу обязательны для арбитражного суда по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом» [1].

Заметим, в современных реалиях неоднозначность проблемы преюдиции вытекает в т.ч. из обзора решений Верховного суда. Однако сразу оговоримся, что указанные решения носили исключительно имущественный характер [3]. При этом интересна позиция Верховного суда, который подчеркивает «необходимость соблюдения

при осуществлении правосудия принципа правовой определенности, который подерживается за счет преюдициального характера ранее вынесенных судебных решений» [4].

Таким образом, можно утверждать, что в целом практика применения преюдиции формально сложилась и, на первый взгляд, не нарушает конституционных прав граждан, что закрепил Конституционный суд в своем Определении от 25 мая 2017 г. № 1014-О, в котором определил, что «указанные нормы уголовно-процессуального закона сами по себе не могут расцениваться как нарушающие конституционные права... Что же касается статьи 90 УПК РФ, то ... применение этой нормы в его конкретном деле не подтверждено» [6]. При этом институт преюдиции в доказательственном смысле представляет собой освобождение от необходимости прохождения процедуры повторного доказывания тех обстоятельств, которые были ранее установлены судом и отражены во вступивших в законную силу соответствующих решениях. Соответственно, в сфере уголовного судопроизводства преюдиция должна быть ограничена фактическими обстоятельствами дела, из чего следует, что судебные акты, вынесенные по другому делу или в другом виде судопроизводства, в т.ч. промежуточные судебные акты, вынесенные в порядке судебного контроля в досудебном производстве по уголовному делу, не могут иметь преюдициального значения. Также не имеют преюдициального характера те решения по уголовно-процессуальным производствам, по которым законом не предусмотрено полноценное доказывание, в частности, в рамках ст. 226.9, ст. 316, ст. 317.7 УПК РФ.

Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 3-7 [10] четко определил такие принципы уголовного законодательства, как принцип законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма. Однако с точки зрения анализа текущего состояния правоприменительной практики в сфере реализации института преюдиции в уголовном праве возникает ряд вопросов. Мы проанализируем, на наш взгляд, наиболее «одиозные» нормы, осознавая необходимость декриминализации

ряда норм УК РФ с позиции принципов гуманизма и справедливости.

Так, например, с точки зрения принципов законности и вины степень общественной опасности является определяющим критерием отнесения деяния к категории уголовно-наказуемых, где четко определяется основание привлечения к уголовной ответственности. Исходя из этого искусственное «вживление» преюдиции (например, в ст. 212.1 УК РФ) вызывает много вопросов уже хотя бы потому, что в административном праве есть норма, регулирующая процедуру привлечения к ответственности за нарушение порядка организации и проведения массовых мероприятий (ст. 20.2 КоАП РФ «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования») [5]. Кроме того, формулировка ст. 212.1 УК РФ «деяние совершено неоднократно» не подпадает под норму ст. 18 УК РФ, закрепляющей понятие «рецидив преступлений», под которым признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Однако уголовное право оперирует понятиями «преступление» и «неоднократность преступлений», но в этом случае речь идет о множественности преступлений, предполагающих совершение однородных или тождественных деяний, за которые лицо не понесло ответственности. Следовательно, «повторяемость» административных проступков как основание возникновения административных правонарушений не может регулироваться нормами УК РФ. Также, помня теорию права, мы должны учесть, что именно степень общественной опасности является одним из «знаковых» показателей отличия понятия «правонарушение» от понятия «преступление».

Аналогичные вопросы возникают в отношении нормы ст. 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», где также есть формулировка «деяние совершено неоднократно» лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. При этом также п. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ «Нарушение правил продажи этилового спирта, алкогольной и

спиртосодержащей продукции» закрепляет административную ответственность за такой проступок. И опять возникает противоречие со ст. 18 УК РФ в части определения характеристики повторяемости.

Норма ст. 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию» по аналогии содержит формулировку о совершении этого деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение», т.е., по сути, происходит «дублирование» норм в разных источниках права, приводящее к тому, что принцип гуманизма судопроизводства и, как

следствие, декриминализация норм УК РФ в современных условиях носят «мертво-рожденный» характер.

Проведенный анализ указывает на ряд случаев несоответствия преступлений с административной преюдицией принципам уголовного законодательства, в т.ч. при реализации принципов равенства граждан перед законом и справедливости. Считаем, что в этих условиях создается благоприятная атмосфера для возникновения субъективной оценки действий лица в рамках так называемого «человеческого фактора» и возрастает вероятность появления коррупционных факторов в целом при принятии соответствующих решений.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Бельковец В. Судебная практика: понятие «преюдиции». URL: <https://www.buhgalteria.ru/article/sudebnaya-praktika-ponyatie-preyuditsii> (дата обращения: 29.06.2021).
3. Верховный суд запретил оспаривать преюдицию. 7 октября 2020. URL: https://pravo.ru/story/225327/?mob_emb= (дата обращения: 29.06.2021).
4. ВС пояснил, какие факты имеют преюдициальное значение в гражданском споре. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-poyasnil-kakie-fakty-imeyut-preyuditsialnoe-znachenie-v-grazhdanskom-spore/> (дата обращения: 29.06.2021).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 25.05.2017 № 1014-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киселева Андрея Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом «а» части третьей статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, частями первой и второй статьи 7, статьями 14, 17 и 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25052017-n-1014-o/> (дата обращения: 29.06.2021).
7. Постановление ФАС Уральского округа от 21.05.2008 № Ф09-3637/08-С2 по делу № А71-41/04 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫМ БЫТОВЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

И.Н. Заварыкин,

кандидат юридических наук

Барнаульский юридический институт МВД России;

М.С. Бугров

*Главное управление Министерства внутренних дел
Российской Федерации по Алтайскому краю*

Бытовая насильственная преступность является достаточно актуальной проблемой в Алтайском крае. Следует сказать, что в 2020 г. на 30,0% (с 8016 до 10 421) увеличился массив тяжких и особо тяжких преступлений по сравнению с 2019 г., что характерно для ситуации, складывающейся в целом по России и Сибирскому федеральному округу, где темпы роста составляют 14,0% и 18,9% соответственно. Имеющаяся динамика роста числа зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений повлияла на увеличение их удельного веса в общем массиве преступности с 21,6% до 26,7%, при этом данный показатель был ниже общероссийского (27,6%), но выше среднего по Сибирскому федеральному округу (26,3%).

В структуре преступности посягательства против личности в рассмотренный период составили 19,2% (7480). На 7,3% (с 423 до 454) увеличилось количество фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, в т.ч. на 35,2% (с 71 до 96) – повлекших смерть потерпевшего. На почве семейно-бытовых отношений в 2020 г. в крае совершено 2378 уголовно наказуемых деяний, что на 3,3% больше, чем в январе-декабре 2019 г. В частности, на бытовой почве совершено 175 (+16,7%; январь-декабрь 2019 г. – 150) тяжких и особо тяжких уголовно наказуемых деяний, 39 (+11,4%; январь-декабрь 2019 г. – 35) умышленных убийств, 129 (+12,2%; январь-декабрь 2019 г. – 115) фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью [3].

Рост вышеуказанных показателей стал возможным по ряду причин. Так, например,

продолжает негативно отражаться на состоянии преступности пьянство среди населения. Среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности в 2020 г., на момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения находилось 44,0% (Россия: 33,8%; СФО: 40,8%).

Удельный вес преступлений, совершенных лицами в состоянии алкогольного опьянения, от общего числа расследованных уголовно наказуемых деяний в крае составил 43,8%, что выше среднего показателя по Сибирскому федеральному округу (36,7%) и в целом по России (30,6%).

Пункт 9.2 Приказа МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» закрепляет обязанности участкового уполномоченного полиции по осуществлению превентивных мер по снижению риска совершения преступлений лицами, имеющими непогашенную (не снятую) судимость, уделяя особое внимание выявлению деяний, предусмотренных ст. 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 и 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 6.1.1 и 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также бытовых преступлений.

Пункт 25 гласит, что во время профилактического обхода административного участка участковый уполномоченный полиции особое внимание уделяет информации, полученной в т.ч. путем визуального наблюдения, общения с гражданами, запроса сведений: о

лицах, склонных к совершению бытовых преступлений; о лицах, страдающих наркоманией и алкоголизмом; о лицах, пострадавших от преступлений или подверженных риску стать таковыми в силу их малолетнего либо престарелого возраста, а также имеющих психические расстройства; о случаях антиобщественного или противоправного поведения жильцов квартир и домовладений.

Положения рассматриваемого приказа в целом по региону сотрудниками исполняются, профилактическая работа ведется, однако объективные детерминанты значительно влияют на совершение бытовых тяжких преступлений, в т.ч. против личности. Рассмотрим их более подробно:

1. Нестабильность экономики и социальной сферы региона. Так, в период пандемии COVID-19 в Алтайском крае увеличилось количество безработных в 2,2 раза [2].

2. Инфляция и рост цен в России. Повышенная закредитованность населения.

Так, эксперты РИА Рейтинг в 2020 г. изучили соотношение долговой нагрузки россиян к среднегодовой зарплате и установили уровень закредитованности соотечественников в различных регионах. Алтайский край оказался на 74-м месте из 85.

Среднестатистический житель региона должен банкам 68,4% своих доходов. На одного человека в крае приходится 207,3 тыс. рублей долга. При этом за год показатель вырос почти на 28 тыс. рублей [1]. От нерешенных жизненных проблем и безделья люди начали злоупотреблять алкоголем.

3. Ограничительные меры, введенные в период пандемии COVID-19, также сказались на увеличении числа тех, кто стал злоупотреблять алкоголем. На данную ситуацию повлияло и массовое увлечение жителей края самогонварением, которое не запрещено законом.

4. Популяризация самогонварения в социальных сетях, на видеохостинге YouTube, его доступность. Существует значительное количество магазинов, торгующих продукцией для домашнего изготовления алкоголя; каналы видеоблогеров, рассказывающих об этом процессе, имеют повышенные рейтинги и стабильно высокое количество просмотров.

5. Распространение дешевого контрафактного алкоголя. Жители, страдающие алкоголизмом, не имея средств для приобретения качественной продукции, продолжают покупать паленую водку, контрафактный спирт и т.д.

Так, трое жителей Бийска в 2020 г. были привлечены к уголовной ответственности по п. «а», «б» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ и ч. 3 ст. 180 УК РФ за незаконное приобретение, хранение, перевозку и сбыт немаркированной алкогольной продукции с использованием чужих товарных знаков в особо крупном размере. При этом злоумышленники действовали группой лиц по предварительному сговору.

По данным следствия 42-летний бийчанин закупал крупные партии контрафактного алкоголя в сопредельном государстве, затем совместно с подельниками реализовывал его на территории Алтайского края. Противоправной деятельностью они занимались более года. Торговали суррогатом и на дому, и в торговом павильоне.

В ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий сотрудники отдела экономической безопасности и противодействия коррупции Межмуниципального управления МВД России «Бийское» пресекли эту преступную деятельность. При участии сотрудников Росгвардии полицейские провели обыск в семи жилых помещениях и семи гаражах. В общей сложности изъято более 3 000 бутылок коньяка, водки и рома. Эксперты выдали заключение о том, что продукция является поддельной. Сумма ущерба составила почти 2,5 млн рублей [4].

Вышеуказанные объективные причины требуют повышенного внимания со стороны властей края, правоохранителей и особенно участковых уполномоченных полиции.

По нашему мнению, следовало бы на законодательном уровне ввести ограничения по открытой торговле самогонными аппаратами и сопутствующими товарами. Также необходимо усилить работу по выявлению лиц, склонных к злоупотреблению алкоголем и совершающих бытовые насильственные правонарушения, а также лиц, незаконно приобретающих, хранящих, перевозящих и сбывающих немаркированную алкогольную продукцию.

Литература

1. Алтайский край – один из самых закредитованных в России. URL: <https://www.amic.ru/news/453702/> (дата обращения: 22.05.2021).
2. В Алтайском крае уровень безработицы увеличился в два раза. Почему и что дальше? URL: <https://www.amic.ru/news/465754/> (дата обращения: 22.05.2021).
3. Информационно-аналитические материалы к отчету начальника Главного управления МВД России по Алтайскому краю генерал-лейтенанта полиции Подоляна Андрея Анатольевича перед депутатами Алтайского краевого Законодательного Собрания. URL: <https://22.мвд.рф/Dejatelnost/otchnas> (дата обращения: 22.05.2021).
4. Трое жителей Алтайского края предстанут перед судом за реализацию контрафактного алкоголя. URL: <https://22.мвд.рф> (дата обращения: 22.05.2021).

ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ОТДЕЛЬНЫХ НОРМ УК РФ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К.Н. Карпов,

кандидат юридических наук, доцент

Омская академия МВД России

Уголовное законодательство Российской Федерации содержит предписания, позволяющие распространять юрисдикцию в отношении преступных деяний, совершенных за пределами Российской Федерации, кроме того, в отношении деяний, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, не проживающими постоянно в Российской Федерации (реальный и универсальный принципы действия уголовного закона в пространстве – ст. 11 и 12 УК РФ).

Реальный принцип предполагает возможность привлечения к уголовной ответственности в случае совершения иностранным гражданином либо лицом без гражданства, не проживающим постоянно в Российской Федерации, преступлений против гражданина Российской Федерации либо против интересов Российской Федерации.

Судебная практика свидетельствует о том, что данный принцип (реальный) используется, как правило, в случае совершения преступлений против личности, когда

потерпевший очевиден. В то же время в отношении преступлений, совершаемых против интересов Российской Федерации, судебное преследование в отношении указанной категории субъектов, как правило, осуществляется редко. Это связано как с организационными и процессуальными сложностями, так и отсутствием заинтересованности в таком преследовании.

В этой части верно указание В.Ф. Щепелькова о том, что при толковании понятия «интересы Российской Федерации» возникают определенные затруднения: из текста закона неясно, то ли это оценочное понятие, то ли имеющее строгую логическую конструкцию, не допускающую элементов усмотрения правоприменителя [3].

На сегодняшний день содержание данного понятия может быть истолковано предельно широко. За пределами государственной границы Российская Федерация имеет огромное количество интересов в сфере экономики, науки, технологий, обеспечения безопасности и т.д. В этой связи

очертить даже примерный круг «интересов» не представляется возможным.

Одной из таких норм выступает ст. 243⁴ УК РФ, предусматривающая ответственность за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России. Соглашаясь с необходимостью защиты интересов Российской Федерации и поддерживая общественно опасный характер описанного в диспозиции ст. 243⁴ УК РФ деяния, особенно если оно совершается *в целях причинения ущерба историко-культурному значению таких объектов*, необходимо отметить, что с точки зрения законодательной техники используемая законодателем формулировка указывает на запрет описанных действий в отношении объектов, находящихся за пределами Российской Федерации, в связи с чем представляется не вполне корректной.

В сочетании с предписаниями ст. 12 УК РФ привлечению к уголовной ответственности должны будут подлежать все иностранные граждане, которые были причастны к описанным действиям, совершаемым внутри своего государства. При этом их действия могут являться не противоречащими действующему на данной территории законодательству, а зачастую и связанные напрямую с обязательным выполнением предписания законов своей страны.

В данном случае затрагиваются не только внутренние интересы государства, но и интересы других стран, в т.ч. закрепленные на уровне международных двусторонних и многосторонних договоров. К группе таких интересов можно отнести право на объективность исторических фактов. Например, утвержденная на международном уровне недопустимость пересмотра результатов Второй мировой войны.

Объективная потребность борьбы с такого рода проявлениями порождает вопрос относительно правового механизма её реализации. В этой части следует согласиться с А.А. Чистяковым, Л.Р. Клебановым и А.А. Кузнецовой, которые указывают на то, что «если говорить об отечественном уго-

ловном законодательстве, то такая возможность, на наш взгляд, не исключена в силу следующих обстоятельств: 1) реального принципа действия российского уголовного закона в пространстве; 2) наличия статей 214 "Вандализм" и 354¹ "Реабилитация нацизма" Уголовного кодекса Российской Федерации» [2, с. 278] (данное мнение высказано в научной статье, которая была написана в 2018 г., т.е. до включения в УК РФ в 2020 г. ст. 243⁴).

Представляется, что защита интересов страны и общества не может вступать в противоречие с суверенным правом государства на самоопределение внутренней политики и определением законных и противозаконных действий внутри государства. Данное правило берет свое начало из постулатов римского права, гласящих, что равный над равным права не имеет (*par in parem imperium non habet*).

С учетом того, что правовой статус подобных объектов определяется законодательством того государства, на территории которого он установлен, то и вопросы обращения с ним находятся в плоскости политики и международного права¹, и в каждом случае должны решаться индивидуально. Данное правило в равной мере распространяется и на памятники, находящиеся на территории Российской Федерации. Например, памятники чехословацким legionерам, воевавшим на стороне Российской империи в Первой мировой войне в 1914-1917 гг. и участвовавшим в Гражданской войне в России в 1917-1920 гг. [1]. Споры относительно официальных переносов, демонтаже и содержании данных объектов должны разрешаться исключительно на

¹ См., например, «О дружественном и добрососедском сотрудничестве»: договор между Российской Федерацией и Республикой Польша 1992 г. ст. 17 ...памятники и иные мемориальные места, являющиеся объектом уважения и памяти граждан одной из Сторон, как военные, так и гражданские, находящиеся в настоящее время или создаваемые по взаимной договоренности в будущем на территории другой Стороны, будут сохраняться, содержаться, находиться под защитой закона в соответствии с международными нормами и стандартами, а также национальными и религиозными обычаями.

международном уровне (в отличие от случаев оквернения и вандализма).

В этой связи представляется, что введенный в УК РФ состав преступления (ст. 243⁴ УК РФ) фактически выступает в роли специальной нормы по отношению к вандализму (ст. 214 УК РФ) и, помимо дополнительных субъективных признаков («в целях причинения ущерба историко-культурному значению таких объектов»), содержит излишнее указание на место совершения деяния (на территории Российской Федерации или за её пределами). Так как в отношении таких деяний (за пределами Российской Федерации) должен быть в силе реальный принцип действия уголовного закона, при наличии условий, содержащихся в ст. 11, 12 УК РФ, фактическое месторасположение объекта не имеет принципиального значения для решения вопроса о

наличии либо отсутствию признаков состава преступления. Помимо этого, виновные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности в случае закрепления аналогичного уголовно-правового запрета в стране, на чьей территории произошло уничтожение (повреждение) памятников.

В то же время во избежание конфликтных ситуаций введение подобных запретов должно носить международный характер и страны – участники международных организаций (в первую очередь Организации Объединенных Наций) должны руководствоваться рекомендациями универсального характера относительно допустимых объектов уголовно-правовой охраны. В противном случае неизбежны разногласия относительно допустимости того либо иного деяния, затрагивающего интересы многих стран.

Литература

1. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Чешской Республики о взаимном содержании военных захоронений 11 августа 1999 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901783313> (дата обращения: 12.02.2021).
2. Чистяков А.А., Клебанов Л.Р., Кузнецова А.А. Особенности уголовно-правовой охраны памятников советским воинам, павшим во Второй мировой войне // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 3. С. 277-280.
3. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М., 2003.

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОХРАНЕ ТРУДА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Е.С. Квасников

Омская академия МВД России

Становление уголовно-правовых норм об охране труда в законодательстве России связано с расширением первоначального трудового законодательства (например, «Высочайшее мнение Госсовета "Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму"» от 24 мая 1835 г., Закон Российской империи от 07 августа 1845 г. «О воспрещении фабрикантам назначать в

ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста»).

Анализ исторического развития промышленного производства в России позволяет прийти к выводу о том, что в XIX в. наблюдается резкий рост масштабов индустриализации, следствием чего явилась механизация производства, увеличение числа заводов и фабрик, следовательно, и количества рабочих мест. Развитие промышленно-

го производства было в приоритете по отношению к обеспечению безопасного труда рабочих.

В дореволюционный период времени нормативными правовыми актами, предусматривающими уголовную ответственность за нарушение правил охраны труда, являлись: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакциях 1857, 1866 и 1885 гг.) [7]; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. [8]; Уголовное уложение 1903 г. [5].

Начиная с 1845 г. уголовное законодательство совершенствовалось в части повышения уровня юридической техники описания составов преступлений в сфере охраны труда, а также степени их абстрагирования. В то же время на данном этапе развития уголовного закона нормы об охране труда не были универсальны, не носили всеобщий характер, который распространял бы уголовно-правовую охрану на все категории работников.

После революционных событий 1917 г. указанные нормативные правовые акты продолжали применяться в части, не противоречащей декретам Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и рабочего и крестьянского правительства, а также программам-минимумам Российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров [9].

Вместе с тем окончившаяся гражданская война и переход к новой экономической политике прямо сказывались на условиях труда населения. Ликвидация безработицы, рост производительности и всеобщая занятость являлись приоритетными задачами государства. В этой связи условия трудовой деятельности рабочих были крайне неблагоприятными (из-за непригодных условий труда, на одной из фабрик страны в период 1922-1923 гг. уровень заболеваемости (в т.ч. туберкулезом) составил 28% из общего числа рабочих, а показатель несчастных случаев (с утратой трудоспособности, тяжелых и смертельных) в общем составил более 70% [1, с. 385-386].

Однако официальное определение термина «охрана труда» как раз возникает с мо-

мента установления советской власти: охрана труда – охрана жизни, здоровья и труда лиц, занятых какой бы то ни было хозяйственной деятельностью [6]; наблюдение уполномоченными лицами за точным применением и исполнением распоряжений, правил и обязательных постановлений по профессиональной гигиене, фабричной санитарии и технике безопасности [2]. Кроме того, в марте 1917 г. газета «Правда» (выпуск № 8) публикует лозунг: «Землю – крестьянам, охрану труда – рабочим, демократическую республику – всем гражданам России!».

Термин «охрана труда» появляется также и в новом уголовном законодательстве 1922 г. [3] в составе хозяйственного преступления. В соответствии со ст. 132 наниматель подлежал уголовной ответственности в случае нарушения в т.ч. специальных норм об охране труда. Норма содержала простой и квалифицированный составы. Связанные с охраной труда нормы содержались и в других главах уголовного закона, что говорит о том, что в отечественном уголовном законодательстве в данный период времени появляются общие и специальные составы преступлений.

С принятием в 1926 г. нового уголовного кодекса [4] круг деяний, нарушающих требования охраны труда и влекущих за собой уголовную ответственность, значительно расширяется; появляются материальный и усеченный составы преступлений; ответственность, как и ранее, дифференцируется; наблюдаются две формы вины – умысел и неосторожность как простое нарушение законов об охране труда, не создающее непосредственной угрозы жизни и здоровью работника (ч. 1 ст. 133); состав, квалифицированный численностью потерпевших (рабочих) (ч. 2 ст. 133); состав, квалифицированный возникновением угрозы утраты работником работоспособности, или ее непосредственная утрата (ч. 3 ст. 133); деяние, наказуемое в административном порядке нарушение подзаконных актов об охране труда (ч. 4 ст. 133); иные составы: нарушение условий работы, обеспечивающих безопасность в работах горной промышленности (ст. 108).

Уголовный кодекс 1960 г. [10] предусматривал главу 4 «Преступления против

политических и трудовых прав граждан», которая содержала самостоятельный общий состав нарушения требований охраны труда – ст. 140. Данный состав был простым, квалифицированным и особо квалифицированным. Криминообразующие признаки отличались абстрактным изложением составляющей объективной стороны и вероятностным характером наступления общественно опасных последствий.

Основное отличие уголовного закона 1996 г. от предыдущего, на наш взгляд, состоит в ликвидации формальности состава преступления, предусмотренного вновь принятой ст. 143 (декриминализована вероятность наступления общественно опасных последствий); определении общественно опасных последствий – причинение смерти, тяжкого вреда или вреда средней тяжести здоровью человека; расширении круга субъектов преступления.

В 2013 г. в действующий уголовный кодекс относительно ст. 143 были внесены изменения [11], которые актуальны и на сегодняшний день: поменялось содержание диспозиции ст. 143 в части отказа от «нарушения правил техники безопасности или иных правил охраны труда» в пользу «нарушения требований охраны труда»; декриминализовано причинение негативных последствий в виде вреда средней тяжести;

введено примечание, что следует понимать под требованиями охраны труда.

Подводя итог развитию уголовно-правовых норм об охране труда в законодательстве России, можно отметить:

1) история развития норм об уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда насчитывает 3 этапа: дореволюционный этап, советское время и постсоветский этап.

2) становление и развитие уголовного законодательства в сфере охраны труда прямо связано с развитием иных отраслей права, в частности, права трудового; политической и экономической обстановкой в стране и направлениями государственной политики.

3) на разных этапах законодатель стремился адаптировать уголовное законодательство под существующие реалии.

4) исторический путь развития норм об уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда показал, что в настоящее время в целях надлежащей защиты прав граждан необходимо совершенствовать уголовный закон, учитывая трансформирующийся характер труда (появление гибких форм занятости, удаленного рынка труда, новых категорий работников, самозанятости и т.д.); экономическую составляющую страны; развитие иных отраслей права.

Литература

1. Бурова Н.А. Профсоюз текстильщиков и охрана труда рабочих в годы Нэпа (на материалах Иваново-Вознесенска) // Государство, общество, церковь в истории России XX века: XIII международная научная конференция. Иваново, 2014. С. 385-389.
2. О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1922 г. (вместе с «Кодексом Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 09.11.1922. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 01.06.1922 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 22.11.1926. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О специальной оценке условий труда» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.12.2013 № 421-ФЗ (ред. от 01.04.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Собрание узаконений и распоряжений правительства от 16.04.1903 № 88. Уголовное уложение от 22.03.1903.

7. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. № 905. С. 1229-1248. Кодекс законов о труде. URL: <http://istmat.info/node/31919> (дата обращения: 30.06.2021).

8. Таганцев Н.С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: с дополнениями по 1 января 1879 г.: с прил. мотивов и извлечений из решений Уголовного кассационного департамента Сената. URL: <https://www.prlib.ru/item/459972> (дата обращения: 30.06.2021).

9. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/17827#mode/inspect/page/282/zoom/4> (дата обращения: 30.06.2021).

11. URL: <https://www.prlib.ru/item/709081> (дата обращения: 30.06.2021).

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ

А.В. Козун,

кандидат юридических наук, доцент

Омская академия МВД России;

А.И. Щеглов

Барнаульский юридический институт МВД России

Предупреждение преступлений является одним из основных направлений деятельности полиции [7]. Среди многочисленных служб и подразделений полиции следует выделить участковых уполномоченных полиции (далее – УУП), на которых персонально возложено решение задачи по принятию мер, направленных на предупреждение и пресечение преступлений [6].

По мнению большинства криминологов, предупреждение преступности более эффективно и целесообразно по сравнению с другими методами борьбы с ней, поскольку позволяет избежать вреда, причиненного преступлением. В этой связи справедливым является утверждение В.А. Анфиногенова, что «профилактическая деятельность немыслима без прогноза, поскольку предупредить можно лишь такое явление, о котором знаем, что оно может наступить, но ещё не наступило» [2, с. 3]. Сущность дан-

ного высказывания сводится к необходимости своевременного криминологического прогнозирования. Во многом данная задача возлагается на УУП.

Среди мер превентивного воздействия на преступность криминологическое прогнозирование является значимым компонентом общего комплекса мер по профилактике преступлений и направлено на обеспечение сотрудников полиции необходимой информацией для эффективного противодействия преступности [1, с. 156]. Кроме того, оно является важным этапом в предупреждении преступлений, т.к. только на основе прогноза можно решать вопросы принятия долгосрочных и заблаговременных решений относительно воздействия на преступность.

Для достижения положительных результатов в реализации задачи по принятию мер, направленных на предупреждение преступ-

лений, возникает необходимость в принятии соответствующих управленческих решений по организации работы УУП, требуется проведение на постоянной основе качественного криминологического прогнозирования.

По мнению Н.М. Артемьева и В.А. Понкратова, криминологическое прогнозирование не только дает информацию о будущем состоянии рецидивной преступности, но и вооружает практических работников правоохранительных органов сведениями о выборе целесообразных средств и методов ее предупреждения [3, с. 18].

В качестве основных источников подобной информации могут быть: текущий и комплексный анализ оперативной обстановки на обслуживаемой территории, который разрабатывается сотрудниками штабных подразделений. При этом необходимо упомянуть недостатки, согласно материалам инспекторских проверок МВД России [4]. Так, данные документы «не содержат актуальные проблемы, прогноз развития криминогенной ситуации и предложения по устранению имеющихся недостатков; анализ проводится по шаблонам, не учитывающим специфику подразделений; представленные штабными подразделениями прогнозы не отражают реального положения дел, и их использование в реальной служебной деятельности не представляется возможным; направляемые в инстанции анализы оперативной обстановки и результатов оперативно-служебной деятельности не содержат конкретных предложений по разрешению проблемных вопросов на соответствующем уровне» [10, с. 5].

В целях представления фактического состояния преступности мы обратились к официальным данным статистики ГИАЦ МВД России¹. Так, за первое полугодие 2021 г. больше половины (59,3%) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое третье (28,3%) – в состоянии алкогольного опьянения [9, с. 6]. Представленные данные косвенно демонстрируют недостаточную эффективность принимаемых мер, направленных на предупреждение преступлений.

¹ ГИАЦ МВД России – ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России.

При проведении настоящего исследования нас интересовали возможные проблемы столь высокого процентного показателя совершения повторных преступлений и преступлений, совершенных лицами в состоянии алкогольного опьянения. Весьма полезным для нас оказались результаты проведенного опроса начальников (заместителей) подразделения УУП и по делам несовершеннолетних (по месту проведения исследования г. Барнаул, Алтайский край). В результате обобщения был получен следующий результат. Из 18 респондентов лишь 6 сотрудников (30%) обращались к размещенным на внутреннем информационном ресурсе МВД России материалам комплексного и текущего анализа по определенному территориальному субъекту Российской Федерации. При этом отраженную информацию лишь приняли к сведению.

Здесь также уместно обратить внимание на то, что 16 респондентов (89% опрошенных) отметили целесообразность качественного (мотивированного) анализа, на основе которого можно было бы провести криминологическое прогнозирование поведения граждан адресно по отдельным районам и административным участкам. Это, по нашему мнению, позволит более качественно использовать заложенный потенциал ведомственного приказа МВД России № 205 [6] в следующих направлениях:

- во-первых, определить разумные размеры и границы административного участка исходя из его особенностей (п. 3);
- во-вторых, ввести при необходимости должности помощников УУП (п. 7);
- в-третьих, установить эффективный режим служебного времени УУП с учетом складывающейся оперативной обстановки на обслуживаемых административных участках и специфики выполнения поставленных задач (п. 15);
- в-четвертых, на основе криминологического прогноза можно принимать заблаговременно необходимые управленческие решения относительно воздействия на преступность.

Однако в действительности обозначенные нами сегменты остаются без должного

внимания в правоприменительной деятельности. В связи с этим в качестве наиболее важных проблем, на наш взгляд, в реализации криминологического прогнозирования при осуществлении деятельности УУП выступают:

- отсутствие специалистов соответствующего профиля, профессионалов-криминологов, которыми в большинстве своем ГУ МВД России по субъектам не располагает;

- отсутствие сопоставимых и единообразных форм статистической отчетности;

- недостаточное дифференцирование статистических данных по отдельным категориям граждан (например, лиц, состоящих на профилактическом учете);

- отсутствие доступа у лиц, разрабатывающих текущий и комплексный анализ оперативной обстановки на обслуживаемой территории, к данным статистики первичного учета о преступности;

- дефекты реквизита 55 статистической карточки формы № 2 (на лицо, совершившее преступление) [5] и формы отчетности 578 «Профилактика» [11, с. 41; 8].

В заключение следует отметить, что система управления и организации деятельности УУП может быть эффективной лишь при условии наличия постоянного и глубокого научного анализа всех ее звеньев, всех составляющих, характеризующих организационные, правовые, управленческие, тактические и иные аспекты.

Использование базовых криминологических знаний в области прогноза преступности, безусловно, поможет сконцентрировать деятельность УУП на предупреждении преступности и качественной ее профилактике.

Своевременная имплементация данного направления деятельности в полицейскую систему работы в безопасном порядке поможет сократить фактическую загруженность участкового уполномоченного полиции и повысить показатели раскрываемости преступлений и административных правонарушений.

Знание криминологии обращает нас к истокам преступности. Владение ими дает органический инструментальный борьбы с данным явлением в обществе.

Литература

1. Андреева И.А. Роль криминологического прогнозирования в борьбе с преступностью // VII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: материалы междунар. науч.-практ. конф. Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2019. С. 156-157.

2. Анфиногенов В.А. Криминологическое прогнозирование и его роль в профилактике преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskoe-prognozirovanie-i-ego-rol-v-profilaktike-prestupleniy> (дата обращения: 20.06.2021).

3. Артемьев Н.С., Понкратов В.А. Анализ и криминологическое прогнозирование – научная основа планирования мер по предупреждению рецидивной (пенитенциарной) преступности // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): сборник тезисов выступлений и докладов участников: в 8 т. 2017. С. 16-20.

4. Материалы инспекторских проверок состояния управленческой деятельности за 2017-2019 гг. МВД по Республике Крым, ГУ МВД России по Краснодарскому краю, ГУ МВД России по Новосибирской области, УМВД России по Тамбовской области; Обзор системных недостатков в управленческой деятельности и организации штабной работы, выявленных в ходе инспектирования, контрольных и целевых проверок МВД России.

5. О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ

МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

7. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении формы статистической отчетности «Профилактика» [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 19 февраля 2015 г. № 269. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Состояние преступности в России за январь – июнь 2021 года: Сборник МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», г. Москва, 2021. 67 с.

10. Ульянов А.Д., Захватов И.Ю., Болдырев У.К. Оперативная обстановка: понятие, анализ, прогноз: учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2020. 104 с.

11. Щеглов А.И. Проблемы прогнозирования индивидуального преступного поведения лиц, состоящих на профилактическом учёте // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. № 19-2. С. 40-42.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО В КОММЕРЧЕСКОМ ПОДКУПЕ, НЕ ДОСТИГШЕМ ЗНАЧИТЕЛЬНОГО РАЗМЕРА

А.В. Курсаев,

кандидат юридических наук

Договорно-правовой департамент МВД России

Статьей 204¹ УК РФ, введенной в УК РФ в 2016 г., предусмотрена уголовная ответственность за посредничество в коммерческом подкупе. Согласно данным судебной статистики, за период действия ст. 204¹ УК РФ было осуждено: в 2016 г. – 3 человека, в 2017 г. – 23 человека, в 2018 г. – 13 человек, в 2019 г. – 13, в 2020 г. – 6 человек.

Количество посредников в коммерческом подкупе от общего числа лиц, осужденных за коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), в процентном отношении составляет: в 2016 г. – 1,04%, в 2017 г. – 8,88%, в 2018 г. – 6,22%, в 2019 г. – 7,97%, в 2020 г. – 4,00%.

Статья 204¹ вместе с ч. 5 ст. 184, устанавливающей ответственность за посредничество в оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, и ст. 291¹ УК РФ (посред-

ничество во взяточничестве) направлена на криминализацию посредничества в коррупционных преступлениях путем выделения специальных составов из общих. Несмотря на увлеченность законодателя данным юридическим приемом в составах коррупционных преступлений, его практическая значимость минимальна, т.к. ранее деяние, предусмотренное ст. 204¹ УК РФ, квалифицировалось как соучастие в коммерческом подкупе. Посредничество в коммерческом подкупе в таком понимании представляет собой выделенное в самостоятельный состав преступления соучастие в коммерческом подкупе в роли организатора, подстрекателя или пособника.

Статья 204 УК РФ, устанавливающая ответственность за коммерческий подкуп, не ограничивает величину предмета коммерческого подкупа каким-либо минимальным размером. Такой размер (значитель-

ный, крупный или особо крупный) учитывается только в качестве квалифицирующего признака данного состава преступления.

В то же время исходя из диспозиции ст. 204¹ УК РФ посредничество в коммерческом подкупе может иметь место только в случае, если размер предмета коммерческого подкупа (незаконного вознаграждения) является значительным (т.е. более 25 тыс. руб.), крупным (более 150 тыс. руб.) или особо крупным (более 1 млн руб.). Соответственно, возникает вопрос о квалификации посредничества в коммерческом подкупе на сумму менее 25 тыс. руб. Теоретически возможны два варианта подобной квалификации.

Согласно первому варианту посредничество в коммерческом подкупе является частным случаем соучастия в нем (как правило, в форме пособничества), и в случае, если оно не достигло значительного размера, содеянное следует квалифицировать по ч. 1, 3, 5 или 7 ст. 204 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ с учетом той роли, которую выполняет виновный. Предлагаемый алгоритм квалификации разделяет, например, профессор Н.Г. Иванов, который обосновывает его тем суждением, что недопущение пределов значительного размера коммерческого подкупа не может исключать соучастия в нем [1, с. 46].

Аналогичного мнения придерживается и И.А. Клепицкий, который также считает данный вариант более предпочтительным исходя из буквы закона (ч. 4 ст. 34 УК РФ) и здравого смысла [2, с. 872].

Второй вариант исключает квалификацию как преступление посредничества в коммерческом подкупе, если размер подкупа составляет менее 25 тыс. руб. Соответственно, уголовная ответственность за соучастие в коммерческом подкупе, не достигшем значительного размера, в роли организатора, подстрекателя или пособника не наступает ввиду декриминализации этого деяния [6, с. 25].

Данное мнение, несмотря на его кажущуюся абсурдность, полностью соответствует юридической технике построения уголовного закона и разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации по его применению.

И действительно, если уж законодатель в ст. 204¹ УК РФ предусмотрел самостоя-

тельный состав преступления, устанавливающий ответственность за посредничество в коммерческом подкупе и таким образом закрепил в Особенной части соучастие особого рода, все случаи такого соучастия должны квалифицироваться именно по данной статье.

По такому пути пошла и судебная практика. Первоначально Верховный Суд Российской Федерации еще в 2016 г. в ответе на вопрос 2.4 разъяснил, что уголовная ответственность установлена за посредничество в коммерческом подкупе, только если сумма предмета подкупа является значительной, и при его отсутствии соответствующее лицо не может нести ответственность как за мелкий коммерческий подкуп (ст. 204² УК РФ) [3].

Затем данное разъяснение было повторено по существу в п. 13³ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. постановления Пленума от 24 декабря 2019 г. № 59) (далее – постановление Пленума № 24), исходя из которого при сумме коммерческого подкупа менее 25 тыс. руб. лицо не может нести ответственность как соучастник в коммерческом подкупе либо мелком коммерческом подкупе со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Таким образом, данный спорный вопрос на правоприменительном уровне разрешен. Однако подобный подход свидетельствует о низком качестве законодательства, т.к. создает ситуацию, при которой уголовную ответственность за коммерческий подкуп на сумму менее 25 тыс. руб. несет только непосредственный исполнитель такого преступления. Лицо же, осуществляющее посреднические функции в данном преступлении, к уголовной ответственности привлекаться не будет, что существенным образом умаляет принцип равенства. Фактически ст. 204¹ УК РФ стала правовым основанием для освобождения данных лиц от уголовной ответственности, при том что все иные элементы состава преступления (включая прямой умысел на совершение коррупционного преступления) имеют место.

Кроме того, следует учитывать, что Верховный Суд Российской Федерации ис-

ходит из широкого понимания посредничества в коммерческом подкупе. Им признается не только непосредственная передача денег и других ценностей, но и иное способствование в достижении или реализации соглашения о получении и даче предмета коммерческого подкупа между сторонами подкупа (например, организация их встречи, ведение переговоров с ними) (п. 13² постановления Пленума № 24). Поэтому посредничество может охватывать не только функции пособника, но и функции организатора и подстрекателя. Посредничество отличается от соучастия в коммерческом подкупе: посредник, передавая предмет подкупа, действует по поручению и в интересах одной из сторон подкупа (той, кто ее передает или получает). Соответственно, иные, не связанные с непосредственной передачей предмета подкупа формы способствования даче или получению предмета подкупа квалифицируются по ст. 204 и 204² УК РФ.

В то же время возможна ситуация, когда действия виновного не связаны со способствованием в достижении и реализации соглашения о предмете коммерческого подкупа, а характеризуются явно организационными функциями. Такая квалификация допускается ст. 204 УК РФ, закрепившей в п. «а» ч. 3 и в п. «а» ч. 7 квалифицирующий признак в виде совершения коммерческого подкупа в составе организованной группы.

Соответственно, лицо, являющееся организатором коммерческого подкупа на сумму менее 25 тыс. руб., будет нести ответственность по ст. 204 УК РФ, а лицо, функции которого заключались в посредничестве в коммерческом подкупе, будет освобождено от уголовной ответственности в силу непротивности данного деяния. Между тем соучастие в любом преступлении характеризуется в первую очередь наличием общности объективных (количественного – множественности участников и качественного – совместности их деятельности) и субъективных (совместность умысла и направленность именно на совершение умышленного преступления) признаков, а не размером предмета преступления.

Посредник является связующим звеном между его участниками, которые и договариваются о самом факте коммерческого

подкупа, и сам не всегда знает об истинном размере предмета подкупа. Поэтому факт наказуемости посредничества в коммерческом подкупе не может определяться размером предмета подкупа, зависеть от того, превышает он или нет сумму в 25 тыс. руб.

Наше суждение в ошибочности ограничения посредничества в коммерческом подкупе в зависимости от суммы подкрепляется и возможными проблемами в квалификации обещания или предложения посредничества в коммерческом подкупе (ч. 4 ст. 204¹ УК РФ). Особенностью названного деяния является то, что в отношении него не установлен минимальный размер предмета подкупа. Соответственно, обещание или предложение посредничества в коммерческом подкупе на сумму менее 25 тыс. руб. является наказуемым и влечет уголовную ответственность. Данное преступление является не чем иным, как предусмотренным законодателем частным случаем приготовления к посредничеству в коммерческом подкупе, чем и объясняется помещение данного состава в ст. 204¹ УК РФ. Рассматриваемое деяние, исходя из анализа санкций, наказывается строже основного состава коммерческого подкупа, однако мягче его квалифицированных составов.

Теоретически возможна ситуация так называемого перерастания данного преступления в виде обещания или предложения посредничества в коммерческом подкупе на сумму менее 25 тыс. руб. собственно в состоявшийся акт посредничества в коммерческом подкупе на такую сумму. Однако перерастание преступления в теории уголовного права характеризуется тем, что задуманное виновным деяние в процессе его совершения приобретает признаки преступления, юридически отличного от того, которое планировалось совершить [5, с. 888]. Содеянное квалифицируется как одно преступление, а не как их совокупность. В рассматриваемом же случае происходит перерастание преступления в непреступное деяние.

Обещание или предложение посредничества в коммерческом подкупе исходя из санкции может влечь наиболее суровое наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет и исходя из закрепленного в

ст. 15 УК РФ деления преступлений на категории является преступлением средней тяжести.

Если посредник выполняет объективную сторону преступления и присутствует свершившийся факт посредничества в коммерческом подкупе на сумму менее 25 тыс. руб., деяние становится не наказуемым. Если же деяние связано с обещанием или посредничеством в коммерческом подкупе в значительном размере, его завершение влечет более мягкое наказание (максимальное наказание по ч. 1 ст. 204¹ УК РФ – лишение свободы до двух лет, что позволяет отнести деяние к преступлениям небольшой тяжести).

Фактически такая законодательная конструкция посредничества в коммерческом подкупе с учетом обещания или предложения посредничества как форм данного деяния в определенном смысле стимулирует «добросовестное» исполнение обещания по посредничеству в коммерческом подкупе, способствует перерастанию приготовления в окончательное преступление. Дополнительной сложности названной проблеме придает и то, что ложное обещание в посредничестве в коммерческом подкупе исходя из разъяснений, данных в п. 13⁵ постановления Пленума № 24, образует не приготовление к посредничеству в коммерческом подкупе (ненаказуемое), а состав мошенничества.

В данном случае следует констатировать невнимательность законодателя по приведению национального законодательства в соответствие с ратифицированным Российской Федерацией международным договором.

В частности, ст. 7 и 8 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27 января 1999 г. и ратифицирована федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ) предписывают устанавливать уголовную ответственность за предложение или обещание подкупа в частной сфере, а не за посредничество в нем.

Таким образом, введение отдельного состава за посредничество в коммерческом подкупе привело не к усилению, а, наоборот, к ослаблению борьбы с коррупционными преступлениями. В связи с этим представляется, что наступление уголовной ответственности за посредничество в коммерческом подкупе только в случае значительного, крупного и особо крупного размера подкупа должно быть исключено. Аналогичное замечание относится и к составу посредничества во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ). Правильность данного замечания следует и из анализа ранее действовавшей ст. 174¹ УК РСФСР 1960 г. (Посредничество во взяточничестве), которая не содержала указания на минимальный размер взятки.

Литература

1. Иванов Н.Г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 года № 59 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях"»: критические размышления ученого-криминолога // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2.
2. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право. М., 2021.
3. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ – 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года), утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 сентября 2016 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 12.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9.
5. Щепельков В.Ф. Перерастание преступления // Российский ежегодник уголовного права. 2007. № 2.
6. Яни П.С. Взятничество: споры о содержании новелл уголовного закона и позиции Верховного Суда // Законность. 2017. № 12.

ХУЛИГАНСТВО, СОВЕРШЕННОЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ К ГРАЖДАНАМ ЛИБО С УГРОЗОЙ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Е.В. Лоос

Барнаульский юридический институт МВД России

Федеральным законом от 30.12.2020 № 543-ФЗ в ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Хулиганство» внесен целый ряд существенных изменений. Одним из них стало введение нового квалифицирующего признака основного состава хулиганства – применение насилия к гражданам или угроза его применения. Полагаем, что это изменение является необходимым, поскольку любое насилие, применяемое к гражданам в процессе совершения хулиганских действий, придает правонарушению общественную опасность, которая, как известно, является специфическим признаком именно преступления. Хулиганство же, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, обладает повышенной общественной опасностью, поэтому вполне логичным стало отнесение его законодателем к квалифицированному составу этого преступления. Видится, что внесенные изменения будут способствовать эффективной борьбе с насильственным хулиганством, реализуя на практике принцип справедливости и превентивную функцию уголовного закона.

Вместе с тем (и это стало своеобразной традицией в современном уголовном законодательстве) новая норма, устраняя одни трудности, одновременно генерирует новые [1]. В частности, вводя квалифицирующий признак «насилие», законодатель не разъясняет, что именно следует под ним понимать. Не дает четких разъяснений о насилии, охватываемом ч. 1 ст. 213 УК РФ, и Пленум Верховного суда РФ. В постановлении от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» Пленум освещает этот вопрос, исходя из того, что

состав преступления, предусмотренный ст. 213 УК РФ, не предусматривал на момент выхода постановления такого признака объективной стороны преступления, как применение насилия.

Следует отметить, что ранее насильственное хулиганство уже было уголовно наказуемым в Российской Федерации. Первоначально ч. 1 ст. 213 УК РФ существовала в следующей редакции: «Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества» [2]. Как и сегодня, не разъяснялось, какое именно насилие охватывалось составом хулиганства.

В первоначальной редакции УК РФ хулиганский мотив был предусмотрен в качестве квалифицирующего признака убийства (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленного причинения тяжкого (п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ) и средней тяжести (п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ) вреда здоровью. Судебная практика шла по следующему пути. Если из хулиганских побуждений причинялись побои или легкий вред здоровью, то эти действия квалифицировались по ч. 1 ст. 213 УК РФ. Совершенные в процессе хулиганских действий убийство, причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью квалифицировались по совокупности преступлений.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ насилие было исключено из квалифицирующих признаков хулиганства, а хулиганский мотив был включен в качестве квалифицирующего признака в ст. 115 и 116 УК РФ. Таким образом, вопрос о квалификации насильственного хулиганства был снят.

В действующей редакции УК РФ хулиганский мотив предусмотрен в качестве квалифицирующего признака в статьях, устанавливающих ответственность за убийство, умышленное причинение тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью, побои. Если идти по пути ранее сложившейся судебной практики, то все эти преступления, совершенные в процессе хулиганских действий, следует квалифицировать по совокупности преступлений. Попробуем разобраться, насколько приемлемым является такой подход.

Хулиганство представляет собой грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним [3].

Преступление, предусмотренное ст. 213 УК РФ, имеет формальный состав, и окончено с момента совершения указанных в диспозиции статьи действий. Ответственность наступает за сам факт их совершения. При этом применение насилия к гражданам или угроза его применения является лишь одним из обязательных признаков уголовно наказуемого хулиганства и не предполагает наступления каких-либо последствий. Поэтому представляется логичным, что все последствия, наступившие в результате применения такого насилия, находятся за рамками данной статьи.

Убийство и причинение вреда здоровью различной степени тяжести относятся к преступлениям с материальным составом, где, напротив, моментом окончания преступления является наступление последствий в виде смерти или причинения вреда здоровью человека. Наступление таких последствий в результате применения насилия при хулиганстве однозначно требует, на наш взгляд, дополнительной квалификации.

Несколько иначе обстоит дело с нанесением в процессе осуществления хулиганских действий побоев. В отличие от убийства и причинения вреда здоровью различной степени тяжести, в которых хулиган-

ский мотив выступает признаком квалифицированных составов,отягчающим ответственность за данные преступления, в побоях он является признаком основного состава преступления, отграничивая административно наказуемое деяние от преступления. Побои являются преступлением с формальным составом, где, так же как и в хулиганстве, не требуется наступления общественно опасных последствий.

Объективная сторона преступления заключается в альтернативных действиях – побоях, т.е. в нанесении ударов потерпевшему или в иных насильственных действиях, причинивших тому физическую боль (щипание, сечение, выкручивание рук, термическое воздействие, нанесение повреждений тупыми и острыми предметами, использование для укусов животных и насекомых и т.п.) [4]. Все эти действия можно объединить понятием «применение насилия». Таким образом, при совершении насильственного хулиганства побои или иные насильственные действия выступают содержанием понятия «насилие». Изложенное позволяет, на наш взгляд, прийти к заключению, что нанесение побоев полностью охватывается составом хулиганства и не требует дополнительной квалификации.

При конструировании нормы о хулиганстве законодатель не разграничил насилие, опасное для жизни и здоровья, и не являющееся таковым. Если при совершении хулиганских действий будет установлен умысел на убийство или умышленное причинение вреда здоровью, то это дает основание для квалификации содеянного как совокупности преступлений. Если же умысел является неопределенным, что чаще всего и бывает при совершении хулиганских действий, то по общему правилу ответственность наступает в зависимости от фактически наступивших последствий.

Поскольку характер применяемого насилия в ст. 213 УК РФ не определен, полагаем, что и угроза применения насилия охватывает все его виды, включая угрозу убийством.

Обобщив изложенное, подведем итог. При совершении хулиганства с применением насилия к гражданам или угрозой его

применения побои и иные насильственные действия, не повлекшие причинения вреда здоровью, а также угроза применения любого насилия, включая угрозу убийством, полностью охватываются п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации.

Убийство и умышленное причинение вреда здоровью потерпевшего, совершенные в процессе хулиганских действий,

необходимо квалифицировать по совокупности п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ и соответствующего преступления против жизни или здоровья. Аналогичным образом, со ссылкой на ст. 30 УК РФ следует квалифицировать содеянное при установлении умысла на убийство или причинение вреда здоровью, если преступный результат не наступил по не зависящим от преступника обстоятельствам.

Литература

1. Лоос Е.В. Об актуальности и качестве изменений, вносимых в Уголовный кодекс Российской Федерации (на примере статьи 200.7 УК РФ) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. Ч. 2. С. 22-24.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева и Ю.И. Скуратова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство НОРМА, 2002. 960 с.

3. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений [Электронный ресурс]: постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2017. 1184 с.

УПРАВЛЕНИЕ СИЛАМИ И СРЕДСТВАМИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ХОДЕ ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЙ

А.С. Майдоров

Академия управления МВД России

Проблема преступности во все времена была и остаётся актуальной, является предметом глубокого изучения лучших мыслителей человечества, т.к. теоретическое объяснение сущности преступности как социального явления и познание ее причин дают возможность выработать меры предупреждения. Вместе с тем представляется, что предупреждение и пресечение массовых беспорядков должно осуществляться с уче-

том особенностей территории населенного пункта [4, с. 27].

Сегодня низка эффективность предупреждения массовых беспорядков, поскольку большинство профилактических мер проводится правоохранительными органами по факту уже совершённых противоправных деяний. Однако Стратегия национальной безопасности Российской Федерации указывает в качестве одного из

направлений решения поставленных задач совершенствование правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, общественную безопасность и конституционный строй РФ [1, с. 26-28].

Общественно-политическая ситуация в Алтайском крае, как и г. Барнауле, в 2020 г. оставалась стабильной и не оказывала существенного влияния на криминогенную обстановку. На территории края проведено 1663 (-77,5%) массовых мероприятий, из которых: 272 носило публичный характер (-63,1%); 521 – спортивный характер (2019 г. – 521); 1142 культурно-зрелищных и религиозных мероприятий (-73,0%).

В указанных мероприятиях приняло участие более 658 тыс. граждан (-71,1%), для обеспечения общественного порядка были задействованы 7542 сотрудника полиции; а также 3702 человека из числа добровольных народных дружин, Росгвардии и частных охранных структур.

Однако следует отметить, что существенно увеличилась протестная активность населения региона, в т.ч. по политическим мотивам. В числе публичных мероприятий: а) 184 (+85,9%) носило протестный характер: 2 собрания, 6 митингов, 172 пикетирования; б) 136 (+180%) – с выдвижением политических требований; в) 48 (-69,8%) – социально-экономических требований с участием 1252 человек.

Как известно, максимальное использование сил и средств полиции особенно важно на первоначальном этапе работы, поскольку из всех раскрытых массовых беспорядков (в среднем 40%) подозреваемые задерживались в течение первого часа. Поэтому большую роль в организации работы по пресечению и предупреждению такого рода преступлений играет оперативная готовность сил и средств территориальных органов полиции. Она, в свою очередь, определяется следующими факторами:

1. Своевременность сообщения о совершенном преступлении. Статистика показывает, что подавляющее большинство (87%) сообщений о преступлениях в общественных местах поступает в ОВД через час и более с момента их совершения.

2. Обеспечение эффективного взаимодействия между различными подразделениями ОВД.

Деятельность органов внутренних дел по предупреждению массовых беспорядков, возникающих в ходе протестных акций, дает возможность сформулировать необходимость проведения ряда организационных мероприятий в этом направлении. В первую очередь, требуется создание новой системы предупреждения таких деяний, которая предполагает разработку и принятие комплексных целевых программ по борьбе с массовыми противоправными выступлениями граждан. Кроме того, для более эффективного предупреждения рассматриваемых посягательств необходимо как можно более полно использовать возможности СМИ и подразделений по связи с общественностью ОВД [3, с. 77].

Проведенное исследование позволило нам разработать алгоритм действий сотрудников территориальных органов полиции по предупреждению массовых беспорядков, возникающих в ходе протестных акций, состоящий из следующих этапов:

1. Выявление лиц, совершающих (склонных к совершению) преступления и административные правонарушения. Такие лица, как правило, находятся среди: недавно освобожденных из мест лишения свободы; осужденных за совершение аналогичных преступлений, не связанных с лишением свободы; находящихся на профилактическом учете в связи со злоупотреблением спиртных напитков, потреблением наркотиков [2, с. 99-102].

2. Постановка на учет и осуществление индивидуальной профилактической работы. Здесь особое внимание заслуживает организация проведения профилактической беседы с лицами, совершившими правонарушения в ходе протестных акций. Профилактическая беседа проводится в целях разъяснения неправомерности поведения лица и возможной ответственности (в т.ч. уголовной) за допущенное нарушение. Как показывает практика, асоциальные личности наиболее часто потребляют алкоголь, что обуславливает необходимость тщательной подготовки к проведению первой ознакомительной беседы с этой категорией граж-

дан, прежде всего со стороны участкового уполномоченного полиции.

3. Завершение индивидуально-профилактической работы с лицами, склонными к совершению правонарушений. На данном этапе профилактруемый при наличии оснований, предусмотренных Приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности», снимается с профилактического учета.

Специально-криминологическое предупреждение организуется и осуществляется, прежде всего, правоохранительными органами, значительная роль при этом отводится органам внутренних дел, что объясняется широким спектром их полномочий по осуществлению оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной, административно-правовой и других видов деятельности, наличием в структуре различных служб и подразделений, включая специализирующихся на профилактике массовых беспорядков.

Что касается пресечения массовых беспорядков и подготовки протестных акций, то основную нагрузку несут патрульно-постовая служба и участковые уполномоченные полиции. Однако эффективность их работы также зависит от деятельности: государственной инспекции безопасности дорожного движения; подразделений по исполнению административного законодательства; дознания; следствия; уголовного розыска; органов внутренних дел на транспорте; подразделений информации и общественных связей; лицензионно-разрешительных подразделений и вневедомственной охраны Росгвардии. Организация взаимодействия всех вышеуказанных органов (как мы указывали ранее) будет

способствовать успешной профилактике готовящихся беспорядков и несанкционированных выступлений граждан.

Таким образом, управление силами и средствами территориальных органов полиции по предупреждению и пресечению массовых беспорядков, возникающих в ходе протестных акций, должно сводиться к следующим основным мероприятиям:

- анализ незаконной протестной активности граждан в городах по месту и времени ее осуществления, расстановка сил и средств уличных нарядов полиции с учетом подготовки противоправных деяний;

- проведение уличных патрулей, рейдов и операций, позволяющих сконцентрировать усилия на предупреждении и пресечении преступлений в наиболее криминальных точках;

- правовое воспитание граждан (в т.ч. с использованием СМИ и пресс-службы ОВД) с разъяснением ответственности за противоправное поведение на массовых мероприятиях;

- взаимодействие с общественными формированиями, привлечение их к охране общественного порядка, привлечение к профилактической деятельности авторитетных и известных лиц;

- привлечение к охране общественного порядка и общественной безопасности народных дружинников, внештатных сотрудников, казачества и других представителей общественных организаций во взаимодействии с подвижными постами полиции;

- распространение среди граждан, прибывающих на место проведения массовых мероприятий, листовок и памяток с административно-правовыми и уголовно-правовыми последствиями участия в незаконных протестных акциях и массовых беспорядках.

Литература

1. Ботвин И.В. Борьба с экстремизмом: обоснованная необходимость или современный тренд // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 1(36). С. 26-28.

2. Ботвин И.В., Репьева А.М. Некоторые проблемы социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. Вып. 3. С. 99-102.

3. Комплексный анализ криминальной ситуации в регионе: теория, методология, практика: монография / под общ. ред. Р.М. Абызова. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. 299 с.

4. Криминология: Общая и Особенная части: курс лекций / под общ. ред. Р.М. Абызова. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. 262 с.

СОСТОЯНИЕ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

М.А. Малетина

Барнаульский юридический институт МВД России

Преступность характеризует состояние современного общества и значительным образом влияет на качество жизни. Именно поэтому исследование криминологической характеристики данного негативного социального явления, по справедливому замечанию некоторых ученых, способствует выявлению его детерминант и выстраиванию на этой основе эффективной системы профилактики, предупреждения и противодействия [1, с. 99].

Женская преступность как составной элемент преступности в целом выделяется в ее структуре субъектом преступной деятельности, обладающим определенными психофизиологическими особенностями. Исследование женской преступности с криминологических позиций всегда является актуальным, поскольку именно эта ее составная часть есть индикатор отношения к базовым человеческим ценностям и нравственному здоровью общества.

Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ в 2020 г. выявлено 852 506 лиц, совершивших преступления. Из них женщинами совершено 136 318 преступлений, что составляет 16% [4]. В соответствии с отчетом о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ № 11.1 Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в прошедшем году было осуждено 530 998 человек, из них – 73 325 женщин, что составляет 13,8% [3].

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ за последние 5 лет свидетельствует о том, что женщины совершают преступления значительно реже, чем мужчины. Оставаясь в 5-7 раз ниже уровня преступности мужчин, абсолютный показатель количества лиц женского пола, нарушивших уголовно-правовые запреты, имеет тенденцию к снижению (в 2016 г. из 741 329 осужденных 98 623 были женщинами, в 2017 г. – 94 157 из 697 054, в 2018 г. – 90 951 из 658 291, в 2019 г. – 83 703 из 598 214 осужденных).

Изменение количества осужденных женщин в определенный временной промежуток является одним из главных показателей, характеризующих женскую преступность в стране. Однако не менее важное значение имеет исследование качественных показателей женской преступности, определяемых наиболее присущими женщинам видами преступлений.

Анализ статистических данных о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 2020 г. свидетельствует о том, что для женской преступности наиболее характерны корыстные преступления, связанные преимущественно с профессиональной деятельностью. Так, в прошедшем году 40,5% хищений, совершенных посредством присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением (ст. 160 УК РФ), совершены женщинами.

В сфере корыстных преступлений женщинам-преступницам свойственны различные виды мошенничества: из числа осужденных женщинами совершено 40% мошенничеств в сфере кредитования; 57% мошенничеств при получении выплат; 23,3% мошенничеств с использованием платежных карт; 8,5% мошенничеств в сфере страхования.

Кроме того, с корыстной мотивацией женщины совершают преступления в сфере экономической деятельности: 42,8% составляют незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171² УК РФ); 30,2% – незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173² УК РФ). «Беловоротничковая» женская преступность обусловлена физиологическими особенностями женского организма – отсутствием достаточной физической силы, требующейся для подавления сопротивления жертвы при совершении насильственных преступлений.

Вместе с тем удельный вес насильственных и корыстно-насильственных преступлений, совершаемых женщинами, также является достаточно высоким: согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2020 г. по ст. 105 УК РФ (Убийство) осуждено 674 женщины, что составляет 13,5% осужденных по данному составу преступления; 17 женщин – по ст. 107 УК РФ (Убийство, совершенное в состоянии аффекта) – 44,8%; 90 женщин – по ч. 1 ст. 108 УК РФ (Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны) – 39,6%; 3 107 женщин – по ст. 111 УК РФ (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) – 19,1%; 348 женщин – по ст. 112 УК РФ (Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью) – 4,4%; 123 женщины – по ст. 117 УК РФ (Истязание) – 9,5%; 1 376 женщин – по ст. 161 УК РФ (Грабеж) – 6,7%; 164 женщины – по ст. 162 УК РФ (Разбой) – 3,2%.

При этом следует отметить, что криминальная активность женщин находит свое выражение в совершении групповых преступлений. В среднем ученые отмечают ежегодный рост удельного веса женщин,

осуществляющих преступную деятельность в составе организованной группы [5, с. 28].

Параллельно с групповой преступностью возрастает количество женских рецидивов. Неоднократно судимые женщины утрачивают социально значимые связи и жизненные перспективы, ввиду чего начинают злоупотреблять алкоголем. Усиление криминальной активности женщин, ранее совершавших преступления, свидетельствует о том, что цель понесенного наказания, заключающаяся в предупреждении совершения новых преступлений, не была достигнута.

Анализируя современное состояние женской преступности, следует особо обратить внимание на группу преступлений, совершаемых преимущественно женщинами. Не затрагивая убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), являющегося исключительно женским преступлением, следует выделить количественный рост осужденных лиц женского пола за оставление в опасности (ст. 125 УК РФ). В 2020 г. по данному составу преступлений было осуждено 87 человек, 66 из которых – женщины (75,7%). Также преимущественно женским преступлением, согласно статистическим данным, является организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) – удельный вес осужденных женщин составляет 67,8%. Такие виды преступлений, как клевета (ст. 128¹ УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (151¹ УК РФ), заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ), носят преимущественно женский характер, их удельный вес составляет 42,9%, 17,7%, 37%, 86%, 40,4% соответственно [3].

Потерпевшими от преступлений, совершаемых женщинами, являются, как правило, лица, не имеющие достаточной физической или моральной силы для оказания противодействия, – несовершеннолетние и престарелые люди.

Кроме того, специалисты отмечают, что на состояние женской преступности влияет употребление женщинами алкоголя

и наркотических средств. Согласно исследованиям, около 30-40% совершенных женщинами преступлений происходит в состоянии алкогольного или наркотического опьянения [1, с. 103]. Тем не менее в 2020 г. не наблюдается широкого вовлечения женщин в совершение преступлений, сопряженных с незаконным оборотом наркотических средств. Так, 3 754 женщины, осужденные в 2020 г. по ст. 228 УК РФ, и 2 339 женщин, осужденных по ст. 228¹ УК РФ, составляют всего 7% и 16,7% соответственно от общего числа осужденных по данным статьям.

Исходя из специфики условий, определяющих женскую преступность, пик активности женской противоправной деятельности, согласно данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ, приходится на возраст 30-49 лет (53,7%). 15,6% преступлений совершено женщинами в возрасте 25-29 лет, 15,4% – в возрасте 18-24 лет. 39,4% преступлений совершаются женщинами, имеющими начальное и ос-

новное общее образование, 29,7% – высшее профессиональное, 25,5% – среднее профессиональное образование. 62% женщин, совершающих уголовно наказуемые деяния, являются лицами без постоянного источника доходов, 19,8% – служащими, 15,5% – наемными рабочими [2].

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что в настоящее время в России наблюдается некоторое снижение абсолютного показателя уровня женской преступности. Вместе с тем качественная составляющая женской преступности характеризуется следующими основными тенденциями:

- преобладание «беловоротничковой» преступности над насильственными и корыстно-насильственными преступлениями;
- высокий удельный вес групповой преступности;
- возрастание количества рецидивов;
- усиление алкогольной и наркотической зависимости;
- снижение возрастного порога вступления на преступный путь.

Литература

1. Молев Г.И., Анисимова М.С. Состояние и тенденции женской преступности в России на современном этапе // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2020. Т. 8. № 4(32). С. 99-107.
2. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 12.06.2021).
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 07.06.2020).
4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 07.06.2021).
5. Степанян Ш.У. Современная женская преступность в России и пути ее предупреждения // Российский следователь. 2012. № 8. С. 27-33.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ, ОПАСНОГО ДЛЯ ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЯ, В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ ИЛИ ЕГО БЛИЗКИХ В СВЯЗИ С ИСПОЛНЕНИЕМ ИМ СВОИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Д.А. Маракулин

Барнаульский юридический институт МВД России

Проблеме уголовной ответственности за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей в юридической литературе уделяется особое внимание, т.к. в результате рассматриваемого противоправного деяния причиняется вред или создается реальная угроза причинения такого вреда не только жизни и здоровью конкретного человека (дополнительный непосредственный объект), но, в первую очередь, преступление направлено на нормальное функционирование органов государственной власти и местного самоуправления в лице представителей власти (основной непосредственный объект) [1, 2].

Рассматривая объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 318 УК РФ, стоит обратить внимание на то, что общественно опасное деяние характеризуется только активными действиями – «применение насилия». При этом угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья, не подкреплённая конкретными действиями, направленными на причинение вреда, будет охватываться ч. 1 данной статьи.

Моментом окончания данного квалифицированного состава ст. 318 УК РФ считается совершение в отношении представителя власти или его близких хотя бы одного насильственного действия, которое причинило или создало реальную угрозу причинения от лёгкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, до тяжкого вреда здоровью включительно.

На наш взгляд, необоснованно законодатель оставил без внимания возможность включения в рассматриваемый состав преступления особо квалифицированных видов.

Так, остается открытым вопрос об уголовной ответственности за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких, которое совершается в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группы. В своем диссертационном исследовании Р.Т. Гамидов особо обращал внимание на необходимость введения в ст. 318 УК РФ рассматриваемого признака и обосновывал повышенную общественную опасность применения такого насилия в составе группового нападения. Однако при этом автор оставил без внимания вопрос о размере наказания за данное деяние [1, с. 9-10].

В связи с этим обратимся к п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, который за групповое умышленное причинение тяжкого вреда здоровью предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до двенадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет. При этом за аналогичное деяние в отношении представителя власти или его близких в ч. 2 ст. 318 УК РФ предусмотрено лишь лишение свободы на срок до десяти лет. Считаем такое положение ст. 318 УК РФ необоснованным и требующим ее дополнения соответствующим квалифицирующим признаком.

Также полагаем необходимым увеличить (по степени общественной опасности) уголовную ответственность за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его

близких, совершенного с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Проведенное нами исследование материалов 100 уголовных дел по ч. 2 ст. 318 УК РФ показало, что более чем в 40% случаев вред потерпевшему причиняется с использованием оружия или иных предметов. При этом отметим, что законодатель уже давно ввел данный квалифицирующий признак во все основные умышленные преступления против здоровья человека главы 16 УК РФ (п. «з» ч. 2 ст. 111, п. «з» ч. 2 ст. 112, п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ).

Как уже было указано выше, ч. 2 ст. 318 УК РФ охватывает последствия вплоть до причинения тяжкого вреда здоровью. В случае применения насилия в отношении представителя власти или его близких, повлекшего умышленное причинение им смерти, данное деяние должно быть квалифицировано по ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа». Однако смерть может наступить и по неосторожности. В этом случае ответственность должна наступать по совокупности преступлений по ч. 2 ст. 318 УК РФ и ч. 1 ст. 109 УК РФ. С учетом правил назначения наказания по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 69 УК РФ, за применение насилия в отношении представителя власти или его близких, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, может быть назначено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 12 лет. Обратимся к ч. 4 ст. 111 УК РФ, которая за аналогичное деяние и последствие (не в отношении пред-

ставителя власти или его близких) предусматривает более строгое наказание – лишение свободы на срок до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет, тем самым определяет категорию данного преступления как особо тяжкое (напомним, что ч. 2 ст. 318 УК РФ – тяжкое преступление).

Подводя итог нашей работы, можно сделать вывод, что действующее уголовное законодательство недооценивает степень общественной опасности применения насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

Для устранения указанных выше коллизий предлагается ст. 318 УК РФ дополнить частями 3 и 4, которые изложить в следующей редакции:

«3. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи, совершенного с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, -

наказывается лишением свободы на срок до двенадцати лет.

4. Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении лиц, указанных в части первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, -

наказывается лишением свободы на срок до пятнадцати лет.»

Литература

1. Гамидов Р.Т. Применение насилия в отношении представителя власти: уголовно-правовое и криминологическое исследование (на примере Республики Дагестан): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2010.

2. Грибунов О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В.А. Маслов,

кандидат юридических наук, доцент

Уральский юридический институт МВД России

Уголовная политика как стратегия государственных органов по борьбе с преступностью видится нам одним из ключевых направлений деятельности государства, при этом в современной доктрине уголовного права существует значительное количество точек зрения относительно ее несовершенства.

Среди прочего авторами указывается на криминологическую и социальную необоснованность формирования уголовной (равно как и ее структурной части – уголовно-правовой) политики. Вместе с тем справедливо то, что М.М. Бабаев определяет базовую функцию криминологической науки как стержня уголовной политики – «выявление действительных закономерностей развития преступности» [1].

Мыслится очевидным то, что уголовная политика должна базироваться строго на объективных данных, характеризующих в полном (по крайней мере, необходимом) объеме сферу борьбы с преступностью. При этом монографические исследования последних лет позволяют нам утверждать, что система данных, характеризующих уголовно-правовую ситуацию, а также состояние уголовной политики в современный период можно представить «в виде:

- сведений о наличии (отсутствии) равновесия между нормативно закрепленным кругом общественно опасных видов поведения и объективно существующими видами такого поведения;

- сведений о наличии в уголовном законе норм, оказывающих негативное влияние на процесс поступательного развития тех или иных общественных отношений и в связи с этим требующих криминализации или декриминализации;

- данных о наличии в уголовном законодательстве нетехнологичных по своей конструкции и поэтому неработающих законодательных норм;

- данных о соответствии (несоответствии) социальным ожиданиям населения и правоприменителей видов и размеров наказаний по санкциям, установленным законодателем за конкретные виды преступных посягательств;

- сведений, отражающих отношение населения и правоохранительных органов к уголовному закону и практике его применения (речь идет об оптимизации среды функционирования правоохранительных органов и собственной позиции субъектов уголовной политики относительно уголовного закона и иных законодательных актов, направленных на борьбу с преступностью);

- сведений о соответствии (несоответствии) задачам и функциям, возлагаемым на правоприменительные органы, сложившейся по определенным направлениям практики правоприменения как реализации практической уголовной политики» [8, с. 34].

Указанный перечень стоит всячески поддержать, уточнив при этом, что в современности в целях установления указанных составляющих представляется необходимым обращение к данным (информации) из самых разнообразных источников (безусловно, оставляя приоритет показателям официальной статистики как базису). К примеру, по данным социологических исследований, насилие в подростковой среде возрастает: «каждый третий современный подросток участвовал в драках в школе; примерно четверть учащихся – в групповых драках; 15% школьников совершали противоправные действия в отношении учителей» [9, с. 129]. Данные обстоятельства дают основания ряду исследователей предположить, что их причиной являются высокий уровень «присутствия в социальных сетях образцов и примеров подобного поведения, создания виртуальных образов вседозволенности для лиц, допускающих такие действия, формирования их привлекательности

для молодежной аудитории и распространения в реальной жизни» [4, с. 70].

Говоря о качественных характеристиках преступности, стоит отметить точку зрения авторов, согласно которой среди ключевых направлений видоизменения преступности в последнее десятилетие (по итогам 2016 г.) выступают:

- глобализация (проникновение транснациональных преступных организаций и сообществ, международных экстремистских и террористических организаций);

- повышение уровня преступного профессионализма и конспирации;

- расширение присутствия преступности в виртуальном пространстве (киберпреступность);

- урбанизация и «феминизация» преступности [4, с. 68].

Видится необходимым при формировании и уголовной политики обращать самое пристальное внимание на подобные сведения, особенно с учетом того, что, как верно отмечает М.М. Бабаев, ощущение безопасности и защищенности невозможно сформировать у граждан «одними лишь традиционными сообщениями о снижении уровня преступности, по данным официальной статистики, и заклинаниями на тему преданности милиции народу и даже любви к нему» [2, с. 56].

Особое внимание в свете вышесказанного стоит уделять вопросам общественной оценки эффективности работы в сфере профилактики правонарушений и обеспечения общественной безопасности, в т.ч. постольку, поскольку общественная оценка в ряде случаев «не совпадает с ведомственными критериями этой оценки» [6, с. 57].

Справедливости ради отметим и точку зрения, согласно которой «данные учета преступлений нередко используются для назначения или снятия с постов руководителей правоохранительных подразделений, что, в свою очередь, приводит к борьбе таких руководителей не с самой преступностью, а с показателями преступности» [5, с. 106].

Проведя исследование, ученые призывают не прибегать к романтическим и фантазийным рассуждениям, считая, что факт отсутствия заявлений о ряде преступлений означает их объективное отсутствие, чему стоит, безусловно, радоваться. Авторы

утверждают, что, во-первых, в каждом случае неприменения нормы стоит разбираться отдельно, и, во-вторых, «неприменение предписаний уголовного законодательства является отражением серьезных деформаций как самого закона, так и практики его применения» [3, с. 6].

В качестве вывода отметим следующее:

Во-первых, уголовная политика как базовое стратегическое направление деятельности государства должна основываться на максимально объективных данных. Только в таком случае можно будет в дальнейшем судить о ее эффективности и не размышлять о ситуации, когда статистически борьба с преступностью успешна, а фактически существенная часть общества оценивает деятельность правоохранительных органов не слишком хорошо.

Во-вторых, ключевой проблемой формирования уголовной политики на объективных данных представляется латентность преступности, вместе с тем в разрешении данной проблемы перспективным видится использование всего доступного в настоящее время арсенала статистических и социологических методов, в частности, методов независимой оценки (опросы общественности, экспертные оценки и т.п.).

В-третьих, целесообразным мыслится периодически высказываемое учеными предложение о создании независимого аналитико-прогностического центра, что позволит «предельно объективировать регистрацию, тенденции и закономерности преступности и других правонарушений» [7, с. 23], осуществить их научный прогноз.

В-четвертых, такие видоизменения преступности последних лет, как глобализация, урбанизация, повышение преступного профессионализма, перевод преступлений в сферу информационно-телекоммуникационных технологий, требуют самого пристального внимания со стороны авторов уголовной политики. Подчеркнем, что в ближайшей перспективе требуют своего разрешения насущные вопросы борьбы с IT-преступлениями, рост которых ежегодно в десятки раз не может не настораживать, с преступлениями экстремистской и террористической направленности, а также в отношении несовершеннолетних.

Литература

1. Бабаев М.М. Криминологическая и уголовная политика // Юрист-Правоведь. 2012. № 2. С. 7-19.
2. Бабаев М.М. Уголовная политика и криминологическая безопасность. Научный портал МВД России. 2008. № 3. С. 53-58.
3. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Мертвые нормы в уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4-10.
4. Бражников Д.А., Афанасьева О.Р., Коваленко В.И., Маликов С.В. Криминальная ситуация в Российской Федерации: состояние и тенденции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3. С. 66-78.
5. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 103-107.
6. Лесников Г.Ю. Предупреждение преступности – основное направление уголовной политики // Общество и право. 2007. № 3. С. 54-60.
7. Лунеев В.В. Проблемы российского уголовно-правового законодательства (часть II) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 3. С. 18-23.
8. Мельниченко А.Б. Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 59 с.
9. Сизова И.Л., Егорова Н.Ю. Насилие в школе и проблемы семьи // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 129-130.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ОТЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ

К.Д. Николаев,

кандидат юридических наук, доцент

Омская академия МВД России

В современном быстро меняющемся мире во все сферы жизни общества проникают новые технологии. К сожалению, продолжают совершенствоваться и способы совершения ранее распространенных преступлений, а также появляются новые общественно опасные посягательства, совершение которых напрямую связано с использованием достижений научно-технического прогресса, в т.ч. активно используется сеть Интернет. В этой ситуации законодатель, а также правоохранительные и судебные органы не остаются в стороне, пытаясь противодействовать новым преступным вызовам.

Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) со-

держит ряд статей, закрепляющих в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, использование сети Интернет при совершении соответствующих преступлений. Это п. «в» ч. 3, 5 ст. 222, п. «в» ч. 3, 5 ст. 222¹, п. «в» ч. 3, 5 ст. 222², п. «б» ч. 2 ст. 228¹, п. «д» ч. 2 ст. 230, ч. 1¹ ст. 238¹, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242¹, п. «г» ч. 2 ст. 242², п. «г» ч. 2 ст. 245, ч. 1¹, ст. 258¹, ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280¹, п. «в» ч. 2 ст. 354¹ УК РФ. Так, п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ содержит следующее отягчающее обстоятельство доведения до самоубийства: «в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-

телекоммуникационных сетях (включая сеть “Интернет”)). Аналогичноеотягчающее обстоятельство закреплено в п. «д» ч. 2 ст. 110¹ УК РФ, устанавливающей ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства. Схожая формулировка («сопряженное с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”)) расположена в ч. 2 ст. 110² УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

Аналогичное по содержанию, но с несколько иной формулировкой («в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”)) отягчающее обстоятельство закреплено в ч. 2 ст. 128¹ УК РФ «Клевета», п. «в» ч. 2 ст. 151² «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего».

Часть 2 ст. 205² «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» закрепляет отягчающее обстоятельство, характеризующее совершение названных посягательств «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”» (признак «публичности» нашел свое отражение в диспозиции ч. 1 данной статьи).

Непосредственный интерес представляет ст. 258¹ УК РФ «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации», ч. 1¹ которой содержит формулировку «с использованием средств массовой информации либо электронных или информацион-

но-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”», в то время как п. «б» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ содержит отягчающее обстоятельство, характеризующее совершение данного преступления «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть “Интернет”))».

Обращает на себя внимание тот факт, что формулировки рассматриваемых отягчающих обстоятельств не унифицированы. Иногда используется разная терминология даже в тексте одной статьи. Например, как указывалось выше, ч. 1¹ ст. 258¹ УК РФ содержит формулировку «электронных или информационно-телекоммуникационных сетей», в то время как п. «б» ч. 2 ст. 258¹ УК РФ не содержит термина «электронных». Так как все «информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть “Интернет”» являются электронными, то термин «электронных» в формулировках рассматриваемых отягчающих обстоятельств является излишним.

Данная ситуация возникла вследствие того, что рассматриваемые отягчающие обстоятельства закреплялись в разных статьях не одновременно, но с сохранением общего смысла. Имеются и редакционные разночтения, а также закрепление в разных нормах не идентичных формулировок. Например, «...сетей (включая сеть “Интернет”))» (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ), «...сетей, включая сеть “Интернет”» (ч. 2 ст. 128¹ УК РФ), «...сетей, в том числе сети “Интернет”» (ч. 1¹ ст. 258¹ УК РФ). Полагаем, что идентичные по содержанию отягчающие обстоятельства должны иметь унифицированные формулировки и терминологию.

Учитывая изложенное, предлагаем на законодательном уровне рассмотреть вопрос об унификации формулировок рассматриваемых норм и изложении их в следующей редакции: «...либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”».

Кроме того, необходимо рассмотреть вопрос о включении в ч. 1 ст. 63 УК РФ следующего обстоятельства, отягчающего наказание: «совершение преступления с использованием средств массовой информации либо

информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»».

Это позволит правоприменителю (правоохранительным и судебным органам) оперативно реагировать (до внесения в нормы

Особенной части УК РФ соответствующих отягчающих обстоятельств) на общественно опасные посягательства, совершаемые с использованием сети Интернет, давать им должную уголовно-правовую оценку.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ «МОБИЛЬНЫХ» МОШЕННИЧЕСТВ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

А.А. Нуждин,

кандидат юридических наук, доцент

Академия ФСИН России

Ситуация, которая в последний год складывается в России (и в мире), привела к активизации преступных проявлений. Пандемия заставила отдельных граждан, общество и государство перевести ряд процессов в так называемый дистанционный режим работы. Все больше стали востребованы возможности сети Интернет и мобильных технологий.

Приспособиться к новым условиям пришлось абсолютно всем категориям граждан, в т.ч. и лицам, отбывающим наказания. Ограничения доставки посылок, бандеролей и передач, временный запрет свиданий с близкими, переход сотрудников отдельных территориальных органов на «вахтовый» режим службы негативно сказались на жизни осужденных в бытовом плане (дефицит продуктов питания, удаленность друзей и близких). Вполне закономерным итогом явилось увеличение количества мошенничеств, совершаемых осужденными с использованием средств сотовых систем подвижной связи. Казалось, что данный вид преступной деятельности потерял актуальность. Граждане России стали более внимательны, сотрудники правоохранительных органов и представители крупных предприятий (ПАО Сбербанк, ПАО «МТС») разработали памятки и методички «как не стать жертвой мошенничества», которые распро-

страняют через все возможные информационно-коммуникационные ресурсы. И все же «мошенническая» активность осужденных вновь стала набирать обороты.

Количество изъятых средств сотовой связи и комплектующих вызывает некоторые опасения, ежегодно их изымается огромное количество. Так, в 2019 г. в исправительных учреждениях было изъято 47 940 единиц мобильных телефонов, 17 353 сим-карт, 13 037 зарядных устройств, 1 083 внутренних карт памяти, 506 внешних карт памяти, 343 устройства для выхода в локальную сеть и Интернет, а в 2020 г. уже было изъято 56 332 телефона, 24 424 сим-карты [2]. Средства мобильной связи используются осужденными для совершения различных противоправных деяний, но наиболее типичным и максимально выгодным является организация и реализация мошеннических схем с использованием средств мобильной связи.

Необходимо отметить, что в связи с осуществлением правоохранительными органами эффективной борьбы с преступлениями мошеннического характера, в т.ч. осуществляемыми дистанционным способом, в учреждениях уголовно-исполнительной системы отмечается увеличение концентрации осужденных за данные преступления.

В последние годы набирает популярность размещение на интернет-сайтах объявлений о продаже товаров (транспортные средства, крупная бытовая техника и т.д.). Цены, указанные в объявлении, значительно ниже рыночных. Потенциальные покупатели охотно идут на контакт и готовы покупать подобные товары моментально, оставляют предоплату. Часто никакого товара нет, в последующем с покупателем никто не выходит на связь.

Существует и обратная схема мошенничества. Осужденные сами выступают в качестве покупателей, звонят продавцам и предлагают купить товар дистанционно. На онлайн-площадках продажи товаров и услуг (Avito, Юла) такая услуга существует и называется «безопасная сделка». К сожалению, не все граждане знают правила работы данной услуги.

Средства, приемы, методы и рекомендации по предупреждению [1, с. 92] преступлений с использованием средств связи активно используются в исправительных учреждениях. Наиболее логичным и наименее затратным (с точки зрения наступления общественно опасных последствий) является мера по недопущению проникновения средств связи на территорию исправительного учреждения. На практике данная мера реализуется достаточно эффективно. Так, в 2020 г. при доставке было изъято 25 898 мобильных телефонов (или 46%), при этом сотрудниками оперативных аппаратов (или по их информации) ежегодно изымается около 80% средств связи [2].

Обнаружение и изъятие средств связи, которые все же проникли на территорию исправительных учреждений, возможно с помощью проведения комплекса «режимных» мероприятий. Наиболее эффективными из них являются классические способы – досмотры и обыски. Часто данные режимные мероприятия проводятся с применением различных технических средств (детекторов нелинейных переходов).

Более глобальным и массовым способом борьбы со средствами связи является установка и использование технических средств подавления сигналов сотовой связи, точечного или широкого спектра деятельности (так называемых «глушилок») [3, с. 299]. Их применение связано с рядом трудностей: высокая цена оборудования для исправительного учреждения; проблемы использования в исправительных учреждениях, расположенных в населенных пунктах; сбой в работе «глушилок», если вблизи исправительного учреждения установлены станции мобильных операторов и т.д.

С каждым днем количество «мобильных» мошенничеств становится все больше и больше. Растет как их количество, так и разновидность. Общество и раньше не было готово к такому массовому наплыву онлайн-атак, а с учетом нервной, напряженной ситуации, связанной с распространением (а в последние месяцы очередным скачком) новой коронавирусной инфекции, защищенность населения практически отсутствует.

Меры, предложенные автором, будут способствовать снижению количества рассматриваемых преступлений.

Литература

1. Гришин Д.А. Предупреждение преступности. Разграничение используемой терминологии // Закон и право. 2020. № 7. С. 91-94.
2. Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы за 2015-2019 годы // Форма статистической отчетности ФСИН-1. Доступ из АИС «Статистика УИС».
3. Румянцев Н.В., Мальчук О.И., Нуждин А.А. Некоторые аспекты предупреждения проникновения запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 298-300.

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА НА СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А.С. Попов

Академия управления МВД России

Поддержание отношений с людьми, которые живут в различных регионах страны, получение актуальной информации или интерес относительно какого-либо увлечения, привычка просмотра ленты новостей, видеороликов и прослушивания аудиозаписей, размещенных другими пользователями, становятся у современных подростков сформировавшейся потребностью [1, с. 34-36].

2020 год в связи с пандемией коронавирусной инфекции заставил людей изменить свой привычный образ жизни, большая часть населения перешла на удаленный режим работы и обучения. Информационно-телекоммуникационная среда наполнилась новыми пользователями, которые стали проводить в ней значительное время. Также активизировалась и криминальная среда в данной области, увеличилось количество мошенничеств в сфере компьютерной информации.

Также необходимо отметить и о более серьезной проблеме электронных информационных ресурсов, случаи которой не так очевидны, но несут в себе разрушительный потенциал, влияющий в первую очередь на детей, подростков, молодых людей старшего школьного возраста и студентов. Речь идет о негативе, исходящем через средства массовой информации (СМИ), а также интернет-сайты, количество которых постоянно увеличивается. Они могут незаметно разрушать личность человека посредством воздействия на подсознание и психику, влиять на убеждения, мнения, поведение, что может привести к необратимым последствиям.

В подобных ситуациях несовершеннолетний становится жертвой суицидальных групп, «групп смерти», процесс участия в которых воспринимается чаще как игра, но по мере выполнения заданий, которых, как правило, около 50, подростки начинают плохо себя чувствовать, не высыпаются в

силу того, что задания присылаются рано утром, их состояние становится еще более депрессивным. Неокрепшая психика ребенка и отсутствие жизненного опыта усугубляют ситуацию и способствуют тому, что информация суицидального характера воспринимается им как естественная, а затем как единственно значимая.

Распространенность таких фактов была доказана разработчиками проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» при его представлении в Государственную Думу Российской Федерации. В частности, в Пояснительной записке группа депутатов указала: «По данным Следственного комитета Российской Федерации в 2016 г. (на момент принятия закона) ушли из жизни в результате самоубийств 720 детей».

Тревожная статистика дополняется значительным количеством суицидальных попыток среди несовершеннолетних, которые находятся вне официальных данных. Повышение количества самоубийств несовершеннолетних мы связываем не только с развитием средств массовой информации и их влиянием на неустойчивую психику ребенка, но и с появлением новых форм преступных действий, оказывающих скрытое влияние на сознание ребенка и мотивацию его поведения, которые ранее не охватывались действующими составами Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). На этом основании федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ установлена уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению, а также за организацию деятельности, направленной на побуждение к

совершению самоубийства (ст. 110.1 и 110.2 УК РФ).

Если обращаться к обобщенным статистическим данным, то за исследуемый нами период против несовершеннолетних было совершено всего 1143 (+2,3%) преступления, из которых 90,5% родителями или лицами, их заменяющими: а) 917 преступлений – это неуплата средств на содержание детей; б) 401 – преступления против половой неприкосновенности; в) 19 – преступления, связанные с жестоким обращением с детьми. Увеличилась доля преступлений: против личности (с 12,5% до 13,4%) и против половой свободы (с 11,8% до 16,7%); наоборот, уменьшилась доля преступлений против семьи и детей (с 52,2% до 47,3%). Весьма распространёнными являются факты жесткого обращения с несовершеннолетними, проявляющиеся: а) в систематических нанесении побоев – 50% случаев; б) в причинении значительного вреда здоровью ребенка – 10% случаев; в) в ненасильственном жестоким обращении с несовершеннолетним – 10% случаев.

От преступных посягательств взрослых в период с 2016 по 2020 гг. ежегодно признавались потерпевшими от 2000 до 3500 подростков, из которых ежегодно погибали от 50 до 80 детей. Вместе с тем статистика не отражает реальные масштабы распространённости различных форм жестокого обращения с детьми.

В современных условиях значительная часть молодёжи под влиянием современных массмедиа имеет желание и порыв изменить мир и жизнь вокруг. Именно поэтому под влияние взрослых преступников часто попадают «хорошие дети», от которых не могли ожидать противоправных поступков. Нередко такие подростки попадают в ловушки псевдоромантических историй рецидивистов, потому что зачастую видят мир иначе, чем их сверстники.

Справедливо отмечает известный криминолог и социолог Я.И. Гилянский о том, что возникновение и развитие подростковой преступности напрямую подчиняется общим закономерностям, какие-то особые, специфические причины преступности подростков просто отсутствуют, однако раз-

личные социально-экономические возможности, неравенство людей определенным образом отражаются в сознании молодежи [2, с. 84-90].

Основной причиной погружения и подчинения подростка веяниям современных информационных ресурсов, а также последующего суицидального поведения можно считать низкий уровень организации досуга несовершеннолетних, а также недостаточное количество бесплатных кружков по интересам, спортивных секций, культурно-массовых мероприятий. Если на уровне г. Москвы выбор бесплатных спортивных секций более или менее достаточен и доступен (хотя бесплатно только посещение, а форма и спортивное снаряжение ложатся бременем на плечи родителей), то, например, в Республике Алтай в целом картина значительно хуже.

Не менее важной причиной являются и нравственно-психологические факторы, проявляющиеся в кризисе нравственного состояния общества, деградации и деморализации населения, падении уровня правовой культуры и правосознания, аморализме воспитания молодого поколения и, как следствие, готовности его к преступному поведению. Ценностные ориентации несовершеннолетних постепенно смещаются в сторону положительного восприятия действий криминальных структур, выбора преступных лидеров в качестве образца для подражания и даже зависти [3, с. 285].

В завершение хотелось бы обратить внимание, что нами приведены самые основные, укрупненные детерминанты суицидов, совершенных под влиянием современных массмедиа. Безусловно, условий и причин намного больше, и в каждом конкретном случае необходима серьезная их проработка и анализ. К примеру, даже отсутствие достаточного финансирования программ профилактики, должной нормативной регламентации либо недостаточно проработанные формулировки и своевременные редакции уже существующих законов и иных нормативных актов также могут стать причиной суицидов подростков, совершенных с использованием современных информационных ресурсов.

Литература

1. Богданов А.В., Хазов Е.Н., Комахин Б.Н. Преступность несовершеннолетних: новые решения и новые проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. С. 34-36.
2. Гишинский Я.И. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ // Криминалистика. 2010. № 2. С. 84-90.
3. Криминология: учебник / колл. авторов; под общ. ред. В.И. Гладких. М.: Юстиция, 2017. С. 285.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ПОВТОРНОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В.А. Распопов

Центральный районный суд г. Барнаула;

А.Е. Баньковский,

кандидат юридических наук

Центральный районный суд г. Барнаула

Среди задач уголовной политики российского государства одно из центральных мест занимает профилактика преступлений. Ученые-правоведы уже достаточно давно сформировали твердое убеждение, что предотвращение преступлений, их профилактика – неотъемлемый элемент предмета целого ряда юридических наук. Несмотря на то, что данные статистики свидетельствуют об определенной тенденции к снижению уровня преступности (в сравнении с 1990-2000 и 2000-2010 гг.), деятельность по профилактике преступлений занимает одну из ведущих позиций в современном российском обществе. На это неоднократно обращал внимание и Президент РФ В.В. Путин в рамках ежегодных расширенных заседаний коллегий МВД России [4, с. 52-53]. Эффективность борьбы с преступностью как с социальным явлением в первую очередь обусловлена ее предупреждением, т.к. реальная деятельность по раскрытию и расследованию преступлений требует постоянных экономических затрат, задействова-

ния более значительного административного ресурса, связана с ограничением прав и свобод граждан. Среди значительного круга лиц, совершающих преступления, особого внимания заслуживают лица, ранее совершавшие преступления. Предупреждение рецидивной преступности всегда оставалось приоритетным направлением в деятельности практически всех правоохранительных органов. Это связано с тем, что рецидивная преступность в большинстве случаев характеризуется повышенной общественной опасностью преступлений, поскольку лица, решающиеся на повторное совершение преступления, более тщательно готовятся к их совершению, совершенствуя свои преступные навыки. Более того, лицо, на которое меры превентивного воздействия в результате первого совершенного преступления никоим образом не повлияли, легче решается на совершение повторного преступления.

Набор современного законодательного инструментария, обеспечивающего профи-

лактику преступлений лицами, ранее совершавшими преступления, на сегодняшний день достаточно широк. Однако ключевым средством профилактики повторного совершения преступлений, по мнению ряда учёных и практиков, является административный надзор.

На сегодняшний день правоотношения в области административного надзора урегулированы Федеральным законом от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – ФЗ № 64-ФЗ). Согласно положениям п. 1 ст. 1 названного закона административный надзор – это осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с федеральным законом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных федеральным законом. Сразу необходимо обратить внимание на то, что по своей природе административный надзор относится к мерам предупреждения преступлений и других правонарушений, оказания на лицо индивидуального профилактического воздействия, а не к мерам ответственности за совершенное правонарушение. Его применение связывается с освобождением лица из мест лишения свободы и с наличием непогашенной либо неснятой судимости, которая влечет за собой правовые последствия в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральным законодательством. Именно подобным образом была разъяснена правовая природа административного надзора Конституционным Судом Российской Федерации [2]. При этом особое внимание Конституционный Суд Российской Федерации обратил на то, что установление административного надзора имеет судебный характер, а следовательно, устанавливается только судом, что обеспечивает индивидуализацию при установлении срока и видов административных ограничений, накладываемых на конкретное лицо.

В соответствии с положениями ст. 3 ФЗ № 64-ФЗ административный надзор устанавливается в отношении не всех лиц,

освобождаемых из мест лишения свободы, а лишь в отношении той категории осужденных, которые прямо указаны в законе (несовершеннолетние, рецидивисты, лица, совершившие определенные виды тяжких и особо тяжких преступлений, и т.д.), а также в отношении осужденных, которые прямо не относятся к установленным в законе категориям осужденных, но в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавались злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания.

В силу ст. 6 ФЗ № 64-ФЗ административный надзор устанавливается судом на основании заявления исправительного учреждения или органа внутренних дел. Подобные заявления рассматриваются по правилам гл. 29 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ).

Согласно ч. 1 ст. 270 КАС РФ административное исковое заявление об установлении административного надзора подается в суд:

1) исправительным учреждением – в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы;

2) органом внутренних дел – в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы, а также в отношении лица, отбывающего наказание в виде ограничения свободы, назначенное в качестве дополнительного вида наказания, или при замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы ограничением свободы.

На основании ч. 5 ст. 270 КАС РФ административное исковое заявление об установлении административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы, подается в суд по месту нахождения исправительного учреждения. Административное исковое заявление об установлении административного надзора в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы, подается в суд по месту жительства, месту пребывания или месту фактического нахождения этого лица.

С целью обеспечения индивидуализации административного надзора и подлинного достижения цели по профилактике преступлений ФЗ № 64-ФЗ предлагает це-

лкий набор ограничительных мер, назначение которых всегда определяется исходя из конкретной ситуации и личности осужденного. В отношении поднадзорного лица могут устанавливаться следующие административные ограничения:

- 1) запрещение пребывания в определенных местах;
- 2) запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях;
- 3) запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток;
- 4) запрещение выезда за установленные судом пределы территории;
- 5) обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения для регистрации.

При этом, избирая конкретные ограничения, суд должен учитывать целый ряд факторов, чтобы достичь именно цели профилактики, а не усугубить положения лица, освобождаемого из мест лишения свободы. Как указывает Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», выбор вида административных ограничений не может носить произвольный характер и должен быть направлен на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений или административных правонарушений, а также оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения указанных правонарушений или антиобщественного поведения [3]. Назначение административных ограничений не должно несоразмерно ограничивать право поднадзорного лица на труд, получение образования, медицинской помощи и т.п. Так, например, нецелесообразно устанавливать ограничение в виде запрещения выезда за установленные судом пределы территории, если предполагаемая работа лица будет носить разъездной характер (например, лицо будет работать водителем

междугородних рейсов). Избрав такое ограничение, суд, наоборот, может подтолкнуть лицо к повторному совершению преступления ввиду отсутствия средств к существованию и невозможности реализовать себя в единственной имеющейся профессии – водителя. В качестве примера можно привести и такую ситуацию, когда при определении времени суток, в период которого лицо не вправе находиться вне места жительства или пребывания, суд должен принимать во внимание график выполнения лицом его трудовых обязанностей и (или) учебы и другие имеющие значение обстоятельства при условии представления соответствующих доказательств. Так, получение образования по вечерней форме обучения может вынудить лицо к тому, что оно будет возвращаться домой значительно позже 21.00 или 22.00, и установление для него именно таких рамок приведет к невозможности его подлинной адаптации и социализации, что в последующем подтолкнет его к повторному совершению преступления. В то же время, если лицо было осуждено за преступление, совершенное в состоянии алкогольного опьянения, в этой связи целесообразно установить ограничение в виде запрещения пребывания в определенных местах, к числу которых следует отнести места общественного питания, в которых осуществляется реализация алкогольной продукции (бары, кафе, рестораны, ночные клубы и т.д.). Именно в связи с такой персонификацией административного надзора закон оставляет соответствующую свободу усмотрения как должностным лицам, имеющим право на подачу административного искового заявления об установлении конкретных видов административных ограничений, так и суду, который принимает окончательное решение.

На основании вышеизложенного необходимо сделать следующий вывод. Предупреждение преступлений со стороны поднадзорных, в конечном счете их перевоспитание требуют комплексного подхода. Очевидно, что не все лица, освобожденные из мест лишения свободы, изменили свое поведение в лучшую сторону и отказались от совершения повторных преступлений. Вероятность рецидива преступлений среди

осужденных подтверждается их негативным поведением во время или сразу после отбывания наказания [1, с. 51-52]. Кроме того, рецидивоопасность отдельных категорий осужденных нередко проистекает из самого факта совершения отдельных преступлений независимо от поведения осужденного в местах лишения свободы, например, преступлений сексуального характера. Вместе с тем, как указано выше, должен действовать принцип строго индивидуального подхода к каждому поднадзорному. Объем ограничений, периодичность осуществления контроля за их соблюдением и

образом жизни поднадзорного в целом, интенсивность мер воспитательного характера должна быть также индивидуализирована. В этой связи только детальное рассмотрение дела каждого поднадзорного, выяснение судом всех аспектов личности, особенностей категории преступления, совершенного лицом, и его поведение в местах лишения свободы позволит обеспечить с помощью административного надзора достижение главной цели – профилактику совершения преступлений повторно, что в целом благоприятно скажется на развитии современного российского общества.

Литература

1. Исакова Ю.И., Сараев Н.В. Институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в современной превенции правонарушений: теория и практика // Российский следователь. 2017. № 13. С. 50-52.

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 3, 4, 5, 6, 10, 12 и 13 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», части первой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 261.8 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 597-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

4. Степаненко Д.А., Митрофанова А.А. К определению понятия «криминалистическая профилактика преступлений» // Российский следователь. 2020. № 2. С. 52-57.

ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

Р.А. Семенюк,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

А.И. Щеглов

Барнаульский юридический институт МВД России

Анализ статистических данных Главного информационно-аналитического центра МВД России показывает, что в среднем на территории России каждое третье преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения. Причем имеются регионы, где удельный вес данных преступлений доходит до 50% и более (например, Республика Тыва). За последние пять лет, в период 2016-2020 гг., удельный вес выявленных лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения (несмотря на их снижение), на территории России в среднем составил 33,8%.

Общая картина преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, показывает, что за исследуемый нами период (2016-2020 гг.) их количество ежегодно уменьшалось. Так, в 2016 г. на территории России было зарегистрировано 440 154 «алкогольных» преступления, в 2017 г. – 378 013, в 2018 г. – 351 601, в 2019 г. – 323 528, в 2020 г. – 315 440. Их удельный вес также снизился с 37,0% в 2016 г. до 30,6% в 2020 г.

Аналогичную динамику имеет и число выявленных лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения на территории России. В 2016 г. было выявлено 395 299 человек, в 2017 г. – 352 062, в 2018 г. – 326 269, в 2019 г. – 298 432, в 2020 г. – 288 361.

В итоге наблюдается количественное и процентное снижение преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, и лиц, их совершающих. Однако делать выводы о стабилизации оперативной

обстановки или заявлять об эффективной профилактической работе в данном направлении не приходится. Поскольку одним из существенных факторов, способствующих снижению числа зарегистрированных преступлений, являются внесенные изменения в уголовное и административное законодательство по побоям, вступившим в законную силу с февраля 2017 г. В связи с этим массовое количество совершаемых побоев, которые ранее являлись преступлением, стали учитываться как административное правонарушение.

Анализ результатов проведенного нами исследования дает основание прогнозировать дальнейший стабильный удельный вес преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения. Однако в действительности сохраняется сложная социально-экономическая ситуация, при которой количество лиц, находящихся за чертой бедности, по стране от 19 до 24 млн граждан. В свою очередь, это не позволяет разрешить материальные, жилищные и бытовые проблемы большей части населения, из-за которых возникают стрессовые ситуации, депрессии, недовольство своим социальным статусом, неуверенность в завтрашнем дне, жизненная безысходность и бесперспективность. Под воздействием этих криминогенных факторов слабовольные граждане спиваются, ведут асоциальный образ жизни, что в итоге приводит к их противоправному поведению в состоянии алкогольного опьянения [3, с. 37].

Главным субъектом в деятельности по предупреждению преступлений по-

прежнему остается участковый уполномоченный полиции, который при несении службы принимает меры, направленные на предупреждение и пресечение преступлений и иных правонарушений, осуществляет превентивные меры по снижению риска совершения преступлений лицами, имеющими непогашенную (не снятую) судимость. При этом особое внимание уделяется выявлению таких преступных деяний, как побои, истязание, факты умышленного причинения вреда здоровью различной степени тяжести, уклонение от административного надзора [1]. Как показывает практика, в большинстве случаев данные преступления совершаются в состоянии алкогольного опьянения.

В своей повседневной практической деятельности участковые уполномоченные полиции сталкиваются с множеством проблем, существенно затрудняющих работу по предупреждению преступлений, в т.ч. совершаемых в состоянии опьянения. Рассмотрим их по порядку.

1. Некомплект, нехватка участковых уполномоченных полиции, что в большинстве регионов России привело к росту нагрузки на сотрудников органов внутренних дел. Нагрузка на участковых уполномоченных полиции по причинам некомплекта, особенно в период пандемии, значительно возросла.

Показательным примером нехватки сотрудников ОВД является совершенное в г. Кемерово убийство Веры Пехтелевой, произошедшее по причине отсутствия участкового уполномоченного полиции и иных «свободных» сотрудников ОВД, могущих выехать на сигнал о драке в квартире, длящейся до тех пор, пока молодой человек не забил девушку насмерть.

2. Огромнейший документооборот у участковых уполномоченных полиции. Например, ранее участковые инспектора милиции (как отмечают пенсионеры ОВД) не писали отчетов и докладных записок по каждому пункту плана и не проводили их анализ. Достаточно было поставить отметку «исполнено» и дату. Сейчас служебная документация не позволяет проводить эффек-

тивную профилактическую работу с гражданами, она отвлекает и раздражает. Несмотря на переход документооборота в электронный формат (модуль) «Участковый», проверяющие по-прежнему требуют заполнение журналов. В результате вместо обхода административного участка и проведения профилактической работы участковый уполномоченный полиции работает за компьютером. В итоге сотрудники полиции все больше вовлекаются в производство различных отчетов и все меньше выполняют свои прямые обязанности, соответственно, не обеспечивается своевременность выезда на место происшествия, задержания виновных и раскрытия преступления по горячим следам.

3. Нередко участковый уполномоченный не может оперативно выехать на вызов в соседний микрорайон либо на обслуживаемую им сельскую местность по причинам ограниченного лимита бензина и его постоянной нехватки, отсутствия достаточной материальной базы органов внутренних дел [4, с. 111].

Согласно «Обзору о результатах мониторинга индикаторов достижения цели Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020-2023 годы» (исх. от 26.02.2021 № 12/1732), обеспеченность участковых уполномоченных служебным транспортом в 2020 г. повысилась лишь на 1,3% и составила всего 55,8% от положенного. В некоторых регионах страны обеспеченность службы участковых уполномоченных полиции упала ниже 40%.

Подводя итог, следует обратить внимание на сложную обстановку, сложившуюся в службе участковых уполномоченных полиции. Она заключается в неразрешенности таких основных проблем, как нехватка участковых уполномоченных полиции, их некомплект, возросшая нагрузка на сотрудников, огромный документооборот в электронном и печатном виде, низкая обеспеченность участковых уполномоченных полиции служебным транспортом, отсутствие достаточной материальной базы.

Литература

1. Инструкция по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, утвержденная приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2021).

2. Семенюк Р.А. Криминологический анализ преступлений, совершенных в состоянии опьянения (по материалам Алтайского края) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы шестнадцатой междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. Ч. 2.

4. Семенюк Р.А., Щеглов А.И. Некоторые проблемы предупреждения участковыми уполномоченными полиции правонарушений со стороны лиц, больных алкоголизмом или наркоманией // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 1 (32). С. 186-189.

ТАТУИРОВКИ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Е.З. Сидорова,

кандидат юридических наук

Восточно-Сибирский институт МВД России

Настоящее исследование направлено на изучение вопроса нанесения татуировок лицами, подвергнутыми уголовному наказанию, что рассматривается как элемент криминальной субкультуры. Объектом исследования является история зарождения и развития нанесения татуировок в исправительных колониях.

С развитием цивилизации каждый индивид общества стремится подчеркнуть свой социальный статус и отличаться от большинства населения. Для того чтобы достичь этой цели, существует множество атрибутов, таких как: занимаемая должность, финансовое положение, украшения и множество других. Татуировки также являются способом подчеркнуть свое положение в общественном строе. История зарождения нанесения татуировок на кожный покров берет свое начало из первобытного строя. В то время этот процесс являлся олицетворением духовного поклонения тем или иным религиозным символам. Так,

например, в странах Азиатского континента детям наносили татуировки с раннего возраста, т.к. считалось, что во взрослой жизни это будет являться символом защиты от негативных процессов.

История татуировок в местах лишения свободы России берет свое начало в XX в. Наибольшее распространение началось в советский период, во времена И.В. Сталина. Ранее татуировки наносились принудительно лицам, совершившим преступление, и выглядели в виде надписи «КТ», что характеризовало ее владельца как каторжника. Однако во времена руководства страной И.В. Сталиным татуировки стали наноситься преступниками добровольно и представляли собой совокупность множества рисунков, имеющих определенное значение. Так, по татуировкам определяли, за какое преступление человек был осужден, а также в некоторых случаях – год нанесения данной татуировки. Конечно, немаловажную роль играет качество тату-

ировки, поскольку даже по этому признаку можно определить, к какому классу преступников относится носитель татуировки. Субкультуру нанесения татуировок на тело ввели самые уважаемые представители преступного мира – люди, осужденные к лишению свободы за воровство. Они первыми начали наносить рисунки на свое тело, а также придумывать определенное значение того или иного рисунка. Так, например, в период сталинских репрессий лица, приговоренные к высшей мере наказания – расстрелу, наносили себе на грудной области изображение руководителей советского государства, таких как В.И. Ленин или И.В. Сталин, в надежде избежать расстрела. Однако данное предположение являлось ошибочным, поскольку в таких случаях выстрел осуществляли не в грудную область, а в голову или область живота.

Со временем татуировки в местах лишения свободы стали являться своего рода «документом преступника», по рисункам на теле другие преступники либо опытные сотрудники федеральной службы исполнения наказания могли узнавать информацию о человеке. Например, по какой статье он был осужден, сколько раз отбывал наказание в местах лишения свободы, его характер и отношение к администрации исправительного учреждения, к какому классу преступников он относится, его отношение к религии и многое другое. Говоря о расслоении преступников на «классы», стоит отметить, что в местах лишения свободы каждый осужденный относится к одному из четырех классов.

Самым влиятельным и уважаемым в преступном мире классом являются «воры в законе» – это преступники, обладающие наибольшей властью и авторитетом среди других осужденных. Их роль заключается в поддержании порядка в исправительном учреждении и разрешении конфликтных ситуаций между другими осужденными. Так, данная категория преступников разработала определенный свод правил и распространила их на других осужденных. По этим правилам «воры в законе» не должны: иметь семьи, работать, жить в роскоши и др. Татуировки «воров в законе» наносятся

на различные части тела и имеют следующий вид:

«Иисус Христос, распятый на кресте» – наносится на спину или грудную область. Делать данную татуировку ниже пояса является оскорблением чувства верующих. Татуировка распятия является олицетворением страдания Иисуса Христа, поэтому данную татуировку заключенные делают с целью показать окружающим, что их жизнь переполнена страданием, а посредством него они обретут благополучие.

«Орел, расправивший клюв и когти» – наносится на грудь, говорит об агрессивности ее носителя, отражает сравнение отношения к другим заключенным, как орла к жертве.

«Восьмиконечная звезда» – наносится под ключичной областью, а также на коленях. Татуировка говорит о ее носителе как о человеке, не признающем режим исправительного учреждения.

«Перстень на пальце в виде белой короны с отходящими лучами» – количество лучей обозначает количество раз, когда человек был осужден к лишению свободы.

Следующим классом преступников являются «авторитеты» – это группа преступников, приближенных к «вору в законе», но не достигших данного звания. Как правило, они следуют его указаниям, соблюдают установленные воровским сообществом правила, а также контролируют их исполнение другими преступниками. «Авторитет» в дальнейшем может стать «вором в законе», для этого требуется поддержка и признание криминального сообщества, утверждение в качестве «вора в законе». Чтобы достичь данной цели, «авторитету» необходимо соблюдать правила, установленные воровским сообществом, а также заручиться поддержкой как минимум трех «воров в законе». В начале 90-х гг. XX в. преступный мир столкнулся с такой проблемой, как присвоение воровского титула за денежное вознаграждение, что категорически противоречило установленному формату жизни предыдущих поколений преступников. Наибольшее распространение данное явление получило в криминальной элите Северо-Кавказского региона, поскольку для этих представите-

лей преступного мира основным принципом являлась родственная связь, а не личные качества осужденного. Татуировки «авторитетов» в некоторых случаях схожи с нательными рисунками «воров в законе», однако не все татуировки они вправе себе наносить. К татуировкам «авторитетов» относятся:

«Палач» – данная татуировка символизирует ее обладателя как личность, не признающую исправительный режим и противостоящую ему. Также может служить как признак человека, осужденного к лишению свободы за убийство.

«Кот» – изображение кота, а также аббревиатура К.О.Т. расшифровываются как «коренной обитатель тюрьмы», т.е. ее обладатель периодически совершает преступления, вследствие чего бывает осужден к лишению свободы.

«Звериный оскал» – изображение оскала животных говорит о характере ее владельца, данную татуировку наносят непримиримые с исправительным режимом колонии заключенные. Эту татуировку также делают люди, применяющие физическую расправу над другими заключенными по распоряжению более влиятельных преступников.

«Погоны на плече» – данные татуировки вовсе не демонстрируют отношение обладателя к государственным структурам, а являются атрибутом влиятельного преступника, который вправе применять физическое насилие над другими преступниками, совершившими проступок.

«Церковные купола» – как правило, данная татуировка наносится на спину и символизирует отношение заключенного к религии, а также количество раз, когда он был осужден к лишению свободы. Один купол – одно заключение в исправительном учреждении.

Самый многочисленный класс в исправительной системе – «мужики» – преступники, не занимающиеся преступной деятельностью на постоянной основе. Как правило, придерживаются режима исправительного учреждения. Данная категория преступников прибегает к нанесению на тело татуировок крайне редко, среди них:

«Перстень ромб с черной полосой посередине» – означает, что ее обладатель со-

храняет нейтралитет в исправительном учреждении, не придерживается порядка, установленного криминальной элитой.

«Перстень черный квадрат» – говорит о том, что ее обладатель отбыл наказание в виде лишения свободы полностью, без условно-досрочного освобождения.

Последним классом в тюремной иерархии являются «обиженные» – это преступники, в отношении которых в исправительном учреждении совершился акт полового насилия. Как правило, данной категории лиц татуировки делают помимо их воли, а их значение относит носителя к низшему тюремному классу преступников:

«Черный квадрат. На белой диагональной полосе – три точки» – данная татуировка наносится в принудительном порядке после акта насилия.

«Перстень с женским именем» – также является татуировкой преступника низшего класса.

Таким образом, субкультура татуировок в криминальном мире является широко распространенной, имеет свою историю и значение. Благодаря системе нательных рисунков представители правоохранительных органов могут делать вывод: о личности преступника, о совершенных им ранее преступлениях, о его отношении к религии, характере, занимаемом положении в преступной иерархии.

Культура татуировок в преступном мире стремительно развивается, появляются новые рисунки, имеющие собственное значение. И для борьбы с преступностью необходимо использовать информационные технологии, которые в настоящее время, как отмечают специалисты, выступают одним из ведущих направлений государственной политики [1, с. 134]. Представителям государственных служб требуется изучать такое явление, как татуировки в преступной среде. В частности, это делали известные криминологи: В.В. Орехов, А.М. Яковлев, Д.С. Балдаев. Изучение значения татуировок в преступной среде позволит оптимизировать и упростить работу представителей правоохранительных органов. Конечно, как справедливо отмечается в научной литературе, в настоящий период правоохрани-

тельные органы еще не выработали единой позиции по всем аспектам правоприменительной деятельности [2, с. 60]. Это касается и татуировок в криминальном мире. Вместе с тем умение «прочитать» татуировку необходимо сотрудникам пра-

воохранительных органов, поскольку татуировки служат отличительным признаком при опознании преступника, а знание значения татуировки позволит спрогнозировать модель поведения при осуществлении задержания преступника.

Литература

1. Гиниятуллина Е.З., Стремиллова А.В. К вопросу о правовом регулировании общественных отношений в сфере информационных технологий // *CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык*. 2016. № 1. С. 133-139.
2. Чаркина В.Б., Зубова М.В. Маргинализация культуры на примере распространения татуировки // *Abyss (вопросы философии, политологии и социальной антропологии)*. 2019. № 1 (7). С. 134-142.
3. Чепига В.Ю. Анализ и определение социального значения татуировки // *Инновационная парадигма развития современных гуманитарных и общественных наук: сборник статей междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2020. С. 99-102.*

СОВРЕМЕННЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ИЛИ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В.В. Стальбовский,
магистр юридических наук

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Гарантии безопасности, эффективности и развития в любой сфере общественных отношений являются первостепенным звеном стабильности любого вида человеческой деятельности. Не является исключением из подобных и важных сфер жизнедеятельности безопасность несовершеннолетних. Одной из перспективных, на наш взгляд, форм работы является общественный контроль. Форма и особенности его зависят от структуры нормативного правового регулирования данного вида общественных отношений в национальном законодательстве.

Педофилия относится к категории самых отвратительных социальных явлений, реакция общества на нее всегда резко отри-

цательная. Педофил, как правило, исключается из нормальной среды и даже «ненормальной», если иметь в виду сообщество осужденных. Комплексное исследование самого явления педофилии в целом является частью объекта криминологического познания [1, с. 5].

Чтобы подчеркнуть значимость рассматриваемой темы исследования, обозначим динамику преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, от которой, естественно, и зависит количество судимых лиц, и лиц, освобождающихся из мест отбывания наказаний, которые нуждаются в эффективном общественном контроле после освобождения.

Если в 2013 г. в Республике Беларусь выявлено 110 таких преступлений (56 тяжких и особо тяжких), то уже в 2017 г. в сфере противодействия педофилии зафиксировано 533 преступления (326 тяжких и особо тяжких), в 2018 г. – 831 (513 тяжких и особо тяжких), в 2019 г. – 703 (433 тяжких и особо тяжких), в 2020 г. – 691 (371). Установлено несовершеннолетних, потерпевших от педофилии, в 2019 г. – 477, из них малолетних – 179, а в 2020 г. – 471, из них малолетних – 177.

В соответствии с ч. 1 ст. 21 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, на основании и в порядке, предусмотренных законодательством, общественные объединения могут осуществлять контроль за деятельностью органов и учреждений, исполняющих наказание и иные меры уголовной ответственности.

Немаловажно, что контроль и его особенности направлены на исправление осужденных, а также содействие в работе органам и учреждениям, исполняющим наказание и иные меры уголовной ответственности (ч. 2 УИК Республики Беларусь). А исправление осужденных – это формирование готовности вести правоопослушный образ жизни, не только в условиях свободы, но и в период отбывания наказания.

Значительное влияние на структуру и содержание исследования, посвященного общественному контролю, оказал метод экспертного опроса, респондентами которого выступали высококвалифицированные руководители, сотрудники подразделений главного управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми криминальной милиции Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Компетентное участие специалистов в ходе анализа и решения проблем противодействия преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, наряду с основными задачами исследования, позволили определить дополнительные направления совершенствования практической деятельности. Последние, в свою очередь, являлись логичным определением проблемных зон предупреждения рассматриваемой категории

преступлений, в т.ч. в рамках деятельности учреждений УИС (внутрипенитенциарной профилактики индивидуального преступного поведения). Это экспертное мнение касается определенных направлений:

- создание единой информационной платформы в рамках СНГ по анализу, накоплению и реализации перспективных форм реализации общественного контроля (в т.ч. взаимодействия с государственными органами правоохранительной направленности);

- участие членов наблюдательной комиссии в работе комиссий исправительных учреждений по вопросам условно-досрочного освобождения от наказания и замены наказания более мягким наказанием, по преступлениям, совершенным против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

- создание информационных групп из числа членов наблюдательных комиссий, в рамках которых во взаимодействии с отделом исправительного процесса будут осуществляться беседы воспитательного и коррекционного характера за год до освобождения в рамках круглого стола с присутствием психологов;

- установление уголовной ответственности в законодательстве Республики Беларусь за склонение лица, заведомо не достигшего 16-летнего возраста, к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера либо к изготовлению порнографических материалов или предметов порнографического характера, совершенное лицом, достигшим 18-летнего возраста, с использованием глобальной компьютерной сети Интернет иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи (так называемый интернет-импакт – процесс вербального и невербального воздействия преступника на потенциальную жертву, состоящий из алгоритмов, приемов и способов, используемых в открытом и закрытом интернет-сегменте, направленный на совершение преступлений либо иных противоправных действий путем формирования инициатором зависимого состояния объекта воздействия с целью его открытой или латентной эксплуатации);

- установление уголовной ответственности в законодательстве Республики Беларусь за изготовление, приобретение либо хранение без цели распространения, рекламирования, трансляции или публичной демонстрации порнографических материалов, печатных изданий, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания, иных предметов порнографического характера с изображением заведомо несовершеннолетнего (в т.ч. установление поощрительной системы для граждан, осуществляющих безвозмездное информирование правоохранительных органов по собственной инициативе);

- принятие на законодательном уровне заинтересованными органами «дорожной карты» по противодействию преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних всеми необходимыми в этом процессе противодействия субъектами профилактики (в т.ч. деятельности субъектов исправительного воздействия в рамках уголовно-исполнительной политики функционирования учреждений УИС с привлечением наблюдательных комиссий);

- разработка и законодательное регулирование вопросов, связанных с реабилитацией и помощью жертвам, пострадавшим от сексуального насилия, с участием международных фондов и организаций, направления работы которых должны осуществляться во взаимодействии с наблюдательными комиссиями;

- создание на всей территории Республики Беларусь «зеленых комнат» для несовершеннолетних жертв сексуального насилия с целью защиты их от психотравмирующих ситуаций во время проведения допросов в уголовном процессе (по принципу один допрос за всю процедуру расследования уголовных дел), с непосредственным контролем наблюдательных комиссий;

- дальнейшее развитие направления работы по участию сотрудников всех подразделений по наркоконтролю и противодействию торговле людьми криминальной милиции Министерства внутренних дел Республики Беларусь совместно с членами наблюдательных комиссий в разбирательствах по вопросам безвестного исчезнове-

ния граждан, самовольных оставлений детских домов, интернатов и иных образовательных учреждений по специфике деятельности (с целью выявления фактов домашнего насилия и случаев сексуального домогательства в отношении несовершеннолетних как одной из причин оставления мест пребывания в различных образовательных учреждениях Республики Беларусь);

- поддержка финансирования специальных программ по обучению сотрудников всех подразделений криминальной милиции Министерства внутренних дел Республики Беларусь применению специальных программных продуктов (CPS). Так, с использованием программного обеспечения CPS выявлено 15 преступлений, из которых 10 – по ч. 2 ст. 343¹ УК РБ, 5 – по ч. 2 ст. 343 УК РБ) [2, с. 16-17].

- интенсификация международного сотрудничества с ведущими странами по противодействию педофилии на базе специализированного центра Академии МВД Республики Беларусь в формате создания интернет-платформы по обмену передовым опытом применения общественного контроля;

- выделение из международных фондов спонсирования и внутривнутриреспубликанских резервов денежных средств на обучение психологов при наблюдательных комиссиях местных исполнительных и распорядительных органов, а также для подразделений Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь в рамках пенитенциарного (воспитательная работа в местах лишения свободы) и постпенитенциарного (ресоциализация и адаптация осужденных, отбывших наказание).

На наш взгляд, необходимо создать базу психологов в рамках субъектов УИС, которые будут являться экспертами в работе с преступниками, страдающими сексуальными отклонениями, способных осуществлять психологическую корректировку в местах отбывания наказания и после его отбытия. Это, на наш взгляд, является первостепенной задачей, стоящей перед УИС, в работе с педофилами, которая должна осуществляться нераздельно с многообразием форм общественного контроля.

Что касается профилактики преступлений (особом направлении внутренней государственной политики), ее осуществление невозможно исключительно санкциями

(наказаниями), без вспомогательных институтов уголовно-правового воздействия. Без них воздействие на преступный элемент в рамках права будет неполноценным.

Литература

1. Педофилия: криминологический диагноз: монография / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: ВНИИ МВД России, 2010. 254 с.
2. Стальбовский В.В. Противодействие преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних: уголовно-правовые и криминологические меры. Минск: Академия МВД, 2020. 243 с.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ФАКТА НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА

О.А. Старикова

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Современное общество, несмотря на некоторую потребность в публичности, проявляющуюся через активное ведение социальных сетей, также нуждается в частной жизни, ее неприкосновенности, неприкосновенности личного времени, неприкосновенности личной переписки, а также неприкосновенности собственного или нанимаемого жилища.

Статья 25 Конституции РФ гарантирует каждому человеку и гражданину неприкосновенность жилища как элемента частной жизни. Это право выступает основной социально-экономической и даже сакральной ценностью для подавляющего числа жителей страны, чем обусловлена высокая общественная опасность соответствующих посягательств [1, с. 252]. Нарушение такого права федеральный законодатель признал преступлением, ответственность за совершение которого закреплена в ст. 139 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [3]. Однако, как и любое другое преступление, нарушение неприкосновенности жилища необходимо доказать.

Исходя из проанализированной судебной практики, можно сделать вывод о том,

что при квалификации совершенного преступного деяния судом, а также иными органами особое внимание уделяется следующим моментам:

- воля лица, которому принадлежит жилище;
- соответствие помещения определению понятия «жилище», данному в примечании к ст. 139 УК РФ;
- наличие квалифицированного состава иных деяний, исключающего необходимость в дополнительной квалификации по ст. 139 УК РФ.

При анализе судебной практики, касающейся обвинения по ст. 139 УК РФ, прослеживается такая проблема доказывания незаконного проникновения в жилище, как необходимость в наличии свидетельских показаний, подтверждающих факт отсутствия воли потерпевшего на проникновение в его жилище. В противном случае, если потерпевший впоследствии будет убит, у суда могут отсутствовать основания для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 139 УК РФ. Такая потребность особенно проявляется в тех случаях, когда между потерпевшим и обвиняемым имеют-

ся родственные или иные близкие отношения.

Важным условием привлечения к уголовной ответственности за незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, является соответствие помещения определению понятия «жилище», приводимому в примечании к ст. 139 УК РФ.

Согласно названному примечанию, под жилищем понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания.

К настоящему времени Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» даны конкретные разъяснения о том, что может относиться к понятию «жилище», а что не может быть признано таковым [2].

В случае признания лица виновным в совершении хищения чужого имущества путем незаконного проникновения в жилище дополнительной квалификации по ст. 139 УК РФ не требуется, поскольку такое незаконное

действие является квалифицирующим признаком кражи, грабежа или разбоя. Эта позиция подтверждается многочисленными приговорами судов, в которых обвинение лица в совершении кражи с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ) не сопровождается обвинением в совершении незаконного проникновения в жилище как в отдельном преступлении, поскольку незаконное проникновение в жилище является в данном случае квалифицированным составом иного деяния.

Следует отметить также наличие проблемы в квалификации отдельных мест пребывания как жилище. На данный момент есть разночтения понятия «жилище» в уголовном, уголовно-процессуальном и, что удивительно, в жилищном праве. Это подразумевает необходимость выработки единой для России правоприменительной практики [4, с. 25].

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что существуют определенные проблемы квалификации незаконного проникновения в жилище, совершенного против воли проживающего в нем лица. Зачастую данная статья не используется ввиду наличия квалифицированного состава иных деяний, однако в тех случаях, когда незаконное проникновение в жилище рассматривается как отдельное преступление, встает вопрос о соблюдении некоторых условий, устанавливающих факт виновности в совершении такого преступления.

Литература

1. Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел: учебник / Анохин Ю.В., Анохина С.Ю. и др. Барнаул, 2016. 354 с.
2. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 // Российская газета. 2019. 9 янв.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Чесноков А.А. Проблемы становления базовых экономико-правовых институтов Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 19-32.

ИДЕЯ УСЛОВНОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ

С.Е. Суверов

Омская академия МВД России

Изменение общества, порождаемое его развитием, трансформации, происходящие в законодательстве, влекут за собой необходимость переосмысления сущности концепции уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих общественно опасные деяния. Неспособность традиционных средств противодействия преступности в полной мере соответствовать потребностям уголовной политики детерминирует пересмотр ранее незыблемых принципов.

Подтверждением данного тезиса стал постепенный отказ от идеи неотвратимости наказания как базового элемента концепции борьбы с преступными проявлениями. В то же время уход от принципа неотвратимости наказания сделал возможным применение иных мер, не содержащих в себе карательного потенциала. Однако такое нововведение привело к краху наказания в статусе единственной меры уголовно-правового воздействия [12, с. 40-41].

Современные тенденции уголовной политики, как Российской Федерации, так и ряда зарубежных государств, направлены на дальнейшее использование в уголовно-правовом инструментарии иных мер воздействия на преступников, которые не связаны с применением наказания. Их сущность заключается в отказе от традиционного порядка реагирования на факт совершения лицом преступления, исключая его осуждение, отбытие им наказания, претерпевание им ограничений судимости.

Проявлением обозначенных мер в отечественном законодательстве стало введение полноценного уголовно-правового института освобождения от уголовной ответственности. Одной из наиболее востребованных на практике норм данного института в настоящее время является ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим».

Конструирование содержания данного правового положения оказывает непосредственное влияние на перспективу его применения, способствует выполнению задач, стоящих перед уголовным законом, и целей уголовной ответственности. Вместе с тем возможное законодательное несовершенство приводит к размышлениям о нахождении новых векторов дальнейшего развития и улучшения нормы.

В науке уголовного права принято осуществлять группировку видов освобождения от уголовной ответственности по различным основаниям. Так, существуют условные (временные) и безусловные (окончательные) виды освобождения от уголовной ответственности. Л.В. Головкин отмечает, что в основе такого деления с уголовно-правовой точки зрения выступает: «возложение или невозложение на освобождаемое от уголовной ответственности лицо определенных обязанностей после того, как соответствующее решение будет принято, а с процессуальной точки зрения – возможность или невозможность отмены решения о прекращении уголовного дела (преследования) и его возобновления для привлечения лица к уголовной ответственности» [7, с. 39]. Несколько иначе определяет данное основание П.В. Коробов, делающий акцент на наличии критерия, при котором правонарушитель освобождается от ответственности временно или окончательно [10, с. 50].

В действующей редакции отечественного уголовного закона норма о примирении с потерпевшим представлена как безусловный (окончательный) вид освобождения от уголовной ответственности, поскольку после вынесения решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) на освобождаемое лицо не возлагаются какие-либо обязанности, при

нарушении которых принятое ранее решение подлежало бы отмене.

Подчеркнем, что сам подход, позволяющий моделировать виды освобождения от уголовной ответственности как условные, ранее был реализован в уголовном законодательстве советского периода. Речь идет о ст. 52 УК РСФСР 1960 г. «Освобождение от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки».

Лицо, которое было передано на поруки, окончательно освобождалось от уголовной ответственности, если оно демонстрировало определенное поведение в течение испытательного срока [8, с. 193]. Сущность испытательного срока заключается в проверке ранее принятого решения об освобождении лица от уголовной ответственности, поскольку оно своим поведением должно доказать собственное исправление и перевоспитание без применения уголовного наказания.

В действующем уголовном законодательстве России также предусмотрены условные виды освобождения от уголовной ответственности. Так, в начальной версии УК РФ таковым являлась лишь ст. 90, предусматривающая положение об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия, однако в последующем была введена ст. 76.2 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа».

Вместе с тем правовые ограничения, применяемые к освобождаемым от уголовной ответственности лицам по обозначенным выше нормам, являются иными мерами уголовно-правового характера. Более того, в диспозиции ч. 1 ст. 90 УК РФ прямо указано то, что она может быть применена в том случае, если принудительные меры воспитательного воздействия смогут обеспечить исправление несовершеннолетнего. Вероятно, возрастание общественной опасности преступлений, совершаемых несовершеннолетними, на современном периоде развития нашего общества предопределяет введение особых мер уголовно-правового характера, применяемых к ним [1, с. 4]. Видится, что введение условного характера

ст. 76.2 УК РФ направлено прежде всего на обеспечение уплаты в установленный судом срок назначенного лицу судебного штрафа, тогда как цель исправления освобождаемого лица законодательно не установлена.

В доктрине уголовного права высказываются предложения о придании некоторым видам освобождения от уголовной ответственности, в т.ч. норме о примирении с потерпевшим, условного характера [2, с. 18; 14, с. 31]. Как нам представляется, основные аргументы в поддержку обозначенной инициативы могут быть сведены к следующим соображениям:

1) назначение лицу испытательного срока позволит более эффективно воздействовать на него, поскольку возможность реализации уголовной ответственности за ранее совершенное деяние путем отмены решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) будет в определенной мере сдерживать его от повторного преступления закона, что способствует исправлению личности виновного.

Как отмечает М.В. Бавсун, цель института освобождения от уголовной ответственности заключается в достижении осознания лицом, совершившим преступление, противоправности своих действий, а также в стимулировании его исправления, понимании им собственной виновности [3, с. 97];

2) при выполнении условия о заглаживании причиненного потерпевшему вреда путем заключения соответствующего соглашения о его рассрочке введение испытательного срока для освобождаемого лица будет являться очередным стимулом к полному выполнению взятых на себя обязательств, что будет способствовать удовлетворению интересов потерпевшего [6, с. 486-488]. В противном случае защиту своих прав потерпевшее лицо может искать только в рамках гражданского судопроизводства;

3) принятие условного характера нормы в определенной степени позволит противодействовать возможности многократного освобождения лиц от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. В соответствии с предложенным

Верховным Судом Российской Федерации пониманием лица, совершившего преступление впервые, отсутствуют какие-либо ограничения по количеству применений норм данного института.

Как отмечалось в научной литературе советского периода, совершение лицом нового преступления в период испытательного срока (ст. 52 УК РСФСР 1960 г.) позволяет квалифицировать содеянное лицом по правилам повторности или совокупности (в случае неоднородности преступлений). Совершение лицом нового преступления после ранее состоявшегося его безусловного освобождения от уголовной ответственности препятствует установлению признаков множественности [11, с. 424-425].

Подобная точка зрения находит свое отражение и в современной юридической периодике. В частности, А.А. Князьков подчеркивает, что введение условных видов освобождения от уголовной ответственности позволяет сохранить уголовно-правовое значение ранее совершенного лицом преступления [9, с. 118].

Несмотря на определенную привлекательность предложенной инициативы о придании ст. 76 УК РФ условного характера, считаем, что основные противоречия возможных изменений состоят в следующем:

1) необходимо определиться с объемом тех запретов, которые могут быть назначены лицу, освобождаемому от уголовной ответственности условно. В данном случае дискуссия затрагивает перспективу возложения на освобождаемых лиц ограничений, назначаемых условно осужденным (ч. 5 ст. 73 УК РФ) [5, с. 160; 4, с. 10];

2) принимая идею о введении условного освобождения от уголовной ответственности, требуется разработать систему выбора испытательного срока или ввести единые сроки для всех освобождаемых лиц, а также решить, какой именно орган уголов-

ной юстиции должен быть наделен полномочиями по назначению испытательного срока.

Прежде всего, полагаем, что возложение на освобождаемых от уголовной ответственности лиц по ст. 76 УК РФ каких-либо иных обязанностей, в т.ч. изложенных в ч. 5 ст. 73 УК РФ, кроме выполнения соглашения о заглаживании причиненного потерпевшему вреда или несовершения нового умышленного преступления, является чрезмерным, поскольку приводит к смешению с иным уголовно-правовым институтом – испытанием. Особое внимание хотелось бы уделить тому обстоятельству, что испытание является мерой уголовной ответственности, хотя налагаемые на лицо ограничения и не обладают карательным потенциалом, поэтому его реализация является недопустимой в свете обращения к рассматриваемому нами институту [13, с. 87].

Кроме того, принимая во внимание действие института условного осуждения, установление испытательного срока, а также возложение на освобождаемое лицо обязанностей должно осуществляться судом, что нивелирует потенциал досудебного прекращения производства по уголовным делам. Сказанное вступает в противоречие с основной идеей введения института освобождения от уголовной ответственности, которой является ускорение уголовного судопроизводства, разгрузка судебной следственной системы. Более того, данные новеллы потребуют включения дополнительных ресурсов, направляемых для осуществления контроля за освобождаемыми лицами.

Таким образом, придание условного характера норме о примирении с потерпевшим может стать действительно эффективным инструментом в арсенале мер уголовно-правового воздействия лишь при сохранении ее действительного смысла, отказе от смешения с институтом испытания.

Литература

1. Абызов Р.М. Типологические проблемы личностных деформаций несовершеннолетних преступников и их предупреждение: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.
2. Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности. М. – Воронеж, 2001.
3. Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.

4. Балафендиев А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016.
5. Владимирова О.А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2015.
6. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002.
7. Головкин Л.В. Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности // Законность. 1998. № 11.
8. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / отв. ред. А.А. Пионтковский. М.: Наука, 1974.
9. Князьков А.А. Условные виды освобождения от уголовной ответственности: Pro et contra // Юридическая наука. 2014. № 2.
10. Коробов П.В. Условные и безусловные виды освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2011. № 9.
11. Курс советского уголовного права. Л., 1970. Т. 2.
12. Нечепуренко А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009.
13. Нечепуренко А.А. Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2014.
14. Сверчков В.В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2008.

К ВОПРОСУ О НЕСОБЛЮДЕНИИ СИСТЕМНОСТИ В НОРМАХ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л.Я. Тарасова,

кандидат исторических наук

Барнаульский юридический институт МВД России

Любые системы, в т.ч. и правовые, должны обладать системностью. Система необходима для выполнения своих специфических функций. В философской литературе выделяют следующие признаки системы: множественность элементов, наличие связей между элементами, при помощи которых система представляет собой единое целое. Целостность системы предполагает появление новых элементов и свойств, обособленность системы отражает то, что она выступает как самостоятельный элемент [3, с. 610].

Российское уголовное право является сложной системой, которая отличается следующими характеристиками: это единая отрасль российского права, в которой присутствуют отраслевые элементы, она способна к самоорганизации, относительно устойчива и стабильна [2, с. 61].

В настоящее время мы можем сказать, что действующее уголовное законодательство не в полной мере отвечает требованиям системности, которые были предложены А.В. Денисовой. Главным требованием, по ее мнению, является непротиворечивость

норм уголовного законодательства между собой, а также со смежными нормами [1].

Первый пример несогласованности норм мы можем увидеть в ст. 80 УК РФ. Данная статья посвящена замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. В данную норму были внесены изменения, согласно которым возможность замены неотбытой части наказания была предоставлена не только лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, но и лицам, которым было назначено наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части и в виде принудительных работ. Однако ч. 2 ст. 80 УК РФ изменениям не подвергалась, и в ней до сих пор регламентирован порядок замены наказания только для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Таким образом, сопоставив ч. 1 и 2 ст. 80 УК РФ, мы не можем увидеть регламентацию замены неотбытой части наказания для лиц, которым была предоставлена такая возможность в связи с изменениями. Для устранения данной несогласованности следует в ч. 2 ст. 80 УК РФ внести категорию лиц, которым была предоставлена такая возможность или же регламентировать порядок замены наказания для этих лиц. Только так данная норма будет соответствовать требованиям системности.

Другим примером может служить ситуация, при которой изменения вносятся в определенную норму, а нормы, с ней смежные, не подвергаются изменениям, что также демонстрирует в последующем несогласованность норм. Так, нормативно-

правовой акт в ст. 49 и 50 УК РФ внес изменения, которые говорят о том, что обязательные работы и исправительные работы при злостном уклонении от их отбывания заменяются только лишением свободы, а другой нормативно-правовой акт дополнил, что возможно заменить и таким видом наказания, как принудительные работы.

Еще один пример несогласованности наблюдаем в ч. 1 ст. 54 УК РФ, в которой сказано, что в случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца. В РФ на данный момент не существует арестных домов для исполнения данного вида наказания, а следовательно, и реализация данного вида наказания невозможна. Таким образом, данную норму следует исключить, и если в РФ все же появятся арестные дома, то вышеназванные нормы потребуют изменений. Но изучив нормативно-правовые акты, касающиеся строительства арестных домов, мы можем сделать вывод, что до 2022 г. таких мероприятий в РФ не запланировано.

Вышесказанное подтверждает, что действующее российское уголовное законодательство, к сожалению, не в полной мере соответствует требованиям системности, и приведенные нами случаи несогласованности норм это демонстрируют. Для его совершенствования необходимо исправить уже существующие ошибки, а при внесении изменений следует не допускать новых ошибок, которые могут привести к ещё большей несогласованности норм между собой и со смежными нормами.

Литература

1. Денисова А.В. Значение системного подхода при исследовании отрасли уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 9-й междунар. науч.-практ. конф. М., 2012. 90-95 с.
2. Денисова А.В. Системность российского уголовного права: проблемы философской и юридической интерпретации. Самара, 2014. 160 с.
3. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 840 с.

ПРОПАГАНДА ТЕРРОРИЗМА КАК ПРИЗНАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ДЕЯНИЯ

А.П. Титаренко,

кандидат юридических наук, доцент

*Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Уголовное законодательство, кроме предупредительного воздействия, должно обладать конкретной определённой формулировкой, используемых в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Любое неверное истолкование в данной области закладываемого в текст законодателем термина, как правило, влечёт необратимые физические и нравственные страдания необоснованно привлечённых к уголовной ответственности, снижение уровня доверия населения к правоохранительной системе, ухудшение имиджа страны как правового государства.

Одним из наиболее сложных на сегодняшний день признаков уголовного законодательства является признак пропаганды терроризма, предусмотренный действующей ст. 205.2 УК РФ в качестве альтернативного способа этого преступления, наряду с призывами к осуществлению террористической деятельности и оправданием терроризма.

Указанная норма была введена Федеральным законом № 375-ФЗ 6 июля 2016 г., и сразу же правоприменитель столкнулся с неоднозначным толкованием данного признака со стороны разных экспертов.

Так, например, доцент кафедры гражданского права и процесса Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского Е.Н. Торгузаева рассматривает пропаганду как эклектичное понятие, содержащее в себе элементы рекламы и агитации [11, с. 2743].

Старший прокурор отдела Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры РФ А.А. Кунашев полагает, что под пропагандой терроризма следует понимать «деятельность по распространению материалов и (или) информации,

направленных на формирование у лица идеологии терроризма...» [5, с. 85].

Старший научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации А.А. Паненков в качестве рассматриваемого признака понимает навязывание идей ваххабизма [7, с. 6].

В связи с этим законодатель уже в декабре 2017 г. вынужден был сопроводить ст. 205.2 УК РФ примечанием № 1.1, где представил сущностные признаки пропаганды терроризма. В числе них законодатель отметил любой вариант распространения информации, способствующей альтернативно или в совокупности формированию: 1) привлекательности идеологии терроризма; 2) представления о допустимости террористической деятельности.

Сложностям трактования идеологии терроризма уже были посвящены отдельные наши работы. Поэтому в рамках данной статьи лишь отметим, что, на наш взгляд, под ней следует понимать совокупность взглядов и идей, которые обосновывают необходимость насильственного воздействия на органы власти или международные организации в целях дестабилизации их деятельности и оказание влияния на принимаемые ими решения [10, с. 40].

Следовательно, согласно примечанию № 1.1 ст. 205.2 УК РФ под пропагандой терроризма необходимо понимать воспроизводство информации, формирующей патетический образ как самого террориста, так и террористической деятельности в целом.

Несложно заметить, что указанное определение по многим индикаторам весь-

ма схоже с другим альтернативным признаком этого же преступления – оправданием терроризма, который согласно примечанию № 1 ст. 205.2 УК РФ должен обладать утвердительными характеристиками в правильности террористической деятельности, нуждающимися в ее подражании или поддержке. Видимо поэтому А.Г. Кибальник и И.Г. Соломоненко рассматривают оправдание терроризма как «реабилитирующую пропаганду террористической деятельности» [4, с. 15].

Понятно, что УК РФ включает в себя наиболее общие черты того или иного правового института. Основную нагрузку по более детальному их толкованию берут на себя разъяснения Верховного Суда РФ по соответствующим вопросам. В рассматриваемой области в настоящее время действует Постановление Пленума от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (далее – ППВС РФ 2012 г. № 1). Однако в нем мы также не находим представления о понятии пропаганды терроризма. Единственная характеристика, указанная в данном постановлении Пленума о рассматриваемом признаке, приводится в рамках его целеполагания. А именно, согласно пункту 22.3 ППВС РФ 2012 г. № 1 (в ред. Постановления от 03.11.2016 г. № 41) о наличии цели пропаганды могут свидетельствовать умышленные действия, направленные на создание условий для осуществления террористической деятельности.

Само слово «пропаганда» в общеупотребительном смысле имеет нейтральный оттенок и рассматривается как процесс целенаправленного распространения философских, эстетических, мировоззренческих и других идей (учений) для их внедрения в массовое сознание [6, с. 931-932]. Положительную или отрицательную коннотацию данному процессу придаёт цель внедрения в общественное сознание взглядов, принадлежащих «автору» пропаганды. В числе последних могут выступать как один человек, так и различные группы людей (от представителей разнообразных религиозных течений до государственных образований).

В нормативных актах Российской Федерации как позитивный процесс пропаганда рассматривается в федеральных законах 1994 г. «О пожарной безопасности» (ст. 25); 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ст. 1); 2012 г. «О донорстве крови и её компонентов» (ст. 6) и других.

В них говорится о разъяснении социальной значимости позитивного поведения, формировании установок и (или) стереотипов положительного поведения или негативного отношения к антиобщественным проявлениям либо выработки цели побудить к желательным для законопослушного общества действиям.

К числу отрицательных характеристик исследуемого процесса следует отнести нормы КоАП РФ (например, ст. 6.13, 6.13.1, 6.21, 20.3), использующие такие выражения, как формирование установок, привлекательности антиобщественных отношений, искажённого представления об асоциальных взглядах либо навязывание информации о «псевдозначимости» антисоциальных ценностей.

Следует отметить, что в ст. 29 Конституции РФ также использовано отрицательное значение пропаганды как деятельности, направленной на возбуждение социальной, религиозной, национальной ненависти или вражды.

С точки зрения судебной практики весьма информативным в плане толкования указанного признака является Постановление Конституционного Суда от 23.09.2014 № 24-П. Согласно данному постановлению деструктивная пропаганда предполагает активные публичные действия по формированию в сознании установок и (или) стереотипов поведения либо деятельность, имеющую цель побудить лиц, которым она адресована, к совершению каких-либо действий или воздержанию от их совершения...» [9, с. 15].

Также Судебная коллегия Верховного Суда по уголовным делам военнослужащих в Апелляционном определении № 225-АПУ19-1 в понятие террористической пропаганды включает использование психологических и лингвистических приёмов, воспевающих сверхценности идей борьбы про-

тив «неверных» и о необходимости воспитания детей в традициях этой борьбы [1, с. 15]. Причём в этом же решении коллегия ВС указала, что такая деятельность не обязательно должна носить системный характер. По мнению Верховного Суда, достаточно и одноактного действия.

А уже Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ в Апелляционном определении от 26.06.2019 № 201-АПУ19-22 в качестве пропаганды расценила размещение в интернет-мессенджере «Телеграмм» текста, направленного на формирование убеждённости в допустимости осуществления террористической деятельности для достижения социально-политических целей анархизма [3]. Автор интернет-послания прославлял действия гражданина, совершившего взрыв на входе здания Управления ФСБ России по Архангельской области, называл подрывника героем, развивал мысль о допустимости террористических актов в борьбе против власти в РФ. По приговору мирового судьи судебного участка № 4 Заводского района г. Новокузнецка от 16.02.2010 действия гр-на М. были квалифицированы как пропаганда возвеличивания войны против «неверных», восхваления в качестве примера образ жизни террориста-смертника [8, с. 7].

К ещё одному из существенных признаков рассматриваемого деяния следует относить изменение мировоззрения лиц, на которое она направлена как результат пропаганды [2, с. 170]. В связи с этим данный

признак статьи 205.2 УК РФ можно вменить, когда у адресатов такого воздействия идеология терроризма до начала пропаганды ещё не была сформирована.

Учитывая вышеизложенное, следует признать, что к существенным признакам пропаганды терроризма следует относить: 1) навязчивый и агрессивный характер; 2) направленность на дискредитацию конституционно значимых положений, predetermined историческими, культурными и иными традициями многонационального народа РФ.

Таким образом, под пропагандой терроризма следует понимать открытое навязывание человеку террористической идеологии с целью выработки у него положительных эмоций в отношении насильственного разрешения социальных конфликтов и его сознательного деструктивного поведения.

Следовательно, п. 1.1 примечания ст. 205.2 УК РФ, на наш взгляд, целесообразно изложить в следующей редакции: «В настоящей статье под пропагандой терроризма понимается деятельность по навязыванию человеку террористической идеологии с целью выработки у него положительных эмоций в отношении насильственного разрешения социальных конфликтов и его сознательного деструктивного поведения, направленных на формирование у лица убеждённости в привлекательности идеологии терроризма, либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности».

Литература

1. Апелляционное определение № 225-АПУ19-1 Судебной коллегии по делам военнослужащих: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10.
2. Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда по делам военнослужащих № 201-АПУ19-36 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 4.
3. Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делам военнослужащих от 26.06.2019 № 201-АПУ19-22 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2.
5. Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6.
6. Малая советская энциклопедия: в 10 т. / гл. ред. Н.Л. Мещеряков. М., 1928-1932. Т. 6.

7. Паненков А.А. Проблемы оптимизации реагирования на организованную преступность, в том числе на преступления террористического и экстремистского характера в Южном федеральном округе в 2011 году // Военно-юридический журнал. 2012. № 5.

8. Погодин И.В. Уголовные дела о преступлениях экстремистской направленности в практике мировых судей. Статья 1. Применение положений ч. 1 ст. 280 УК РФ // Мировой судья. 2011. № 12.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6.

10. Титаренко А.П. К вопросу о квалификации признака «идеология терроризма» в нормах уголовного права // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы девятнадцатой междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д.Л. Проказина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. Ч. 2.

11. Тогузаева Е.Н. Пропаганда, агитация и политическая реклама: проблемы и противоречия правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12.

О ВЛИЯНИИ БЕЗРАБОТИЦЫ НА ПРЕСТУПНОСТЬ РАНЕЕ СУДИМЫХ ЛИЦ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

А.Ф. Федоров,

кандидат педагогических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

25 июня 2021 г. под председательством Губернатора Алтайского края Виктора Томенко состоялось заседание постоянно действующего координационного совещания по обеспечению правопорядка в Алтайском крае. Участники обсудили принимаемые в регионе меры профилактики повторной преступности среди лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы [1].

Статистические показатели 2020 г., по оценкам штаба ГУ МВД России по Алтайскому краю, свидетельствуют о том, что ранее судимые лица составляют более 30% от всех выявленных преступников – 6045 из 19 711. При этом ими совершено 7278 преступлений, из которых 1253 – тяжкие и особо тяжкие, 64 случая убийства, 140 случаев нанесения умышленного тяжкого вреда здоровью, 15 изнасилований, 236 грабежей и ряд других опасных преступлений.

Все это диктует необходимость принятия самых серьезных мер по улучшению ситуации с рецидивной преступностью.

Данная проблема на протяжении практически всего XXI в. имеет повышенную остроту для нашего края, что мы неоднократно отмечали по результатам исследований региональной преступности [5, 6].

Одной из ключевых причин неблагоприятной обстановки с преступным рецидивом, на наш взгляд, является крайне негативная ситуация, сложившаяся в сфере трудовой занятости лиц, совершивших повторные преступления. Доказательством этому служит тот факт, что по итогам 2020 г. из 6045 ранее судимых преступников 4920 человек, или 81,4%, на момент совершения повторного преступления не имели постоянного источника доходов.

Такая ситуация стала возможной в результате, во-первых, личного нежелания

многих преступников работать, а во-вторых, невозможности найти себе применение и работу в новых условиях российской действительности для большей части желающих работать. Это касается как мест лишения свободы, так и условий жизни на свободе.

В соответствии со ст. 103 УИК РФ каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. Администрация исправительных учреждений обязана привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и по возможности специальности, а также исходя из наличия рабочих мест [4].

В данной норме обращает на себя внимание самая последняя позиция «а также исходя из наличия рабочих мест», введенная в эту статью в 2007 г. Именно она практически освобождает от обязанности осужденных работать в местах лишения свободы, а администрацию исправительных учреждений – от необходимости обеспечивать осужденных работой. В результате на сегодняшний день подавляющее большинство лиц, лишенных свободы, не имеют нормальной работы (доля трудоустроенных лиц на производственных объектах уголовно-исполнительной системы в общей численности лиц, подлежащих привлечению к труду, составляет 40%) [3], что ведет к потере квалификации по имеющейся профессии и отвыканию от полезной деятельности как таковой.

Но даже и та часть осужденных, которые были трудоустроены в местах лишения свободы, как уже указывалось ранее, после освобождения работу найти не могут в подавляющем большинстве случаев. Это связано с общей экономической ситуацией в стране, а особенно в Алтайском крае, где за годы реформ производственный сектор претерпел значительные негативные изменения. Такие крупнейшие промышленные гиганты, как Алтайский моторный завод, Алтайский тракторный завод, Барнаульский комбинат химических волокон, Барнаульский хлопчатобумажный комбинат, Барнаульский аппаратно-механический завод, Барнаульский завод технического углерода,

Завод синтетического волокна и целый ряд других предприятий, либо прекратили свое существование, либо сократили в разы объемы выпускаемой продукции. И это при том, что на некоторых из них работали даже не тысячи, а десятки тысяч человек. Как правило, эти предприятия имели кооперационные связи с исправительными учреждениями, где осужденные на оборудовании данных предприятий изготавливали для них комплектующие детали и имели возможность как получить нужную профессию, так и не утратить свою трудовую квалификацию. После освобождения осужденные имели возможность трудоустроиться на эти заводы, получить место в общежитии и, соответственно, зарабатывать себе на жизнь и иметь крышу над головой.

Сегодня же, по данным Министерства социальной защиты края, на территории нашего региона осуществляют деятельность некоммерческие организации, работа которых направлена на адаптацию и ресоциализацию лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.

Так, с 2019 г. Алтайская региональная общественная организация адаптации и социализации бывших осужденных «Рубикон» (АРОО «Рубикон») взаимодействует с Министерством социальной защиты Алтайского края по организации оказания помощи гражданам, освободившимся из мест лишения свободы. Совместная работа направлена на социальную адаптацию и реабилитацию бывших осужденных. Реализуемые проекты ориентированы на улучшение качества жизни лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы, попавших в трудную жизненную ситуацию. Успешно реализуется проект при поддержке Фонда президентских грантов «Адаптационный центр для бывших осужденных "Рубикон"». Благодаря проекту с начала 2019 г. порядка 380 лиц, освободившихся из мест лишения свободы, получили помощь. На проживании в центре находились 150 человек, восстановлены документы 20 гражданам, юридическую помощь получили 300 человек, из них двум оказана юридическая помощь по вопросу предоставления жилья (бывшие дети-сироты, которые его не получили вовремя). Психологическая помощь оказана 380 гражданам. Обеспечены

одеждой порядка 300 граждан. Прошли обучение в «Школе предпринимательства» 10 человек, освободившихся из мест лишения свободы [2].

Безусловно, данная работа заслуживает огромного уважения, однако полагаем, что для улучшения ситуации с преступным рецидивом в целом необходима более целенаправленная комплексная деятельность государственных органов и органи-

заций, включающая в себя работу по организации трудовой занятости как осужденных в местах лишения свободы, так и после освобождения. Такая работа необходима, потому что труд в соответствии с современным законодательством относится к одному из важнейших средств исправления осужденных, т.к. только реализовавшись в труде, человек может стать достойным и полезным членом общества.

Литература

1. В Правительстве Алтайского края состоялось заседание постоянно действующего координационного совещания по обеспечению правопорядка в регионе. URL: https://www.altaregion22.ru/territory/regions/barnaul/news/?ELEMENT_ID=928319 (дата обращения: 27.06.2021).

2. О работе по социальной адаптации бывших осужденных в Алтайском крае. URL: <https://www.aksp.ru/news/news/38874> (дата обращения: 27.06.2021).

3. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Федоров А.Ф. Современное состояние и проблемы предупреждения рецидивной преступности в Алтайском крае // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / ред. О.И. Андреева, С.А. Елисеев и др. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2020. Ч. 86. С. 119-120.

6. Федоров А.Ф. О влиянии современных социальных проблем на состояние рецидивной преступности в Алтайском крае // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы девятнадцатой междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д.Л. Проказина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. Ч. 2. С. 41-43.

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Д.Ю. Фисенко,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России

Одним из современных направлений гуманизации уголовной политики России является активное применение некарательных средств воздействия на лиц, совершивших преступление. Как показывает практика, далеко не всегда карательные меры уголовно-правового воздействия, применяемые в отношении лиц, совершивших преступные деяния, достигают целей уголовной ответственности и наказания, что из года в год подтверждается статистическими данными рецидивной преступности. Их применение, особенно в отношении тех лиц, которые виновны в преступлениях, не представляющих большой общественной опасности для общества, зачастую нецелесообразно и чревато серьезными негативными последствиями. Для таких правонарушителей достаточными оказываются формы реализации уголовной ответственности, не связанные с реальным отбыванием наказания, в числе которых особое место занимает условное осуждение.

Условное осуждение активно применялось весь советский период, равно как и в настоящее время оно нашло достаточно широкое применение в отечественной судебной практике при назначении уголовного наказания. Согласно статистическим данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации на протяжении последних 6 лет доля применения судами условного осуждения ежегодно составляет от 25 до 30% от общего количества осужденных [4].

Между тем, несмотря на внушительный практический опыт применения, наличие значительного объема теоретических знаний и научных исследований, посвященных институту условного осуждения, в отечественной уголовно-правовой доктрине вплоть до сегодняшних дней многие теоретические аспекты и вопросы реализации

условного осуждения не нашли отражения на законодательном уровне, в связи с чем продолжают порождать споры среди юристов как в науке, так и на практике.

Среди прикладных проблем реализации условного осуждения хотелось бы особо выделить проблему исполнения условно осужденным лицом в период испытательного срока обязанностей, возложенных на него судом в связи с условным осуждением.

В действующем уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве практически не регламентируются вопросы исполнения условного осуждения. Так, в ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [6] лишь упоминается о том, что «контроль за поведением условно осужденного осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом, а в отношении военнослужащих – командованием воинских частей и учреждений». Кроме того, установлено право контролирующего органа направлять в суд представление о полной либо частичной отмене или же о дополнении перечня обязанностей условно осужденного, ранее установленного судом. В то время как в ст. 74 УК РФ отражены только правовые последствия неисполнения условно осужденным таких обязанностей в период испытательного срока.

Несмотря на то, что в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее – УИК РФ) [5] содержится самостоятельный раздел VIII и глава 24, посвященные вопросам осуществления контроля за условно осужденными, к сожалению, по содержанию они во многом лишь дублируют положения уголовного закона, незначительно дополняя положения ст. 73 и 74 УК РФ в части особенностей исчисления испытательного срока (ст. 189 УИК РФ) и конкретизации категории органов и долж-

ностных лиц, ответственных за осуществление контроля за поведением условно осужденных (ч. 2 ст. 187, ч. 1 ст. 188 УИК РФ).

Стоит заметить, что на уровне разъяснений Высшей судебной инстанции России вопросы исполнения условного осуждения также остались без должного внимания. Так, вопросы реализации условного осуждения освещены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58, однако лишь в части порядка его назначения, но не исполнения [2].

Таким образом, в настоящее время основная часть вопросов, связанных с реализацией и непосредственным исполнением условного осуждения, остается фактически не урегулированной правовыми нормами. Например, в законе в ч. 2-3 ст. 74, а также в ст. 190 УИК РФ отмечается, что «в случае уклонения условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей, суд вправе продлить такому лицу испытательный срок или же вовсе отменить условное осуждение». Между тем ни в УК РФ, ни в УИК РФ не раскрывается перечень уважительных причин, при наличии которых неисполнение условно осужденным возложенных на него судом обязанностей исключало бы применение к нему указанных выше негативных последствий.

Не стоит исключать возможность возникновения жизненных ситуаций, в силу наличия которых условно осужденный по объективным причинам не может выполнить возложенные на него судом обязанности. В частности, к ним можно отнести, например, тяжелую болезнь самого условно осужденного лица, а равно болезнь его родственников или иных близких лиц, обуславливающую необходимость осуществления за ними постоянного ухода, что особенно актуально в современных социальных реалиях в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, и пр. Однако современный законодатель не дифференцирует причины неисполнения условно осужденными обязанностей в период испытательного срока, возложенных на них судом. Соответственно, условно осужденный, не выполнивший, к примеру, обязанность не менять постоянного места жительства в

связи с тем, что был госпитализирован в медицинскую организацию, и условно осужденный, умышленно не исполнивший аналогичную обязанность и целенаправленно скрывающийся от контролирующих органов, оба формально признаются лицами, уклоняющимися от исполнения обязанностей, возложенных на условно осужденных судом, и к ним обоим будут применены меры ответственности, предусмотренные законом.

В то же время вопросы непосредственной реализации очень схожего по своей сущности правового института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, получили полноценное отражение в самостоятельном нормативно-правовом акте – федеральном законе «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», где детально прописан порядок продления, осуществления и прекращения административного надзора, а также права и обязанности поднадзорного лица, полномочия органа, осуществляющего административный надзор. В том числе в ч. 3 ст. 12 указанного федерального закона приведен перечень исключительных личных обстоятельств, при наличии которых поднадзорное лицо имеет право нарушить ряд установленных ему судом ограничений. К их числу отнесены: «смерть или угрожающая жизни тяжелая болезнь близкого родственника; необходимость получения поднадзорным лицом медицинской помощи; невозможность дальнейшего проживания поднадзорного лица по месту жительства, пребывания или фактического нахождения в связи со стихийным бедствием или иными чрезвычайными обстоятельствами» и т.д. [3].

Необходимо отметить, что характер запретов и ограничений, возлагаемых на лицо, в отношении которого судом установлен административный надзор, и обязанностей, назначаемых судом условно осужденному лицу на период испытательного срока, во многом схож, а некоторые их виды даже аналогичны. Более того, в соответствии с приказом МВД России «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом адми-

нистративном участке и организации этой деятельности» непосредственный контроль за соблюдением запретов и ограничений, установленных для указанных выше категорий лиц, осуществляет один и тот же контролирующий субъект – участковый уполномоченный полиции [1]. Принципиальное отличие рассматриваемых двух правовых институтов состоит в основаниях назначения и, соответственно, категории лиц, в отношении которой они применяются, а также в правовых последствиях нарушения ограничений, которыми сопровождается их применение. Обозначенная выше схожесть институтов условного осуждения и административного надзора вызывает еще большее негодование относительно столь неравномерного подхода законодателя к отдельным вопросам правового регулирования.

Представляется, что в целях обеспечения законности, справедливости и индивидуализации при реализации условного осуждения на законодательном уровне следует детально урегулировать вопросы ис-

полнения условного осуждения, в частности, вопросы исполнения условно осужденным лицом в период испытательного срока обязанностей, возложенных на него судом в связи с условным осуждением, как это было сделано законодателем в отношении института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Безусловно, речь не идет о необходимости принятия самостоятельного нормативно-правового акта, посвященного различным аспектам назначения, применения и исполнения условного осуждения, т.к. большинство вопросов, связанных с назначением, продлением, досрочным прекращением условного осуждения, уже отражены в УК РФ и разъяснены Верховным Судом Российской Федерации в постановлениях. Целесообразно было бы подробно и основательно отразить положения, касающиеся исполнения условного осуждения в главе 24 раздела VIII УИК РФ, что позволило бы устранить ряд имеющихся на сегодняшний день пробелов и противоречий в законе, теории и практике.

Литература

1. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
2. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 28.06.2021).
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
6. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

КРИМИНОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ РЕГИОНАЛЬНУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

П.Д. Фризен,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Кроме терминов «причины преступности» и «условия преступности», в криминологии используются также «обстоятельства преступности» и «факторы преступности». Если не вдаваться в тонкости, то два последних термина во многом схожи, часто совпадают по содержанию, в силу чего криминологи рассматривают их как тождественные.

Существует немало оснований классификации факторов, обуславливающих как общероссийскую, так и региональную преступность. Некоторые из факторов совпадают, однако могут по-разному проявляться как по степени активности, так и приоритетности на различных уровнях территориального пространства, другие – присущи только региональной преступности [4, с. 29].

К факторам, определяющим преступность в российском обществе в целом, следует отнести: экономические; политико-правовые; организационно-управленческие; социально-демографические; состояние общественной нравственности, культуры, воспитательного потенциала общества и др.

а) экономические: приватизация государственной собственности в 90-е гг.; стремление государственных корпораций и бизнеса к максимальной прибыли любой ценой; массовая безработица и чудовищное расслоение населения; социальная безответственность и алчность олигархического бизнеса; системная коррупция; несправедливость в распределении общественного продукта и др. [1, с. 13-15];

б) политико-правовые: формирование уголовной политики в интересах олигархов; отсутствие криминологической обоснованности процессов криминализации и декриминализации; недостатки в государственном управлении и устройстве; кризис в межнациональных и религиозных отноше-

ниях; дестабилизация законности и правопорядка; нестабильность и противоречивость действующего законодательства; паралич системы правоохранительных и судебных органов и др.;

в) организационно-управленческие: кадровые перемены и коррупция в высших властных структурах, прежде всего, в правоохранительных органах; регулярные «псевдореформы» в силовых структурах, сокращение штатов, финансирования и т.п.; уничтожение профессионализма сотрудников и подрыв доверия населения к ним; недостатки в государственном управлении и устройстве [2, с. 129-133]; разрастание и бюрократизация государственного аппарата; паралич системы законодательной и исполнительной власти и др.;

г) социально-демографические: негативные тенденции демографических процессов; уменьшение численности населения за счёт снижения рождаемости, роста смертности, оттока части россиян за границу; ухудшение физического и психического здоровья, особенно детского; снижение жизнеспособности и продолжительности жизни (М – 68 л., Ж – 74 г.); широкая распространённость алкоголизма и наркомании; снижение правового сознания и духовного «здоровья» населения и др.;

д) состояние общественной нравственности, культуры, воспитательного потенциала общества: формирование бездуховности, нигилизма и негативизма; пропаганда насилия, насаждение порнографии, вседозволенности в СМИ; лицемерие, аморализм, забвение патриотического воспитания подрастающего поколения; внедрение в сознание людей антикультуры, антиискусства, аморализма и др.

Отмеченные факторы, безусловно, активно проявляются и в региональной преступности и влияют на неё, одни непосред-

ственно, другие – опосредованно через специфический жизненный уклад, национально-религиозные традиции населения, географическое расположение региона: а) одни в центральной части России; б) другие на её окраинах; в) третьи, граничащие с сопредельными государствами; г) четвёртые, имеющие выходы к морским границам; д) пятые – городские и сельские и т.д.

В этой связи требуется изучение региональной преступности, а не преступности в регионе, как это всегда делается. Такое исследование невозможно без знаний, например, регионоведения. Это комплексная, интегральная социально-экономическая наука, изучающая закономерности процесса формирования (включая управление) социально-экономической системы региона (субъекта Российской Федерации) с учетом исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в общероссийском и международном разделении труда [3, с. 9].

К.Т. Ростов утверждает, что анализ и оценка воздействия внутри региональных факторов на преступность позволяет их конкретизировать и систематизировать:

а) особенности построения и функционирования территориальной производственной системы; городская планировка, характер застройки и размещение объектов социальной инфраструктуры;

б) возрастание плотности городского населения, ведущее к «тесноте» социальной среды, способствует повышению вероятности конфликтных, виктимологических ситуаций и в конечном итоге росту преступности;

в) различие в численности мужчин криминального возраста проявляется в интенсивности и характере преступности (при наметившейся тенденции феминизации преступности);

г) снижение уровня жизни населения, рост числа безработных, дифференциация на бедных и богатых, алкоголизм, наркомания, социальный паразитизм расширяют социальную базу преступности;

д) усложнение криминальной ситуации происходит за счет высокой преступной активности нелегальных и вынужденных мигрантов из других регионов России и других стран [5, с. 34].

Таким образом, можно говорить о наличии в пределах региона специфического территориально-криминогенного комплекса, вследствие чего преступность в одном регионе отличается от состояния преступности в других регионах России. Для этого следует начинать с построения логической модели устройства региона как системы взаимодействующих между собой элементов, в т.ч. подсистем криминогенных и антикриминогенных факторов.

Важно из множества действующих в регионе факторов выделить те из них, которые: во-первых, формируют и поддерживают подсистему антикриминогенных факторов, сложившихся в регионе; во-вторых, выявляют и описывают подсистему криминогенных факторов, обуславливающих преступность в регионе; в-третьих, позволяют понять специфику взаимодействия этих подсистем в рамках функционирования социально-экономической системы региона в целом.

При этом не следует упускать из виду вектор социально-экономического развития отдельного региона, поддерживая позитивные тенденции и закономерности развития социально-экономических процессов, с описанием и оценкой общей роли и значения каждого фактора, способного влиять на преступность как с положительной, так и с отрицательной стороны.

Литература

1. Ботвин И.В. Особенности криминологической характеристики преступлений в сфере экономики (по материалам Алтайского края) // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник статей межведомственного круглого стола, регионального круглого стола и Всероссийской науч.-практ. конф. Орёл, 2020. С. 13-15.

2. Ботвин И.В. Рейдерский захват с использованием возможностей государственных структур: особенности предупреждения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 129-133.

3. Игнатов В.Г., Бутов В.И. Регионоведение (экономика и управление): учебное пособие. М., 2000. 416 с.

4. Прогнозирование и противодействие региональной преступности (по материалам Алтайского края): монография / под общей ред. Р.М. Абызова. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. 152 с.

5. Ростов К.Т. Преступность в регионах России (социально-криминологический анализ). СПб., 1998. 244 с.

КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

О.М. Шаганова,

кандидат юридических наук

Барнаульский юридический институт МВД России

Общеизвестно, что факты семейного неблагополучия в отношении несовершеннолетних в последующем влияют на становление их личности в отрицательную сторону, поскольку способствуют укоренению в характере жестокости, склонности к девиантному поведению, употреблению наркотикосодержащих веществ, алкоголесодержащих напитков и т.п. [3, с. 127-140; 1, с. 179-183]. Официальная статистика подтверждает наличие подобных проявлений в Алтайском крае. В частности, в отношении несовершеннолетних в 2016 г. было совершено 1753 преступления, при этом членами семьи – 969, в т.ч. родителями – 816; в 2017 г. – 1793, членами семьи – 1001, родителями – 911; в 2018 г. – 2032, членами семьи – 1107, родителями – 1065; в 2019 г. – 2022, членами семьи – 1134, родителями – 1075; в 2020 г. – 2019, членами семьи – 1094, родителями – 1017 преступлений¹. Таким образом, можно отметить, что более чем в половине случаев от всех преступле-

ний, где потерпевшим является несовершеннолетний, виновными выступают члены семьи.

В российском законодательстве органы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних представлены широким перечнем [2]. Одним из них предстает комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН и ЗП).

КДН и ЗП осуществляют работу с такими лицами, как:

- несовершеннолетние и семьи, находящиеся в социально опасном положении;
- дети-сироты, дети из опекунских семей, безнадзорные, беспризорные дети;
- несовершеннолетние, склонные к употреблению спиртных напитков, наркотических и токсических веществ, имеющие условную меру наказания, не работающие и не обучающиеся и др.

Работа КДН и ЗП в Алтайском крае осуществляется на основе перспективного и текущего планирования по следующим основным направлениям:

¹ Данные ГИАЦ МВД России.

- обеспечение взаимодействия, координация работы учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

- своевременное выявление семей и несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении;

- выявление случаев жестокого обращения с детьми. Оказание социально-реабилитационной помощи несовершеннолетним, подвергшимся насилию и жестокому обращению;

- организация индивидуально-профилактической работы с данной категорией семей и несовершеннолетних;

- пропаганда здорового образа жизни, повышение нравственности, культуры среди детей и молодежной среды;

- организация занятости детей и подростков;

- выявление несовершеннолетних в общественных местах, в которых не допускается нахождение детей без сопровождения взрослых в ночное время, в рамках реализации закона Алтайского края от 07.12.2009 № 99-ЗС «Об ограничении пребывания несовершеннолетних в общественных местах на территории Алтайского края» [4];

- предупреждение повторной преступности среди несовершеннолетних, состоящих на учете в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Так, сотрудниками КДН и ЗП Алтайского края постоянно организуются и проводятся профилактические мероприятия: «Подучетник», «Малыш», «Каникулы», «Соберем детей в школу», «Здоровый образ жизни», «Неформал», «День правовой помощи детям». В ходе таких мероприятий проводятся беседы с несовершеннолетними и их родителями по месту учебы подростков, рейды по семьям, находящимся в социально опасном положении, с целью контроля за условиями проживания подростков в семье, их занятостью, а также оказания социальной помощи.

Кроме того, организуются групповые занятия с подростками, находящимися в социально опасном положении, в т.ч. в дистанционной форме, такие как: творческие

занятия (мастер-класс), реабилитационные летние группы «Крепость», участие в конкурсах: «Большая перемена», «Добро не уходит на каникулы» и т.п. В рамках деятельности «Российское движение школьников» для таких детей проводятся акции: «Лето с РДШ», «Назад в детство», «Русские рифмы», «Познавай Россию» и ряд других.

В летний период времени контроль за несовершеннолетними, находящимися в социально опасном положении, ежедневно осуществляется по месту жительства специалистами органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также за закрепленными членами комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

К положительным результатам проводимой КДН и ЗП деятельности с несовершеннолетними и их семьями в Алтайском крае с 2018 по 2020 гг. можно отнести:

1) снижение количества рассматриваемых административных дел по ст. 6.1.1 КоАП РФ – с 7887 правонарушений до 6233 (темп прироста к 2020 г. составляет 21,0%);

2) снижение количества рассматриваемых административных дел по ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ – с 8501 правонарушений до 4845 (темп прироста к 2020 г. -43,0%);

3) снижение количества рассматриваемых административных дел по ст. 20.21 КоАП РФ – с 31 035 правонарушений до 14 685 (темп прироста к 2020 г. -52,7%);

4) снижение количества рассматриваемых административных дел по ст. 5.35 КоАП РФ – с 12 118 правонарушений до 10 733 (темп прироста к 2020 г. -11,4%)¹.

Однако, несмотря на ряд профилактических мероприятий, проводимых КДН и ЗП в Алтайском крае, и достигнутые успехи, отдельные факты семейного неблагополучия продолжают не просто иметь место, но и нарастать. Например, с 2018 по 2020 г. увеличилось:

- количество вовлечений несовершеннолетних в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, совершаемых родителями или иными закон-

¹ Данные ГИАЦ МВД России.

ными представителями несовершеннолетних, а также лицами, на которых возложены обязанности по обучению и воспитанию несовершеннолетних – с 507 до 568 правонарушений (темп прироста к 2020 г. +12,0%);

- вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции, совершенное родителями или иными закон-

ными представителями несовершеннолетнего, – с 242 до 260 правонарушений (темп прироста к 2020 г. +7,4%).

Полагаем, что для эффективного снижения уровня семейного неблагополучия в отношении несовершеннолетних необходимы комплексные мероприятия КДН и ЗП и иных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Литература

1. Комплексный анализ криминальной ситуации в регионе: теория, методология, практика: монография / под общ. ред. Р.М. Абызова. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018.

2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

3. Репьева А.М., Шаганова О.М. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: детерминанты и меры предупреждения (на материалах Алтайского края) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 1.

4. Собрание законодательства Алтайского края. 2009. № 164. Ч. 1. Ст. 51.

К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

О.А. Шатилова,

кандидат исторических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Многообразие ситуаций, связанных с необходимой обороной, неизбежность субъективных оценок действий обороняющегося лица являются причинами квалификационных ошибок. Напомним, что условиями правомерности необходимой обороны являются: общественно опасный характер посягательства; осуществление обороны путем причинения вреда только посягающему; оборона осуществляется от реального посягательства, а не мнимого; своевременность и соразмерность защиты степени и характеру посягательства. Все, что выходит за рамки условий необходимой обороны, будет считаться превышением пределов необходимой обороны. И если первые

4 пункта не дают сомнений, то всегда ли соразмерность – соответствие характера защиты – будет учитываться одинаково?

Законодатель установил, что действия в целях защиты не будут считаться неправомерными, если они будут соответствовать характеру и опасности посягательства (ч. 2 ст. 37 УК РФ). Как себя защищать в тех или иных случаях? Законодатель не закрепил это в нормах уголовного права, и нет каких-либо иных нормативно-правовых актов, которые бы разъясняли, как правильно оценить действия в той или иной ситуации.

В данный момент решение правосудия на предмет превышения пределов необходимой обороны или ее правомерности ле-

жит на плечах судей. Ведь бывают случаи, когда на кулаки мало будет ответить кулаками.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» пытается разъяснить положения ст. 37 УК РФ о необходимой обороне и объяснить, при каких конкретных посягательствах будет состояние необходимой обороны. В частности, в нем говорится о ранении в живот и другие жизненно важные органы, применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т.п.

Но анализ судебной практики подтверждает неясность оценки, критериев, показателей обоснованности состояния

необходимой обороны, что приводит к разным оценкам однотипной ситуации. Практика показывает, что однозначного понимания пределов состояния необходимой обороны у российских судов нет. Каждый суд по-разному оценивает идентичные ситуации и выносит различные решения. Отсюда следует, что главной проблемой является определение пределов необходимой обороны, той грани, при превышении которой устраняется общественная полезность действий обороняющегося, вследствие чего действия становятся преступными.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что проблема правомерности необходимой обороны вытекает из-за нечетких, «размытых» разъяснений норм о необходимой обороне, а также из-за субъективной оценки обстоятельств.

Литература

1. Кудакова К.С. Необходимая оборона и защита личности от уголовной ответственности // Территория науки. 2016. № 4. С. 173-175.
2. Куксин И.Н. Современные трактовки необходимой обороны как обстоятельства, исключаящего преступность деяния // Вестник Московского педагогического университета. Юридические науки. М.: Московский городской педагогический университет. 2013. № 2. С. 54-55.

ПРИЗНАК ЗАВЕДОМОСТИ В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 299 УК РФ

Е.С. Щербинин

Барнаульский юридический институт МВД России

Конструкция уголовно-правовых норм в Уголовном кодексе РФ предусматривает использование в тексте закона прямого указания на конкретные субъективные и (или) объективные признаки. Данные признаки необходимы для квалификации деяния, а также для установления самого события преступления. Одним из таковых является заведомость, как справедливо отмечает Е.А. Аначкина, «...объективно-субъективный характер

которой, юридическая сущность, место в составе преступления и практическое значение нуждаются в самостоятельном исследовании» [1, с. 162].

Признак заведомости в УК РФ присутствует в трети норм Особенной части, но, несмотря на столь частое использование, нет однозначного подхода к его пониманию. Законодатель не дает определения данного признака в Уголовном кодексе и иных нормативных документах, что являет-

ся поводом для его научной трактовки и научного обоснования. Так, разные источники для квалификации разных видов преступлений предлагают свои определения понятия заведомости [3, с. 75].

Одной из норм, использующих это понятие, является ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности». Диспозиция ч. 1 данной нормы простая и является назывной. Принято считать, что простые диспозиции применяются в случаях, когда признаки преступного деяния очевидны и не нуждаются в подробном описании в тексте статьи Особенной части УК РФ [6, с. 95]. Но необходимо отметить, что ежегодное количество реабилитированных за незаконное уголовное преследование, а также количество постановлений о возбуждении уголовного дела, отмененных прокуратурой, исчисляются сотнями и тысячами соответственно, а возбужденных уголовных дел за незаконное уголовное преследование единицы. При этом нельзя утверждать, что в каждом случае имеет место умышленное незаконное уголовное преследование со стороны правоохранительных органов. Существует и ряд иных причин: слабая профессиональная подготовленность, недостаточные знания закона, неверное истолкование фактических обстоятельств дела, неверная оценка собранных доказательств и др. Но в то же время говорить о том, что уголовное преследование на этапе предварительного расследования всегда осуществляется в полной мере и с соблюдением законности, также затруднительно.

Обратимся к значению слова «заведомость». По словарю С.И. Ожегова, «заведомый» – хорошо известный, несомненный [5, с. 177], а в словаре Т.Ф. Ефремовой дополнительным определением выступает «*заранее* известный, явный» [2]. Таким образом, можем определить понятие «заведомость» как явное, несомненное, заранее хорошо известное знание чего-либо. То есть применительно к нашей норме (ст. 299 УК РФ) под заведомостью следует понимать знание субъекта о невиновности потерпевшего заранее.

На наш взгляд, стоит согласиться с мнением А.Г. Лебедева о том, что при толковании слова «заведомость» необходимо

учитывать два аспекта. Первый – это наличие у субъекта ясного представления того или иного явления, второй – что это представление появилось заранее [4, с. 211].

В первом случае субъекту в полной мере известно, что уголовное преследование и все вытекающие из него обстоятельства происходят безосновательно. Он осознает общественно опасный характер действий, нарушающих права и законные интересы потерпевшего, а также обладает информацией об отсутствии события преступления, о непричастности лица к совершению преступления либо об отсутствии состава преступления.

Вместе с тем, говоря о предварительной (заранее) осведомленности субъекта уголовного преследования о невиновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, необходимо отметить, что, если следователь, дознаватель или прокурор не обладают заранее известной им информацией о невиновности привлекаемого лица, очевидно, что говорить об осознанном нарушении законности и общественной опасности их действий вряд ли возможно. Из этого следует логичный вывод, что осознание общественной опасности возможно только с момента, когда становится известно о непричастности, невиновности лица, в отношении которого ведется уголовное преследование.

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить, что признак заведомости в диспозиции ч. 1 ст. 299 УК РФ свидетельствует только о прямом умысле совершаемого деяния, исключает косвенный умысел и неосторожную форму вины. Если в действиях лица отсутствует прямой умысел, то квалификации по данной норме не последует в связи с отсутствием состава преступления. При этом на этапе предварительного расследования очень важно установить степень и момент осведомленности лица (субъекта уголовного преследования) о невиновности потерпевшего. От данных обстоятельств зависит степень осознания общественной опасности своих действий лицом, ведущим незаконное уголовное преследование, наличие прямого умысла и признака заведомости в целом. Если соотносить момент появления осведомленности о не-

виновности потерпевшего с этапами расследования, то можно говорить, что сведения о невинности лица сотрудником, ведущим расследование, и осознание общественной опасности своих действий должно состояться до принятия процессуального решения или выполнения каких-либо действий, направленных на уголов-

ное преследование (например, принятие решения о привлечении в качестве обвиняемого). Мотивы же этого преступного деяния могут быть различны, но в большинстве случаев это личная неприязнь к потерпевшему, желание повысить показатели, продвинуться по карьерной лестнице, корыстная заинтересованность.

Литература

1. Аначкина Е.А. Критерии определения признака «заведомость» при конструировании уголовно-правовых запретов // Идеи и принципы Всеобщей декларации прав человека: состояние и перспективы реализации, национальный и международный опыт (к 70-летию принятия Всеобщей декларации прав человека и 25-й годовщине принятия Конституции РФ): материалы ежегодной Всероссийской науч.-практ. конф. Иваново, 2018. С. 162-167.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
3. Иванов А.Г. Значение признака «заведомость» в установлении умысла // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 2. С. 74-81.
4. Лебедев А.Г. Привлечение заведомо невинного к уголовной ответственности по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 246.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. д.ф.н., проф. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1982. 816 с.
6. Симоненко А.А. Уголовно-правовое противодействие заведомо незаконному уголовному преследованию: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 235.

ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДОВ РОССИИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л.В. Яковлева,

доктор юридических наук, доцент

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

В истории каждого народа происходят события, которые считаются героическими, позволяющими гордиться теми, кто совершил подвиги во имя своего Отечества. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. (далее – ВОВ) все дальше уходит в прошлое. На протяжении десятилетий после ее завершения в мире не возникало сомнений в том, кто одержал Победу над фашизмом, какое государство заплатило самую высокую цену за освобождение народов от порабощения. Однако в последние годы событиям тех далеких

лет пытаются дать иную оценку, и этому пересмотру истории необходимо противостоять любыми имеющимися в распоряжении государства средствами, включая привлечение виновных к уголовной ответственности.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) начиная с 2014 г. постепенно сформировалась группа норм, направленных на охрану исторической памяти народов России. Эта группа включает в себя предписания, запрещающие: реабилитацию нацизма; распространение заведомо

ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны; уничижительные высказывания в отношении дней воинской славы, памятных дат России, связанных с защитой Отечества; осквернение символов воинской славы России; оскорбление памяти защитников Отечества; унижение чести и достоинства ветеранов ВОВ, а равно распространение заведомо ложных сведений о них; уничтожение либо повреждение воинских захоронений, мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов, в т.ч. в период ВОВ, либо посвященных лицам, защищавшим Отечество или его интересы в период ВОВ, а также связанных с днями воинской славы России.

Большинство из перечисленных запретов закреплены в ст. 354.1 УК РФ, которая была включена в УК РФ в 2014 г. и подверглась существенным дополнениям в 2021 г. При этом правовая регламентация предусмотренных в данной статье действий нуждается в корректировке. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни первоначальная редакция статьи, ни действующая не соответствуют названию статьи.

К реабилитации нацизма можно отнести только отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, перечисленных этим приговором. Распространение любых заведомо ложных сведений о ком-то или о чем-то является клеветой. В связи с этим из ч. 1 ст. 354.1 УК РФ следует исключить упоминание о клеветнических сведениях и дополнить УК РФ новой статьей, в которой установить соответствующий запрет. Действующая ст. 128.1 УК РФ для этой цели не подходит, поскольку ею устанавливается уголовная ответственность за клевету в отношении человека как личности. Клевета о ветеранах ВОВ или деятельности целого государства в определенный исторический период имеет иное значение. Здесь умаляется честь и достоинство человека не только как личности, но и как носителя определенных социальных качеств – его участие в военных событиях. Аналогично и репутация страны

подвергается критике за те действия, которые были предприняты в военное время, чтобы отразить агрессию и победить. Поскольку определяющей в противодействии такого рода клевете являются нравственные устои общества, историческая память как феномен культуры духовной [8, с. 225], соответствующую статью следует разместить в главе 25 УК РФ.

Также в новую статью главы 25 УК РФ необходимо перенести все положения, содержащиеся в ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, ввиду того, что по сути они представляют собой оскорбительные по содержанию действия. Предложение включить распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России в ст. 213 УК РФ, а осквернение символов воинской славы России перенести в ст. 214 УК РФ, сомнительно [6, с. 49]. Названные деяния посягают не на общественный порядок, а на духовные и нравственные ценности общества, поэтому и должны находиться в главе 25 УК РФ.

Из всех статей, устанавливающих ответственность за посягательства на историческую память народов России, наиболее логичной и наименее противоречивой выглядит ст. 243.4 УК РФ. Однако, как представляется, закрепление в ней в качестве криминообразующего признака состава преступления цели совершения деяний – причинение ущерба историко-культурному значению перечисленных в ней объектов – меняет смысл и значение данной статьи. По ст. 243.4 УК РФ уголовному преследованию подлежат лица, уничтожающие или повреждающие воинские захоронения, мемориальные комплексы или сооружения, воздвигнутые в память погибших или защищавших Отечество либо в честь дней воинской славы России, в т.ч. во время ВОВ. Установление цели сводит охрану указанных объектов к обеспечению неприкосновенности только их внешнего облика. Между тем смысл ст. 243.4 УК РФ иной. Она охраняет историческую память о событиях и людях, которые пожертвовали собой или сделали все возможное ради спасения Родины. При таком подходе возникает вопрос в целесообразности включения ст. 243.4 УК РФ в УК РФ в существующей редакции. Можно было бы дополнить соот-

ветствующим квалифицирующим признаком ст. 243 УК РФ, которой охватываются аналогичные со ст. 243.4 УК РФ действия, но только не ограниченные никакими целями. Для обретения ст. 243.4 УК РФ истинного смысла следует исключить из ее диспозиции указание на цель.

Вместе с тем до включения в УК РФ ст. 243.4 УК РФ противоправные действия с местами погребения советских воинов, павших в боях с фашизмом, или иных жертв фашизма квалифицировались по п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ. Уголовной ответственности подлежали не только уничтожение или повреждение таких памятных мест, но также и их осквернение. С перенесением этого пункта в измененной редакции из ст. 244 УК РФ в ст. 243.4 УК РФ осквернение памятников павшим во время ВОВ оказалось декриминализованным, несмотря на то, что такого рода происшествия происходят, вызывая широкий общественный резонанс [5], но квалифицировать их ни по одной из статей УК РФ, где установлена ответственность за осквернение различных объектов (ст. 214, 244, 354.1 УК РФ), нельзя. Следовательно, для восполнения образовавшегося правового пробела необходимо дополнить диспозицию ч. 1 ст. 243.4 УК РФ этим альтернативным действием.

Еще одной проблемой, связанной с установлением уголовной ответственности за посягательства на историческую память народов России, является неопределенность использованного законодателем понятийного аппарата. В первую очередь, необходимо определиться с терминами, примененными в ст. 354.1 УК РФ, особенно с основным – «нацизм» [3, с. 158]. Нормативное определение нацизма отсутствует. Законодателями предпринимались попытки раскрыть в федеральном законе данное понятие и понятие реабилитации нацизма [7]. Из-за большого количества замечаний проект был снят с рассмотрения Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, однако уже тогда было подчеркнуто, что термин «реабилитация» как означающий восстановление в правах конкретных лиц или народов вряд ли корректно применять к идеологии (доктрине), в качестве которой определялся нацизм [2]. В связи с

этим представляется перспективным изменение названия ст. 354.1 УК РФ, однако вряд ли предлагаемое некоторыми авторами «Оправдание нацизма» [1, с. 498] будет отражать заложенный в ст. 354.1 УК РФ смысл. Представляется, правильнее было бы назвать ст. 354.1 УК РФ «Пропаганда (или оправдание) нацизма», дав легальное толкование термина «нацизм».

Нуждается в нормативном закреплении и термин «символ воинской славы России». На интернет-сайте военной геральдики Министерства обороны Российской Федерации представлены официальные государственные и воинские символы [4], но они не идентичны закреплению в ст. 354.1 УК РФ термину. Высказывались предложения относить к символам воинской славы все предметы, ассоциирующиеся с героической военной историей России – от военных медалей и орденов до военных памятников и ритуалов Вооруженных Сил Российской Федерации [9, с. 23]. При таком подходе невозможно будет разграничить преступления, где в качестве предметов выступают те, которые предлагается считать символами воинской славы, ответственность за посягательства на которые уже закреплена в различных статьях УК РФ.

Отмеченными недостатками не исчерпываются все дефекты правовых конструкций норм, призванных охранять интересы личности, общества и государства от неправомерного пересмотра оценки событий ВОВ, ее итогов, от незаконного воздействия на предметы, олицетворяющие величие подвига советского народа. В частности, необходимо разработать критерии ограничения новых результатов научных изысканий от фальсифицированных сведений о войне, определить, что формирование негативного образа фашистов в художественных, публицистических произведениях не должно подвергаться уголовному преследованию и др.

Вместе с тем предлагаемые в статье изменения законодательной регламентации уголовной ответственности за посягательства на историческую память народов России позволят сформировать системно обусловленную и внутренне единую группу норм, способных без конкуренции и коллизий противостоять попыткам ревизовать историю нашего государства.

Литература

1. Егорова Н.А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 494-503.
2. Заключение Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции по проекту федерального закона № 504872-6 «О противодействии реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Левандовская М.Г. Реабилитация нацизма как преступление // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 155-162.
4. Министерство обороны Российской Федерации. Военная геральдика. Сборник официальных государственных и воинских символов. URL: <https://heraldy.mil.ru/heraldy/symbolics.htm> (дата обращения: 15.06.2021).
5. Мотренко Е. Всё терпит: почему выходы у Вечного огня происходят всё чаще. URL: <https://iz.ru/1101717/elena-motrenko/vse-terpit-pochemu-vykhodki-u-vechnogo-ognia-proiskhodiat-vse-chashche> (дата обращения: 17.05.2021).
6. Пестерева Ю.С., Пошелов П.В. К вопросу о юридических дефектах ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 3. С. 47-51.
7. Проект федерального закона № 504872-6 «О противодействии реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Савруцкая Е.П., Устинкин С.В. Историческая память как фактор национальной безопасности // Власть. 2019. № 6. С. 225-231.
9. Червонных Е.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьей 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 21-27.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абызов Р.М.</i> К вопросу о диагностике региона, его объектов и явлений, связанных с преступностью	3
<i>Акиев А.Р.</i> Криминологический анализ торговли людьми	8
<i>Бабурин В.В.</i> Анализ состояния преступности как основа организации борьбы с преступностью и предупреждения преступлений в регионе	11
<i>Бархатова Е.Н.</i> Уголовно-правовой анализ норм о пособничестве террористической деятельности.....	14
<i>Ботвин И.В.</i> Экономические детерминанты преступности в современной России.....	16
<i>Брагина А.Г.</i> Сотрудники Росгвардии как потерпевшие от преступлений, предусмотренных ст. 317 и 318 Уголовного кодекса Российской Федерации (по материалам Алтайского края)	18
<i>Бражин Ю.Ю.</i> Особенности определения предмета служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение».....	20
<i>Булгакова В.Р.</i> О делящемся характере преступления, связанного с использованием поддельного официального документа	23
<i>Винокуров В.Н.</i> Вопросы квалификации хищения имущества у двух и более потерпевших	25
<i>Глебова Е.П.</i> Общественная опасность деяний, направленных на воспрепятствование оказанию медицинской помощи	27
<i>Дорожнинский А.А.</i> Актуальные вопросы контроля, осуществляемого уголовно-исполнительными инспекциями за осужденными без изоляции от общества.....	29
<i>Дубов Е.И.</i> Объект криминальных посягательств в сфере возврата просроченной задолженности	32
<i>Егорова Т.И., Курбатова Г.В.</i> Вопросы корыстной мотивации преступлений сотрудников уголовно-исполнительной системы	35
<i>Ермаков С.В.</i> Деяние в составе превышения должностных полномочий: проблемы толкования закона.....	38
<i>Ермакова О.В.</i> Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: современная регламентация в УК РФ.....	40
<i>Журавлева И.А.</i> Несоответствие преступлений с административной преюдицией принципам уголовного законодательства	42
<i>Заварыкин И.Н., Бугров М.С.</i> Некоторые проблемы противодействия насильственным бытовым преступлениям участковыми уполномоченными полиции в Алтайском крае.....	45
<i>Карпов К.Н.</i> Особенности действия отдельных норм УК РФ в отношении лиц, совершивших преступления за пределами Российской Федерации	47
<i>Квасников Е.С.</i> Развитие уголовно-правовых норм об охране труда в законодательстве России	49
<i>Козун А.В., Щеглов А.И.</i> Некоторые проблемы криминологического прогнозирования в деятельности участкового уполномоченного полиции	52
<i>Курсаев А.В.</i> Посредничество в коммерческом подкупе, не достигшем значительного размера	55
<i>Лоос Е.В.</i> Хулиганство, совершенное с применением насилия к гражданам либо с угрозой его применения: некоторые вопросы квалификации	59

<i>Майдоров А.С.</i> Управление силами и средствами территориальных органов при предупреждении и пресечении массовых беспорядков, возникающих в ходе протестных акций.....	61
<i>Малетина М.А.</i> Состояние женской преступности в России на современном этапе.....	64
<i>Маракулин Д.А.</i> К вопросу об уголовной ответственности за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.....	67
<i>Маслов В.А.</i> Проблемы формирования уголовной политики России на современном этапе.....	69
<i>Николаев К.Д.</i> Использование сети Интернет как обстоятельство, отягчающее наказание.....	71
<i>Нуждин А.А.</i> Обстоятельства, способствующие совершению «мобильных» мошенничеств в исправительных учреждениях.....	73
<i>Попов А.С.</i> Влияние современных массмедиа на суицидальное поведение среди несовершеннолетних.....	75
<i>Распопов В.А., Баньковский А.Е.</i> Административный надзор как средство профилактики повторного совершения преступлений.....	77
<i>Семенюк Р.А., Щеглов А.И.</i> Проблемы в деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения.....	81
<i>Сидорова Е.З.</i> Татуировки как элемент криминальной субкультуры.....	83
<i>Стальбовский В.В.</i> Современные криминологические аспекты предупреждения преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних.....	86
<i>Старикова О.А.</i> Проблемы квалификации факта нарушения неприкосновенности жилища.....	89
<i>Суверов С.Е.</i> Идея условности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.....	91
<i>Тарасова Л.Я.</i> К вопросу о несоблюдении системности в нормах общей части уголовного кодекса Российской Федерации.....	94
<i>Титаренко А.П.</i> Пропаганда терроризма как признак уголовно-правового деяния.....	96
<i>Федоров А.Ф.</i> О влиянии безработицы на преступность ранее судимых лиц в Алтайском крае.....	99
<i>Фисенко Д.Ю.</i> Условное осуждение и некоторые проблемы его реализации.....	102
<i>Фризен П.Д.</i> Криминогенные факторы, обуславливающие региональную преступность.....	105
<i>Шаганова О.М.</i> Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъект профилактики семейного неблагополучия в отношении несовершеннолетних в Алтайском крае.....	107
<i>Шатилова О.А.</i> К вопросу о правомерности необходимой обороны.....	109
<i>Щербинин Е.С.</i> Признак заведомости в составе преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ.....	110
<i>Яковлева Л.В.</i> Защита исторической памяти народов России как направление развития уголовного законодательства Российской Федерации.....	112

Научное издание

**Сибирский юридический форум:
современные проблемы науки и практики
в уголовном праве и криминологии**

*Материалы Всероссийской
научно-практической конференции*

Редактура, компьютерная верстка
Ю.С. Жолобовой

Лицензия ЛР № 0221352 от 14.07.1999
Лицензия ПЛр № 020109 от 15.07.1999

Подписано в печать 30.09.2021. Формат 60x84/8. Ризография.
Усл.п.л. 14,8. Тираж 84 экз. Заказ 432.
Барнаульский юридический институт МВД России.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49; бюи.мвд.рф.